А. А. ПОЛИВАНОВ

ИЗ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ ПО ДОЛЖНОСТИ ВОЕННОГО МИНИСТРА И ЕГО ПОМОЩНИКА 1907—1916 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ЗАЙОНЧКОВСКОГО
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
МИХ. ПАВЛОВИЧА

ТОМ
I

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА — 1924

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ № 943.
ТИРАЖ 7.250.
Ленинградский
Гублит № 5013.
ЗАКАЗ № 170.
Воен. Типографии
Штаба Р.-К. К. А.
(Пл. Урицкого, 10).

4459-0

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Генерал Поливанов пользовался репутацией „левизны“ в наших правящих и думских кругах и даже был уволен в 1912 г. от должности помощника военного министра именно по этой причине (см. стр. 117). В действительности же это был чиновник правого образа мыслей и самых верноподданнических чувств. С умилением и гордостью рассказывает Поливанов о том, как государь троекратно христосовался с ним, не удостоив некоторых других сановников этой высокой чести, как императрица Мария Федоровна допустила его к своей ручке, а императрица Александра Федоровна пожаловала ему яйцо из серой яшмы.

Когда в сентябре 1915 г. ничтожный Николай II берет на себя верховное командование армиями в войне с победоносным врагом, Поливанов заносит в свой дневник следующие строки: „Совершилась великая перемена в Верховном командовании нашими войсками. Хочется верить, что решением государя в этом важном не только для России, но и всего мира деле, руководил промысл божий“.

Рассказывает Поливанов и о своих чувствах по отношению к Столыпину, под личным обаянием которого он, по собственному признанию, находился. Поливанов гордился сознанием, что Столыпин доволен его деятельностью. Репутация безукоризненной честности не мешала Поливанову неоднократно принимать у себя на дому, по каким то, несомненно темным делам, о которых автор воспоминаний при всей своей словоохотливости предусмотрительно умалчивает, такого мошенника, как князь Андронников; репутация „левизны“ не возбраняла помощнику военного министра интересоваться полученными от полковника Мезенцова „очень ценными данными для установления принадлежности младшего помощника наказного атамана И. М. Добрынина к кадетской партии“, очевидно на предмет принятия соответствующих мер.

Мы не знаем, был ли Поливанов членом „Союза русского народа“, но во всяком случае его свидания с Дубровиным, когда Поливанов самолично ездил на квартиру последнего, принимал у себя на дому дубровинских агентов и т. п., не оставляют сомнения в том, что Поливанов находился в очень

тесных связях с черносотенной кликой. Во всяком случае Поливанов, поскольку от него зависело, принимал все зависящие меры для скорой и быстрой расправы с революционерами. Так, после убийства начальника Главного Тюремного Управления Максимовского, Поливанов телефонирует Рыльке и затем Рауху о необходимости „суда скорого, решительного", т.-е. настаивает на казни убийцы, вмешиваясь в ход судебного производства и производя давление на председателя суда. Поливанов поддерживал в Совете Министров министра юстиции по вопросу о присвоении тюремной страже права действовать оружием и удостоился благодарности как министра юстиции, так и самого Столыпина. Поливанов играл роль своеобразной смычки между октябристами и черной сотней и, как известно, вместе с Гучковым выступал главным обвинителем против своего бывшего шефа, Сухомлинова. Однако все это не умаляет значения воспоминаний Поливанова, как ценного исторического документа.

Прежде всего, воспоминания генерала Поливанова лишний раз подчеркивают роль царского правительства, как одного из главных виновников войны 1914—1918 г.г. Так, Поливанов рассказывает о подготовке России в 1908 г. к войне с Турцией, о заседании Совета Государственной обороны 25 февраля 1908 г., на котором рассматривался вопрос об общей мобилизации на случай войны с Турцией, при чем выяснилось, что великий князь Николай Николаевич „требует брать Константинополь". Конечно, всем государственным деятелям царской России было ясно, что путь в Константинополь лежит, в конечном счете, через Берлин и Вену, и вот почему в своих воспоминаниях, начинающихся с 1907 г., Поливанов чуть ли не на каждой странице возвращается к вопросу об обороне западной границы, специально к вопросу о срытии польских крепостей, согласно пресловутому, наделавшему много шуму во французской печати, проекту военного министра Сухомлинова. Последний держался той, не лишенной основания, точки зрения, что упразднение целого ряда (девяти) польских крепостей, в том числе Ломжи, Зегржа, Новогеоргиевска, Варшавы, Ивангорода и перемещение значительной части наших войск из губерний Царства Польского на Волгу лишь усилит военную мощь России по отношению к Австрии и Германии, устранив, с одной стороны, лишние расходы на ненужные крепости, неспособные устоять перед современным артиллерийским огнем, с другой—давая возможность собрать армию в кулак для успешного действия против австро-германских войск. От этого крайне целесообразного плана пришлось отказаться по требованию французского правительства (подробнее об этом см. нашу работу: „Советская Россия и Франция" стр. 18—20 Издание В. В. Р. С.

Москва 1924 г.) В высшей степени характерно для Поливанова, что он, очевидно, чтобы не ссориться с влиятельными людьми и не портить себе карьеры, воздерживался от высказывания своего определенного мнения по данному проекту, столь важному с точки зрения обороны государства. С удовлетворением рассказывает он о том, как Богданович передал Сухомлинову, что Поливанов однажды высказался у него, Богдановича, по данному вопросу с большим тактом—„ни за, ни против".

Воспоминания ярко рисуют причины поражения русской армии в войну 1914—1918 г. Уже к заседанию Совета Министров 1 марта 1908 г. военный министр доложил, что Россия не в состоянии вести войну даже с Турцией. Армия воевать не может, ибо уже нет запасов и она не обучена. „Военный министр резко произнес, обращаясь к Столыпину: „армия не учится, а служит Вам". В самом деле, солдаты и офицеры военному делу не учились, а занимались исполнением полицейских обязанностей, подавляя рабочие и крестьянские беспорядки. Как шло обучение армии военному делу видно из записей в воспоминаниях Поливанова; результат осмотра крепости Ивангород: „офицеры не знают дела, обучение нижних чинов слабо; за отсутствием снарядов и трубок делают заряжание мимикой". И такие порядки царили в крепости, которая одной из первых должна была подвергнуться удару неприятеля. Что же происходило в глубине России? Сам помощник военного министра в своих воспоминаниях слишком много внимания, за период с 1908 г. по 1913 г., посвящает вопросу о борьбе с крамолой, о ликвидации заговорщиков, и понятно, что у него не оставалось достаточно времени для занятия своим непосредственным делом. Он рассказывает нам о покушениях на великого князя Николая Николаевича, на генерала Мищенко, Гершельмана и др., о студенческих беспорядках, о крестьянских волнениях, о рабочих забастовках и невольно обнаруживается, как военное министерство было отвлечено от своей непосредственной задачи укрепления и усиления армии для борьбы с внешним врагом заботами о поддержании внутреннего порядка и страхом перед революцией.

Армия не была подготовлена к войне, несмотря на колоссальные средства, которые тратились на сухопутные и морские вооружения, ибо ни солдаты, ни офицеры, ни высший командный состав не были подготовлены к ведению современной войны. Вооружение войск было устарелое. Николай II, которому, очевидно, внушили эту мысль, был против введения автоматической винтовки „так как тогда не хватит патронов". Как указывает генерал Поливанов: „Громадные шаги вперед, которые делала на западе военная техника, отражались на нашей армии не так быстро, как этого требовал бы

урок, нанесенный нам русско-японской войной, и происходило это не только вследствие слабого развития у нас соответственных отраслей промышленности, но, главным образом, вследствие недостаточного проникновения в руководящую военную среду значения техники на войне.

„Военно-декоративная часть заслоняла военно-техническую, и выбор цвета сукна для мундира нового гусарского полка мог привлечь к себе больше внимания, нежели вопрос о целесообразности беспроволочного телеграфирования на войне или о применении в бою дымовой завесы. Образованный в 1910 году комитет генерального штаба, который по идее, в него положенной, должен был побуждать к разработке главными управлениями мероприятий о подготовке к войне, не давал со своей стороны толчков в вопросах боевого снабжения армии".

Кроме того, в военном ведомстве, как и во всех остальных ведомствах, царило взяточничество, систематические злоупотребления с поставкой всякого рода материалов, при чем все эти преступления сходили совершенно безнаказанно для виновников их, как явствует из воспоминаний Поливанова, не только в мирное время, но даже и во время самой войны, когда эти преступления непосредственно влекли за собой поражения и гибель тысяч людей и целых армий.

Во второй части своих воспоминаний Поливанов рассказывает о своем пребывании во главе военного министерства во второй год мировой войны, когда особенно острый характер приобрел вопрос о снабжении армии всем необходимым. Армия не имела в достаточном количестве ни винтовок, ни, тем более, патронов к ним, ни пулеметов, ни тяжелых и легких орудий, ни авиационных средств, ни средств химической войны или хотя бы противогазовых масок. Так, в сражении 18-го мая 1915 г., когда немцы выпустили волны удушливых газов против позиций, занятых к юго-западу от Варшавы войсками 10-й Сибирской и 55-й пехотной дивизией, в одном из полков умерло от газов: офицеров—4, нижних чинов—696; заболело от газов офицеров—16, нижних чинов—1.812. Согласно донесениям начальника штаба верховного главнокомандующего, смертность от газов составляла треть или четверть, уцелевшие остались калеками.

Русская промышленность при всем напряжении сил не могла изготовлять во время войны всего необходимого материального оборудования армии, поэтому значительная доля энергии военного министерства уходила на выпрашивание технической помощи у союзников на дорого стоющие и бесплодные заказы за границей. Верные союзники, выжимавшие из России все ее военные рессурсы, заставлявшие продажное

царское правительство, а затем холопское правительство Керенского, систематически бросать плохо вооруженные, а то и просто безоружные русские войска (по данным Поливанова к 1-му ноября 1915 г. штатный некомплект винтовок в действующей армии равнялся 1.141.062 штук, в действительности некомплект был выше), заранее осужденные на неудачу губительные остатки против грозного, вооруженного с ног до головы всеми усовершенствованиями современной техники противника,—не желали помочь русской армии техническими средствами и предпочитали сохранять последние в своем распоряжении, чтобы в удобный момент пустить в ход против Германии все накопленные и созданные за время войны технические средства. Так, по словам Поливанова, лорд Кичинер был крайне недоволен данным вице-адмиралу Русину английскими властями обещанием снабдить русскую армию 300 гаубицами, высказавшись в том смысле, что английская армия сама в них нуждается.

Генерал Поливанов рассказывает, что одним американским заводом Ремингтона и Вестингауза были сделаны в 1915 г. заказы на 3.200.000 винтовок. Между тем, как явствует из книги Маниковского („Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг."), за все время войны русская армия получила от всех союзников, вместе взятых, всего 1.803.000 винтовок, в том числе 400.000 итальянских винтовок устарелого образца, которые пришлось отправлять в лагери для обучения новобранцев. Неудивительно, что при таком отношении союзников пришлось делать попытки приобресть винтовки в Испании, в Бразилии и т. д. Все эти смешные попытки закончились, как констатирует Поливанов, полной неудачей.

Как все авторы воспоминаний, Поливанов охотно подчеркивает чужие ошибки, но не говорит о своих собственных. Так констатируя тот факт, что осенью 1915 г. толпа беженцев занимала 115.000 товарных вагонов в течение двух месяцев, говоря о безалаберщине, царившей на наших железных дорогах, Поливанов делает следующее глубокомысленное замечание:

„Если бы Главное Управление Генерального Штаба вдумывалось в подготовку к войне и предвидело возможность отступления, то некоторые линии с запада на восток, из примыкающих к магистрали Петроград—Ростов, были бы двухколейные".

Но ведь сам Поливанов до своего назначения на пост военного министра был десять месяцев начальником Главного Штаба, а затем с 1906 г. бессменно состоял шесть лет помощником двух военных министров, Редигера и Сухомлинова. Почему же он сам не предусматривал возможности отступления? В том-то и дело, что о неизбежности отступления в случае войны с Германией позволял себе открыто говорить в правящих кругах лишь военный министр Сухомлинов: отсюда его план укрепления польских крепостей и переброски

войск, расположенных в Царстве Польском, на линию Пермь—Вологда. И если этот план провалился, известная доля ответственности, в данном случае, падает на Поливанова и других представителей нашего военного министерства, для которых верховным правительством царской России, этой гигантской колонии французского капитала, резервуара пушечного мяса для III республики, было прежде всего правительство последней; с точки зрения французского командования дело заключалось совсем не в том, чтобы русская армия была готовой к защите своей страны, а прежде всего в том, чтобы быть ей готовой с самого же начала войны отвлечь на себя, хотя бы с риском быть в окончательном результате совершенно разгромленной, значительную часть германских войск для облегчения задач французской армии. Русская армия должна была беспрекословно рисковать гибелью многочисленных корпусов и окончательной потерей целого ряда областей для того, чтобы французская армия сумела сначала отстоять Париж, а затем овладеть немецкими территориями.

При чтении воспоминаний Поливанова, порой против воли автора, ярко вырисовывается картина полной продажности, дикого невежества, военной безграмотности многих руководителей нашей армии и, прежде всего, картина самого глубокого антипатриотизма вершителей судеб многомиллионной страны, продававших последнюю французским и английским биржевикам и спекулянтам, третировавшим русских солдат, как белых наемников, проданных царизмом Антанте,—к чему с своей стороны и сам Поливанов приложил руку, поставив задачей Управлению Генерального Штаба „сообразить скорейший способ сформирования первого эшелона, который наметить в составе бригады из двух полков“ для отправки на убой во Францию. Когда заканчиваешь чтение этих воспоминаний, с радостью задумываешься над тем, что кончилась, наконец, безвозвратно для трудящихся масс бывшей царской империи эта бесконечно мрачная эпоха, когда вся страна, стонавшая под игом собственных палачей, была в довершение продана в кабалу иностранным бандитам и превращена в гигантскую казарму для поставки пушечного мяса французскому империализму. Это время ушло навсегда в область прошлого, и ныне Красная армия, этот вооруженный оплот трудового населения СССР, стоит на охране границы первой Советской республики в мире, защищая республику против попыток отечественной контр-революции и всяких поползновений превратить ныне свободную страну в колонию международного капитализма, в добычу английских, французских, американских, бельгийских и других стервятников.

Мих. Павлович.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Генерал от инфантерии Алексей Андреевич Поливанов завещал после своей смерти Комиссии по исследованию опыта мировой и гражданской войны обширнейшую рукопись, примерно около 60—70 печатных листов, под заглавием: „Девять месяцев во главе Военного Министерства. 13 июня 1915 — 13 марта 1916 г.г.“.

В этой рукописи, в которую входит и масса выдержек из современных газет, а также протоколы многих заседаний и даже целые, проведенные за это время, законоположения, автор как бы дает потомству отчет о том, что он сделал за время нахождения на посту военного министра и как он работал. А. А. Поливанов предупреждает, что он не пишет историю своей деятельности на этом посту, что это сделают другие, а потому он отмечает только все наиболее важное, с чем соприкасалась его деятельность за это кипучее в жизни русского народа время.

Но, в действительности, это есть своего рода маленькая история со всеми специфическими особенностями такого рода трудов самоописания и самооценки, где, наравне с полной достоверностью фактической стороны и существовавших настроений, проглядывает и некоторая доля пристрастия и оскорбленного самолюбия.

Время пребывания А. А. Поливанова во главе Военного Министерства (это был второй год войны, когда правительство должно было привлечь общество к снабжению армии всем необходимым) настолько интересно, работа Военного Министерства настолько важна для истории Мировой войны, что труд Поливанова приобретает глубокий интерес и является необходимой отправной данной для всех лиц, которые хотели бы работать по вопросу снабжения армий во время Мировой войны. Высокое же образование автора, его большие способности и трудолюбие, которые законно ставят Поливанова в число наиболее выдающихся военных администраторов бедной людьми эпохи последних десяти лет империи, придают его деятельности и составленному им отчету особый интерес.

Однако, несмотря на все положительные качества работы А. А. Поливанова. печатание всего собранного им материала навряд ли можно признать целесообразным. Он

не дает исчерпывающего освещения ни по одному вопросу, а останавливается только на более интересующих его стадиях развития данного вопроса. Поэтому работающим по делу снабжения армии базироваться только на работе Поливанова не приходится. Документы, которые он приводит, имеют эпизодический, отрывочный характер и его труд может служить лишь одним из источников по освещению работы по снабжению армии, а не исчерпывающим материалом.

То же можно сказать и относительно политической стороны записок. Автор десятки страниц наполняет перепечатанными из газет речами ораторов Государственных Совета и Думы, а также разных общественных собраний, но и здесь эти перепечатания имеют характер эпизодический, а потому и не являются материалом исчерпывающим. Лицо, интересующееся этой стороной жизни России, не может ограничиться работой Поливанова, а принуждено будет обратиться к первоисточникам.

Непомерно большой размер записок Поливанова заставил редактора в настоящем издании приготовить их к печати в сокращенном виде, исключив большую часть газетных выдержек, разных законоположений и протоколов, которые интересующиеся могут в полном об'еме найти в военных архивах. Нагромождение всего этого материала делает работу Поливанова тяжеловесной для общего чтения, не принося, как сказано выше, и пользы лицам, интересующимся специальными вопросами.

Но все принадлежащее лично перу Поливанова, а также те выдержки из печатных материалов, которые освещают мысль автора, остались в издаваемом труде неприкосновенными; вопросы, имеющие общий интерес, более снабжены материалами, которые автор приводит; наконец, перечень сделанных им докладов и распоряжений, не имеющих никакого общественного интереса, совершенно выпускается.

Такова работа редакции в подготовке к изданию труда, принадлежащего самому Поливанову.

Но, кроме того, в военно-ученом архиве хранятся семь памятных книжек Поливанова за 1907—1913 года, в которых он делал ежедневные записи. В этих книжках, на ряду с мало интересными записями об обедах, визитах и заседаниях, встречается много весьма интересных заметок, имеющих общественное значение. Все эти заметки, разбросанные в разных местах, редакция аккуратно выбрала из памятных книжек и предпосылает их труду Поливанова.

Таким образом, предлагаемое издание состоит из биографии А. А. Поливанова, выдержек из его дневника за 1907—1913 года, времени, когда он был помощником военного министра и членом Государственного Совета, описания

пребывания его во главе Военного Министерства и перечня лиц, о которых упоминается Поливановым.

В виду изложенного редакция считает, что наиболее подходящим наименованием настоящего труда будет: „Из бумаг военного министра А. А. Поливанова 1907—1916 года“.

Редактор не делает оценки труда Поливанова — тридцать лет знакомства с автором заставляют его опасаться быть пристрастным. Можно только отметить большое историческое значение настоящего труда, дающего яркие блики отжившей эпохи, особенно ценные потому, что они не являются продуктом позднейшего измышления и дают читателю только самый факт, отмеченный наблюдательным человеком, без всяких, в большинстве случаев, личных выводов. В этом отношении записи Поливанова очень выигрывают среди многочисленных мемуаров, наводнивших в настоящее время книжный рынок.

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ ПОЛИВАНОВ.

Алексей Андреевич происходил из старой дворянской семьи. Родился 4 марта 1855 года. Военное образование получил в Николаевском Инженерном Училище, откуда в 1874 г. вышел в л.-гв. Гренадерский полк. С полком, в чине подпоручика, он отправился за Дунай, во время Русско-Турецкой войны 1877—78 годов, и в первом бою полка под Горным Дубняком, 12 октября 1877 года, был тяжело ранен в грудь. Этим кончилась боевая служба Поливанова на всю его жизнь.

Во время лечения от раны в лазарете Красного Креста в Киеве Алексей Андреевич сблизился с семьей Киевского генерал-губернатора Александра Романовича Дрентельн и потом в течение всей своей жизни поддерживал с ней дружеские сношения. Участие этой семьи не осталось без плодотворного влияния на всю дальнейшую карьеру Алексея Андреевича.

После выздоровления от раны Поливанов поступил в Николаевскую Инженерную Академию, курс которой кончил по 2-му разряду.

При окончании Инженерной Академии старший брат Алексея Андреевича, бывший полковым ад'ютантом л.-гв. Гренадерского полка и флигель-ад'ютантом императора Александра II, скончался, и Алексей Андреевич поторопился вернуться в полк занять место полкового ад'ютанта после кончины своего брата, что при Александре II сулило в скором будущем флигель-ад'ютантские вензеля. Однако, вступление на престол императора Александра III изменило условия службы в гвардии.

В 1885 году Поливанов, имея уже чин штабс-капитана гвардии, который не допускал поступления в Академию, был, в виде исключения и по особому высочайшему повелению, принят в Николаевскую Академию Генерального Штаба, которую он и окончил первым в 1888 году.

По окончании Академии Алексей Андреевич вышел на службу в Генеральный Штаб в Киевский военный округ, которым все еще продолжал командовать А. Р. Дрентельн, скончавшийся, впрочем, в том же году.

Прослуживши в Штабе Киевского военного округа два года на должности старшего ад'ютанта Мобилизационного

Управления, Поливанов перешел на службу в Главный Штаб и вся его дальнейшая служба проходила уже в центральных управлениях военного министерства в полном удалении от войск.

С 1890 по 1899 год Алексей Андреевич занимал второстепенные должности в Главном Штабе, а с 1899 года по конец 1904 года он был главным редактором официального военного органа „Военный Сборник“ и „Русский Инвалид“.

Таким образом, до 50-летнего возраста карьера Поливанова ничуть не отличалась от карьеры заурядного офицера Генерального Штаба того времени. Но с конца 1904 года, когда Русско-Японская война отвлекла часть сил Генерального Штаба на фронт, Алексей Андреевич начал повышаться по службе с молниеносной быстротой, достигнув в полтора года с места редактора „Русского Инвалида“ поста помощника военного министра.

За эти полтора года он был два месяца постоянным членом и управляющим делами Главного Крепостного Комитета, пять месяцев генерал-квартирмейстером Главного Штаба и десять месяцев начальником Главного Штаба. Такому быстрому продвижению безусловно способствовали, кроме случая, бесспорный большой ум Алексея Андреевича, знание им по прежней службе всей машины центрального управления, его трудолюбие, воспитанность и привлекательность в обращении. Сам большой работник, он, к тому же, умел выжимать соки и из своих подчиненных.

С апреля 1906 года Поливанов бессменно состоит шесть лет помощником двух военных министров, Редигера и Сухомлинова, имея непосредственное сношение с законодательными палатами и особенно с Государственной Думой.

Личные качества Алексея Андреевича приобрели ему большую популярность среди членов Государственной Думы, а через нее и общественных кругов. Частые посещения Совета Министров заставили оценить его способности и представителей высшей бюрократии. Таким образом, он в праве был считать себя ближайшим кандидатом на пост министра. Но судьба решила иначе. Первоначальные, очень хорошие с Сухомлиновым отношения постепенно обострились и не без его влияния Поливанов в 1912 году был отчислен от должности помощника военного министра с оставлением членом Государственного Совета, которым он состоял с 1 января 1912 года.

После ухода из военного министерства Алексей Андреевич очень сблизился с вел. кн. Александром Михайловичем, приняв на себя главное руководство по сбору пожертвований на воздушный флот. Когда началась мировая война, то Поливанов принял ближайшее участие в работе принца А. П. Ольденбургского по эвакуации раненых, пока, наконец, в

июне 1915 г. не получил поста военного министра. Эту эпоху он подробно описывает в своих мемуарах.

После отчисления в марте 1916 года от должности военного министра Поливанов не играл заметной роли до февральского переворота 1917 года.

Первый военный министр Временного Правительства А. И. Гучков приблизил к себе Поливанова, сделав его председателем особой комиссии по построению армии на новых началах.

Алексей Андреевич, который всегда сознавался, что он в строевом отношении совершенно несведущ, взял на себя эту работу, и связав свое имя со всеми реформами этого неудачного министра, поколебал к себе то уважение, которым он законно пользовался в рядах русской армии.

Во время правительства Керенского Поливанов находился в тени, а при Советской власти он, после долгой изоляции, в 1920 году быстро пошел в гору, заняв место члена Законодательного Совета и Особого Совещания при Главкоме. В этом же году он поехал в составе делегации для ведения мирных переговоров с Польшей в Ригу, где скончался от тифа.

Из литературных трудов перу Поливанова принадлежит только исследование деятельности интендантства в наших войнах с Турцией 1853—56 и 1877—78 г.г.

Алексей Андреевич был женат на дочери генерала Наталии Александровне Шлиттер, такой же близкой к семье А. Р. Дрентельн, как и он сам. От этого брака у него был единственный сын, который в чине поручика л.-гв. Гренадерского полка был убит в начале мировой войны.

Бесспорно Алексей Андреевич Поливанов представляет собою одну из крупных фигур в высших военно-административных сферах последнего десятилетия монархии, отмеченного таким безлюдьем.

ИЗ ДНЕВНИКОВ 1907—1916 ГОДОВ.

1907 год.

1 января. В Царском Селе был выход в собор. Я простоял обедню. Потом обратный выход и прием поздравлений. Государь и обе императрицы стояли в Серебряном зале. За завтраком я сидел за круглым столом с министрами. Поздравление я также приносил с министрами...

За обедом мне подали письмо городское, где за подписью „Комитет" извещалось, что за Павловым моя очередь, что мне дается три дня, что выполнение приговора возложено на трех и кончалось—„будьте благонадежны".

2 января. Ночь провел плохо. Сплошной кошмар — ведомости от министра финансов и за каждый пункт мне смертная казнь. 17° мороза, а потому заказал карету, чтобы ехать на вокзал. При выходе из под'езда в Эртелевом переулке спектакль был не из отрадных: направо у соседнего дома стояла похоронная процессия, налево три господина по типу товарищей. Мне казалось, что два таких господина, а затем один в очках пристально следят за моей каретой до какого-то переулка на Загородной, когда они повернули направо. В вагон вошел Палицин [1]), разговор, как всегда, с его стороны половинчатая критика того, что делается... Государь весело обратил внимание, что у меня тоненький доклад, а я напомнил, что вчера я послал е. в. толстый, но очень скучный доклад. Затем е. в. упомянул, что А. Ф. Редигер на полном покое; я ответил, что, чтобы не нарушать его покоя, я не показываю ему ни почерка, ни лица. В заключение доклада государь достал журнал Совета Государственной Обороны об установлении единоначалия во Владивостоке и говорил, что он в пользу этого единоначалия. Отсюда перешел разговор на наше положение на Дальнем Востоке вообще и я высказал, что план обороны должен быть пересмотрен в Совете Государственной Обороны и что у меня есть записка о положении вещей там ныне. Государь выразил, не следует ли послать туда генерал-ад'ютанта; я подтвердил пользу этого и прибавил, что полезно генерал-ад'ютанту дать соответствующих спутников-специалистов.

---

[1]) Начальник Генер. Штаба. *Ред.*

3 января. К $8^1/_2$ часам во дворце вел. кн. Николая Николаевича на совещание: вел. кн., министр иностранных дел, Палицин и я, по поводу переводить ли 4 В.-Сиб. стрелковую дивизию в Приамурский округ. Министр иностранных дел высказался против, так как это силы нашей не увеличит, а японцев заставит быть недоверчивыми. Извольский [1]) развил свою программу: равновесие на Дальнем Востоке путем политики, дабы не тратить средств на Дальний Восток и сохранить силы для решения крупных вопросов в Европе. Из совещания в Совете Министров: там разногласие о порядке постройки Амурской дороги. Я присоединился к мнению Извольского и Коковцева [2]) и не поддержал министра путей сообщения, что надо к постройке приступить не иначе, как порядком внесения в Государственную Думу. Мои обычные пререкания с министром финансов окончились полууспехом.

4 января. Подполковник Лавров прислал агента присматривать за мной.

5 января. К трем часам отправился в Совет Министров и по пути заезжал к А. М. Рылееву [3]), чтобы поделиться впечатлениями докладов у государя. В Совете Министров до $7^1/_4$ часов обсуждение уездной реформы. Морской министр, Шауфус [4]) и оба Извольских не были. Я спросил Коковцева, не комично ли, что я сижу усердно на делах, не имеющих отношения к военному делу, но он сказал, что это так и следует, а надлежит удивляться, почему те не бывают. Мне удалось, впрочем, по соглашению с кн. Васильчиковым [5]) высказать верную мысль о том, что в ценз на выборы в уездные гласные надо ввести владельцев дач, хуторов и т. д.

6 января. На крещенском параде в Царском государь проходя мимо Палицына и меня, подал нам руку.

7 января. В 2 часа директор 1 департамента министерства иностранных дел привез для прочтения официальное об'явление для Китая, Японии и для печати о более раннем вызове наших войск из Маньчжурии. Вечером был Пруссак [6]), который передал о распространившемся слухе, что я заменю Палицина.

8 января. К $8^1/_2$ часам в Совет Государственной Обороны по вопросу переводить ли 4 Вост.-Сибир. стрелк. дивизию в Приамурский край: одиннадцать человек против шести—за. Был министр иностранных дел, который прекрасно отстаивал

---

[1]) Министр иностранных дел. *Ред.*

[2]) Министр финансов. *Ред.*

[3]) Любимый генерал-ад'ютант Александра II, доживавший свой век на покое. *Ред.*

[4]) Министр путей сообщ.; другой Извольский обер-прок. Синода. *Ред.*

[5]) Главноупр. Земледел. *Ред.*

[6]) Помощ. редакт. „Рус. Инвалида", друг Поливанова. *Ред.*

свою мысль о том, что не следует понапрасну раздражать общественное мнение Японии.

9 января. К 2½ часам прибыл к военному министру, который мне сказал, что государь хорошо отзывался о моих докладах... Дали окончательное направление делу Стеселя. Главный прокурор вносит обвинение Стеселю, Рейсу и Фоку [1]).

10 января. Присутствовал при докладах военному министру. Вчера после вступительных разговоров об отдыхе государь сказал военному министру, что я очень хорошо докладывал, упомянул, что я очень нервный—карандаш так и ходит в руке—повелел об'явить благодарность, прибавив, что это для ободрения меня.

16 января. К 10 ½ часам я поехал к вел. кн. Николаю Михайловичу, чтобы благодарить его за присылку мне 2-го тома издания его портретов. От А. Н. Нарышкиной [2]) у него письмо, где она говорит, что в воскресенье я насказал ей страшных вещей. Вел. кн. спрашивал, в чем дело, я ответил, что заявил ей о невозможности для нас вести войну с Японией.

30 января. В Совете Министров долго спорили о всеобщем обучении. Философов [3]) поднял вопрос о заказах воен. вед. Финляндским заводам. Я дал об'яснение, что заказы могут только даваться на заводах в России, хотя бы они и принадлежали финляндцам. По окончании заседания Столыпин, Коковцев и еще кто-то говорили о покушении на жизнь графа Витте.

31 января. Вчера Эверт [4]), сегодня вел. кн. Сергей Михайлович [5]) и Вернандер [6]) жалуются, что нет плана действия на Дальнем Востоке, но энергичного воздействия не делает никто.

1 февраля. К 9 часам к министру иностранных дел на совещание по поводу персидских дел и Багдадской ж. д. Остановились на необходимости разграничить сферу влияний с Англией в Персии и на неизбежности постройки Багдадской жел. дороги.

5 февраля. В комиссии Зарубаева был длинный спор — оставаться ли выборному суду общества офицеров; небольшим большинством голосов удержали его и к 8 час. в помещении Совета Обороны, где ген.-майор Алексеев [7]) излагал план обороны Дальнего Востока, составленный начальником

---

[1]) Участники сдачи Порт-Артура. *Ред.*
[2]) Статс-дама императрицы Алекс. Федор. *Ред.*
[3]) Государ. контрол. *Ред.*
[4]) Начал. Главн. Штаба. *Ред.*
[5]) Ген.-Инспек. Арт. *Ред.*
[6]) Пом. Ген.-Инсп. по инжен. части. *Ред.*
[7]) Будущий Нач. Штаба Верх. Главн. в мировой войне. *Ред.*

Генерального Штаба. Я не могу себе усвоить идеи сосредоточения армии в Маньчжурии. Оживленных дебатов не было.

6 февраля. К 9 часам прибыл в Совет Министров. Когда все очередные дела были рассмотрены, Столыпин сказал, что желает посоветоваться. В Думе начнут с боя по поводу военно-полевых судов. Они должны были бы исчезнуть 20 августа, но неудобно, если будут продолжаться казни. Из вариантов (как поступить) П. П. Извольского — внести представление в Думу об отмене; Столыпина—отменить действие циркуляром и отменить указом накануне созыва (и мое мнение). Большинство склонилось к последнему.

10 февраля. В Совете Государственной Обороны Извольский (министр иностранных дел) долго и доказательно говорил, что наши отношения с Японией налаживаются и, что, в виду возможности конвенции с ней, с ведома ее союзницы Англии, нам надо избегать какими-нибудь интенсивными мероприятиями возбудить в ней недоверие, а следовательно и войну. Центр тяжести влияния должен быть не на Дальнем Востоке, а на Западе (спиной к обдорам, а не лицом).

12 февраля. К $8^1/_2$ часам в Совет Государственной Обороны. Были приглашены Извольский и Коковцев. Начальник Генерального Штаба доложил в кратких чертах свой план обороны Дальнего Востока. Было предложено слово Извольскому. Постановкой вопросов Палицину он доказывал, что план составлен вне времени и пространства. Остроградский [1]) показал мне записку: „как ученику 2-го класса гимназии—0". Поставлен был вопрос: можно ли сосредоточиваться в Маньчжурии. Голоса разделились пополам: против были: министр иностран. дел, министр финансов, военный министр, я, Сергей Михайлович, Протопопов, Вернандер, Газенкампф, Остроградский; за—морской министр, адмирал Дубасов, начальник морского Генерального Штаба Брусилов, Эверт, Алексеев, Палицин, Иванов, Зарубаев. Министр финансов высказал предположение, что японцы могут даже и не пойти в Маньчжурию и наша армия ударит впустую.

13 февраля. К 9 часам я прибыл в Совет Министров. Извольский, только что приехавший с доклада из Царского Села, рассказал о попытке поймать нижнего чина с бомбой, направлявшегося к поезду вел. кн. Николая Николаевича, который должен был ехать в Царское Село. Коковцев пикировался с кн. Васильчиковым по поводу его законопроекта в Думу; затем, Извольский жаловался, что его слова, произнесенные им в пятницу в Совете Министров, попали в печать,

---

[1]) Генер.-Инспект. кавалер. *Ред.*

и негодовал на какого-то г. Лыкошина, который был в заседании и ему не представился.

Делали перерыв, когда канцелярия выходила, и рассуждали о порядке открытия Думы. Ермолов, (разговор шел о том, кому открывать Думу) отказался, ссылаясь на сердце; государь предложил Чихачева или Голубева [1]). Остановились на Голубеве. Решили быть в сюртуках. Философов жаловался на морское ведомство, которое заказывает канонерки на иностранных заводах и на Путиловском, который дороже других и не оборудован для постройки судов.

Государь не согласился на издание 19 февраля указа об отмене военно-полевых судов и одобрил разослать циркуляр о том, чтобы ограничить их применение... Вообще настроение было задумчивое и как у людей перед неприятным отъездом. Коковцев отводил меня в сторону и жаловался на Совет Государственной Обороны.

20 февраля. После открытия Думы Столыпин [2]) написал письмо государю о том, как состоялось и как вели себя правые и левые, и получил от него ответ, выражающий удивление поведению левых и приглашение быть твердым. Негодовали на Кутлера [3]), который тоже не встал [4]), а был докладчиком государя и получает 7 тысяч пенсии. Не встал и Головин [5]), а потому Совет Министров поручил Щегловитову [6]), у которого завтра доклад государю, доложить об этом факте, дабы его можно было учесть завтра при приеме Головина в Царском Селе... В пятницу Столыпин будет произносить правительственную декларацию, о чем он предупредил Головина, прося предоставить ему первому слово... Философов говорил, что, получая донесения о беспорядках в Политехническом Институте, он вызвал к себе кн. Гагарина [7]), который произвел на него впечатление жалкой растерянности. Коковцев поднял вопрос о том, что Совет Министров не реагирует на революционные очаги в высших учебных заведениях.

Автономия, автор которой генерал Трепов [8]), не создала в университетах власти. Согласились, что лучше всего предать какого-нибудь ректора суду за бездействие власти. П. П. Извольский и Кауфман [9]) защищали ректоров, указывая на их трудную роль.

---

[1]) Старейш. член Гос. Сов. *Ред.*
[2]) Предс. Совета Министров. *Ред.*
[3]) Бывш. министр, кадет. *Ред.*
[4]) Во время гимна. *Ред.*
[5]) Председ. Госуд. Думы. *Ред.*
[6]) Мин. юстиции. *Ред.*
[7]) Директор Института. *Ред.*
[8]) Пользовавшийся в 1905—6 г. диктаторскими правами. *Ред.*
[9]) Мин. Просвещ. *Ред.*

21 февраля. Вчера, когда военный министр доложил государю, что едет на открытие Государственной Думы, государь указал, что при малейшем задевании армии следует давать категорический (грозный) отпор, при чем всегда можно указать, что армия не занимается политикой, а исполняет тяжелый долг.

23 февраля. По телефону начался исторический момент первого обмена мыслей председателя Совета Министров и председателя Государственной Думы. Прежде всего Головин просил допустить в кулуары „бывших членов Думы", ибо „такие почтенные люди, как Винавер и Петрункевич [1]), чувствуют себя обиженными", спрашивал, где обо всем переговорить. Столыпин сказал, что самое лучшее на нейтральной почве, т. е. в здании Думы; таким путем обходился визит Головина к Столыпину, который со стороны первого не последовал и не должен совпадать с деловым посещением. Говорили, что Головин, в сущности, подставное лицо, что будет решать все вопросы не иначе, как по соглашению с товарищами.

27 февраля. К 9 часам в Совет Министров. В 12 кончили дела и перешли к обсуждению политических вопросов. Член Государственной Думы Алексинский продолжает ездить по заводам, собирает там митинги и доказывает необходимость подготовить вооруженное восстание. Подобным же образом поступает и член Государственной Думы Кузнецов, который об'явил даже, что Симбирская губ. разделена им на участки для восстания. Решено при первой возможности привлекать членов Государственной Думы за такие деяния к суду и, кроме того, при случае обратить на это внимание Государственной Думы. Директора Политехнического Института кн. Гагарина государь повелел уволить от службы (в общежитии Института найдена бомба) и, кроме того, его предать суду.

Читали записку Коковцева по поводу беспорядков в высших учебных заведениях, где высказывается, что, при бездействии власти, они обратились в очаги революции. Кауфман говорил на тему, что положение не так дурно, как кажется. Было уже $2^1/_2$ часа ночи и решили обсуждение записки прекратить.

2 марта. В думском зале Таврического Дворца упала рано утром люстра и увлекла за собой часть потолка.

3 марта. К 3 часам надо было в Совет Министров; шли разговоры о скорейшей поправке потолка в Думском зале; Столыпин обратился ко мне, прося помощи сапер...

Затем пошло обсуждение записки Коковцева о беспорядках в высших учебных заведениях. Обнаружилось течение

---

[1]) Столпы кадетской партии. *Ред.*

крайнее против автономии—Коковцева и Шванебах и за автономию—Извольский (обер-прокурор) и Кауфман...

7 марта. Приезжал Раух[1]) от вел. кн. Николая Николаевича спросить, когда можно взять сапер от работ в Таврическом Дворце, ибо члены Государственной Думы из новых начинают их пропагандировать... К 9 часам я поехал в Совет Министров. Подойдя к Столыпину, я сказал, что низко ему кланяюсь за вчерашнюю речь.

В заседании присутствовал некоторое время министр Двора генерал-ад'ютант барон Фредерикс, так как разбиралось дело, оставить ли генерал-ад'ютанту князю Белосельскому-Белозерскому пользование Крестовским островом или обратить и эти доходы на погашение долгов по имению на Урале. Последовал целый ряд тактических обсуждений: 1) на запросы в Думе и в Государственном Совете отвечать министрам, а ответ предварительно заслушивать в Совете Министров; 2) министрам не участвовать в партиях Государственного Совета (Кауфман заявил, что Шванебах, участвуя в правой группе Государственного Совета, участвовал в составлении запроса по поводу дел в высших учебных заведениях ему, Кауфману); 3) Коковцев говорил, что его приглашали в финансовую комиссию Государственного Совета под председательством Череванского для об'яснений по росписи; граф Витте говорил, что надо военный бюджет сократить на 50 миллионов...

8 марта. В $8^1/_2$ часов Совет Государственной Обороны—продолжение рассмотрения, что надо делать в Приморской области. Был Коковцев—совестно было, что через $1^1/_2$ года после мирного договора мы не имеем еще твердого взгляда на значение Владивостока и не имеем никакого плана.

11 марта. Генерал Е. В. Богданович [2]) телефонировал мне, прося, чтобы главный военный прокурор принял сегодня члена Государственной Думы Пуришкевича, который завтра должен говорить от правых по поводу заявления в Государственной Думе об отмене военно-полевых судов.

А. Н. Нарышкина передавала, что граф Витте высказывает взгляд о непригодности Совета Государственной Обороны...

12 марта. К $8^1/_2$ часам в Совете Государственной Обороны для определения значения Владивостока. Генералу Эверту и Дубасову предложено было составить формулы; первый придавал значение пункта для обороны Владивостокской бухты, второй—главного об'екта в Приморской

---

[1]) Нач. штаба войск гвар. *Ред.*

[2]) Имел изьестный в Петрограде салон крайне правого направления. *Ред.*

области. Военный министр подал записку о совершенном очищении Владивостока, начальник морского генерального штаба—об обращении ее в оплот русской силы на Дальнем Востоке.

Морской министр сказал, что он примкнет к большинству, а потом вел. кн. Николай Николаевич сказал, что он присоединится к военному министру, но в то же время и к большинству. Военный министр, обратив внимание на странное положение, если государь утвердит мнение большинства и это будет передано для исполнения военному министру, который, будучи ответственным главой ведомства, не видит возможности исполнить. Генерал-ад'ютант Дубасов резко возражал против мнения военного министра о возможности совсем оставить Владивосток.

13 марта. К $2^1/_2$ часам приехал к военному министру присутствовать при докладах. Он сказал, что на докладе сегодня он изложил государю результат прений по Владивостоку и просил его величество не класть связывающей резолюции...

14 марта. В Совет Министров я опоздал. Столыпин сказал, что Головин был у него с визитом.

Столыпин прислал мне во время заседания записку по поводу помилования одного осужденного в Херсоне.

17 марта. На приеме в канцелярии Военного Министерства явились ко мне члены Государственной Думы: 1) Бардыгин и Кудрявцев от Кубанских казаков, чтобы ходатайствовать за 3 иногородних, высланных из Лабинской станицы, 2) Мурден и Пеярн Лифляндской губ.—ходатайствовать за приговоренных к смертной казни в Ревеле.

20 марта. Государь на докладе, утверждая назначение полковника Бюнтинга командиром драгунского полка, выразился, „что все кандидаты получают части, а мой кандидат граф Стенбок-Фермор все не получает".

К $10^1/_2$ часам вечера приехал в Совет Министров. По прослушанию всех дел министры обменивались мыслями по поводу неимоверно дерзкой речи в Государственной Думе священника Тихвинского; Столыпин сделал по поводу дерзостей по отношению к министрам заявление Головину, предупредив его, что министры будут в таких случаях покидать залу.

21 марта. Бедный Данилевский [1]) возится со студентами; завтра они хотели делать общую сходку, а потому на завтра академия закрыта.

26 марта. К 3 часам к вел. кн. Константину Константиновичу в Мраморный Дворец, пришел ген. Кеппен [2]), вел. кн.

---

[1]) Начальник Военно-Медицинской Академии. *Ред.*

[2]) Состоящ. при вел. кн. Константине Константиновиче. *Ред.*

пригласил в кабинет; Кеппен излагал свои мысли о недостатках постановки учебного дела в наших военных (юнкерских) училищах, заключающихся в толстых учебниках, плохих лекциях и малом уменьи. Вел. кн. просил меня в Особом Совещании разобрать курсы, освободить их от всего лишнего и наметить постановку их в смысле более практическом.

27 марта. К 9 часам в Совет Министров; Столыпин обратился ко мне и передал три телеграммы о помилованиях, кои я тотчас же послал Рыльке [1]). Коковцев корректировал в сторонке свою речь, которую он сегодня произнес в Государственной Думе.

Из вопросов политических обсуждали три конфликта в отношениях с Государственной Думой: 1) по поводу сношений Государственной Думы с местными властями, 2) по поводу допуска посторонних в комиссии, 3) по поводу революционных писем, которые члены Государственной Думы рассылают своим избирателям. Что делать по последнему пункту— мнения разделились; я высказал напечатать факты в газете „Россия“ и при случае выступить в Думе устно...

29 марта. К $8^1/_2$ часам я поехал в Мраморный Дворец к генералу П. Е. Кеппену говорить по поводу желаемой от меня выработки программ. Затем, говорили об общем положении вещей. Между прочим он сказал, что, читая дневник вел. кн. Константина Николаевича, дабы взять оттуда данные для истории лейб-гвардии Финляндского полка он нашел 4 апреля 1864 года запись, что государь одобрил мысль вел. князя о введении выборных в состав Государственного Совета; это было в 10 час. утра, а в тот же день раздался выстрел Каракозова и наступили дни реакции...

31 марта. К 3 часам поехал в Совет Министров. До заседания я выразил В. Н. Коковцеву мое восхищение его речами в Государственной Думе.

Политические разговоры шли довольно долго: 1) вчера в Государственной Думе позволяли себе нападать не только на суд, но и на существо царской власти. 2) Письма печатные продолжают из Думы рассылать на места и в Саратовской губернии уже начались погромы; необходимо воздействие; рассматривали три формы его: 1) письмо к председателю (Думы) от председателя Совета министров (не подействует). 2) Обращение от монарха (слишком много и нельзя предвидеть, как отзовется Дума) и 3) выступление председателя Совета Министров. Остановились на последнем. Головин через Фредерикса добивается приема у государя, чтобы восстановить свое личное влияние; Фредерикс им избран, как министр беспартийный. Рассуждали, как поступить с Госу-

---

[1]) Главный военный прокурор. *Ред.*

дарственной Думой на Пасху; выгоднее недели на две распустить. Возмущались, как предательски поступил вчера Головин; закончил прения, потом выступил Щегловитов, потом прения возобновились.

2 апреля. К $8^1/_2$ часам в Совет Государственной Обороны. Рассматривали отчет командующего войсками Варшавского Округа; остановились несколько дольше на заявлении об очень плохом состоянии крепостей. Военный министр заявил, что для сбережения средств необходимо приступить к упразднению ненужных крепостей; Палицин уклонялся от ответа, которые он считает ненужными, и пытался свалить на Вернандера, потом на Протопопова.

6 апреля. Вчера еще получил по телефону от полковника Бабушкина предупреждение, что Столыпин вызывал к телефону военного министра и тот потом приказал просить меня и генерала Рыльке приехать к $4^1/_2$ часам в Совет Министров. По возвращении министра из Царского Села, я спросил его по телефону, в чем дело. Оказалось будут говорить по запросам Государственной Думы относительно генерала Гершельмана [1]); он будет сам, но Столыпин просил меня и Рыльке. Обсуждение шло очень долго, в особенности на тему, кому следует отвечать и приговорили отвечать военному министру; военный министр говорит, что он не знаток в юридических тонкостях, тогда решили, что его поддержит министр юстиции и Макаров.

Государь, повидимому, склонен принять Головина без свидетелей, но барон Фредерикс передал ему, что до приема он должен представить перечень вопросов, о которых должен говорить.

7 апреля. К $8^1/_2$ час. в Совете Государственной Обороны. Два дела шли в присутствии министра иностранных дел. 1) О выводе нашего отряда из Кульджи, решено утвердительно. 2) Быть ли особому артиллерийскому запасу на Черном море; решили, что сохранить, но главным образом в целях береговой обороны, а не для Босфорской экспедиции; вел. кн. волновался отсутствием у нас денежных средств.

9 апреля. К $8^1/_2$ час. в Совете Государственной Обороны для обсуждения вопроса о задачах флота в Балтийском, Черном и Тихом океане. Как всегда не пришли ни к какому определенному заключению, так как был намечен один миллиард в безвоздушном пространстве, без соображений с потребностями сухопутного ведомства и финансовыми средствами.

10 апреля. К 9 час. в Совет Министров. П. А. Столыпин чувствует себя нездоровым. Большие прения возбудило представление министра Народного Просвещения относительно

---

[1]) Московский генерал-губернатор. *Ред.*

учреждения университета в Воронеже, Нижнем-Новгороде или в Саратове за счет личного состава Варшавского университета; Шванебах сказал, что это значит организовать еще один очаг революции; Кауфман сказал, что он ему отвечать не будет. Председателем Государственного Совета назначен член Государственного Совета Акимов.

11 апреля. Начальник Военно-Медицинской Академии представил прошение конференции Академии о смягчении участи исключенных студентов и свое особое по сему мнение; говорил, что в конференции были бурные сцены, что он более не может опираться на конференцию, а потому представил прошение об увольнении от должности. Военный министр выразил, что в субботу намерен сам ехать на конференцию.

12 апреля. Я и Эверт с'ехались у Военного Министра, чтобы условиться относительно участия сегодня в комиссии в Думе; Комиссию интересует, почему штатный состав армии исчислен в 1.219.000, какое отношение в иностранных государствах контингента к населению и как за 10 лет изменялся состав и контингент. Допросы шли в направлении—не было ли сформировано частей войск специально для усмирения внутренних беспорядков, нельзя ли сократить нестроевой элемент, препятствует ли обучению командирование войск в распоряжение гражданских властей и т. п.

14 апреля. К 9 час. вечера в Совет Министров. Говорил со Столыпиным о заседании Комиссии Государственной Думы и о заседании Государственной Думы в понедельник; Столыпин сказал, что чем резче отвечать на нападение, тем лучше. В Совете было больше всего разговоров о перенесении университета из Варшавы; при голосовании в какой город перенести, я высказался за Нижний-Новгород, указав, что там более войск для усмирения беспорядков, чем в Саратове; это вызвало общий смех.

15 апреля. К 9 час. к министру иностранных дел на совещание для обсуждения английских предложений по афганистанскому вопросу. Были Коковцев, Философов, Палицин. Признали предложения приемлемыми с оговоркой о независимости Афганистана.

16 апреля. К 11 час. поехал в Государственную Думу; приехал Коковцев, Извольский, Шванебах, Палицин, Щегловитов, Философов. Зала была полна. Кузьмин-Караваев [1]) произнес свой доклад очень хорошо; неудачны лишь были выражения „раб“ по отношению к денщикам и „палачи“ по отношению к карательным отрядам. Военный министр отвечал сначала волнуясь, а потом громко и членораздельно, указывая на те реформы, которые Военное Министерство уже приняло и про-

---

[1]) Член Госуд. Думы. К.д. *Ред.*

тестуя против слова „раб"; слабые апплодисменты справа. Зурабов [1]) говорил на тему, что армия у нас готовится только для борьбы против врагов самодержавного правительства, а не против внешнего врага, и едва произнес: „наша армия годится только для того, чтоб разогнать вас, борящихся с народом, но обречена на поражение в борьбе с противником", как все мы встали; встали правые, раздались крики: „оскорбление армии, вон его". Головин стал об'яснять, что оратор не хотел оскорбить армии, предложил Зурабову повторить. Тот сказал в том же роде; крики; Головин вторично поясняет, что сказанное оратором относится к прежнему самодержавному строю, что он считает инцидент исчерпанным и, что кто с этим не согласен, тот может уйти; после этих слов мы тотчас же все вышли. Раздался шум и крики, звонки председателя не помогли и заседание было закрыто. Через несколько минут в министерский павильон явился Головин сказать, что все это недоразумение, он не хорошо расслышал слова оратора и что сейчас ему подадут стенограмму; ему в ответ говорили об оскорблении знамени. Вскоре он вторично пришел со стенограммой, уверяя, что ничего особенно обидного Зурабов не говорил. Столыпин передал по телефону, что до улажения инцидента в залу нам показываться нельзя. Мы гуляли по саду. В 8 часов вечера заседание Думы началось; опять крики, шум и заседание было закрыто.

17 апреля. На докладе к 9 часам появился Шванебах и просил от имени В. Н. Коковцева, чтобы военный министр сегодня лично приехал в Совет Министров (а я само собой) для суждений о вчерашнем инциденте в Государственной Думе. Сегодня Головин в $8^1/_2$ часов утра был с визитом у военного министра и тот, по возвращении из Царского Села, поехал к нему в Европейскую гостинницу и оставил карточку.

К 9 часам я приехал в Совет Министров; был даже барон Фредерикс, не было лишь морского министра. Когда Столыпин подошел к своему месту, он об'явил, что в совещании останутся только министры. А. А. Макаров [2]) сказал мне: „Пойдемте А. А., к нам-то здесь привыкли, а вот, например Герасимов [3]) человек кадетского типа и я сам посоветовал П. А. [4]) так сделать. „Пришлось просидеть в канцелярии до $12^3/_4$; шла речь, как быть с Государственной Думой, и порешили, что лучше ее сохранить, так как она, будучи малоработоспособной в ее современном виде, может не вредить, выделяя в выгодную сторону правительство.

---

[1]) Член Госуд. Думы. Прапорщик запаса. *Ред.*

[2]) Тов. мин. внутр. дел, после убийства Столыпина министр внутр. дел. *Ред.*

[3]) Тов. мин. народ. просв. *Ред.*

[4]) Столыпин. *Ред.*

19 апреля. Утром от военного министра дали знать по телефону, что в 3 часа заседание Государственного Совета по рассмотрению в Государственной Думе законопроекта о контингенте новобранцев и об отпуске 6 милл. на продовольственную помощь. Первым говорил барон Корф—армия более всего должна привлекать наши симпатии; это наши дети, пусть армия знает, после печальных дней 16—17 апреля, что Государственный Совет относится к ней с любовью, и надеется, что законопроект будет принят единогласно. Потом А. С. Ермолов—пусть отголоски закрытого заседания дойдут до армии; мы должны выразить ей наш привет. Позвольте выразить уверенность, что мы все примем законопроект единодушно и с криком „ура" в честь армии. Все встают с криком „ура". Выходит Каменский: я не буду говорить против, но воинская повинность самая тяжелая для населения и потому желательно сократить войска, которые не ходят на войну, сократить гвардию. Громкие крики „довольно" и протест отдельных членов; председатель звонит, крики продолжаются, Каменский уходит. Военный министр всходит на кафедру и протестует против того, что гвардия не ходит на войну.

20 апреля. К 3 часам приехал к военному министру для совместных разговоров с Коковцевым о финансовом положении Военного Министерства; критиковали Совет Государственной Обороны и автономию Главного Управления Генерального Штаба и говорили, что реформы надо произвести путем изыскания средств в порядке пересмотра военной организации и бюджета...

23 апреля. Во дворец [1]) ехал с военным министром; собирались в церковном зале. Я простоял обедню в церкви—пели „Верую" Гречанинова—удивительно красиво. Газенкампф [2]), остающийся за главнокомандующего в будущее воскресенье назначена свадьба вел. кн. Николая Николаевича в Ливадии [3]), хлопотал о торжественном приеме на будущей неделе подарков нашей армии от французов. Когда пошли поздравлять, видно было, что государь с некоторыми христосуется, а некоторых пропускает так. Когда я сделал поклон, государь сказал: „Христос воскресе" и троекратно поцеловались, потом поклон и поцелуй ручки у императрицы Марии Федоровны; несколько отступя стояла императрица Александра Федоровна у стола, окруженная свитой, и после поцелуя ручки давала каждому яйцо; я получил из серой яшмы.

---

[1]) День именин имп. Алекс. Федор. *Ред.*

[2]) Пом. Главноком. войск. гвардии и Петерб. воен. окр. *Ред.*

[3]) С Черногор. княжной Анастасией Николаевной, разведенной женой герц. Георгия Максим. Лейхтенб. *Ред.*

25 апреля. Говорили, какой практический результат вывести из бесед с Коковцевым 20 апреля. Я высказал мнение, что надо сделать пересмотр нашего военного устройства, наметить сокращения (крепости, осадные артиллерийские полки, лишние батареи, Одесский морской баталион), что сделать это не трудно, но что же дальше при трехголовом военном ведомстве [1]).

30 апреля. К 2 часам прибыл в Государственную Думу, где прежде всего должен был слушаться ответ военного министра на запрос о незакономерных действиях Московского генерал-губернатора Гершельмана. Как и следовало ожидать, правительство потерпело поражение.

2 мая. К $9^3/_4$ ч. прибыл к докладам у военного министра. Начальник военно-медицинской академии доложил, что студенты на лекции не ходят и сделали химическую обструкцию тем, кто держит выпускные экзамены; военный министр решил академию закрыть до осени, допустив лишь держать выпускные экзамены. Об этом решено напечатать правительственное сообщение, которое мне должен был прислать Данилевский.

6 мая. На поезде 9 ч. 40 м. выезд в Царское Село [2]).

После обратного выхода был наверху прием поздравлений. Все интересовались председателем Государственной Думы Головиным. „Ура" за здоровье государя было особенно громко; чувство выливалось и под влиянием слухов о заговоре и перед председателем думы...

8 мая. На поезде 10 ч. 10 м. выехал в составе комитета императрицы в Царское. В вагоне еще было условлено, что Коковцев перед началом заседания скажет речь, в которой выразит чувства по случаю открытого заговора. Так и было: когда все сели, Коковцев встал, а за ним и мы все, и сказал речь; императрица подала ему руку.

В 9 час. вечера в Совете Министров долго говорили о социал-революционной фракции в Государственной Думе, о роли священников в этой фракции и о будущих кредитных операциях.

14 мая. Сегодня в 4 часа просили военного министра быть в Совете Министров для рассуждений по политическим вопросам, но он ответил, что быть не может, не желая быть участником этих суждений.

Перед обедом у меня сидел кн. Андронников [3]); рассказывал, как он в Лондоне втерся на собрание анархистов, как

---

[1]) Подразумевались неподчиненные друг другу Воен. Мин., Нач. Ген. штаба и сов. гос. обороны. *Ред.*

[2]) День рожд. имп. Николая II. *Ред.*

[3]) Личность неопределенной профессии, с которой считались все министры и которая играла во всех назначениях немаловажную роль. *Ред.*

его представили. он сделал общий поклон, ему ответили, потом обменивался рукопожатиями, заявив заранее, что просит убийц руки ему не протягивать. Затем, говоря о министрах, он будто бы защищал Редигера во взводимых на него обвинениях в покровительстве неправильным действиям генерал-губернаторов; будто бы он узнал, что против меня они ничего не имеют.

15 мая. В 10 час. вечера Совет Министров; до заседания я говорил с Коковцевым, Философовым, Шванебахом и Кауфманом на тему, что из себя представляет кн. Андронников; вполне неблагоприятно отозвался только Шванебах.

Столыпин высказал мне, что опасается, что военно-окружные суды, в случае надобности прибегнуть к ним, окажутся медлительными и что надо их усилить; это обстоятельство очень его беспокоит на случай роспуска Думы. Затем его беспокоют также донские второочередные полки. В Тульской губ. были случаи отказа казаков выходить на помощь гражданским властям. Поэтому надо безотлагательно заменить их драгунами. Главного военного прокурора Рыльке он называет кадетом.

23 мая. У военного министра был секретарь Государственной Думы Челноков. Жаловался на нервное настроение Думы, которая ждет разгонят ее или не разгонят.

25 мая. С 11 час. у меня был генерал Протопопов [1]). Он заседает в комиссии ген.-ад'ютанта Дикова [2]) по программе судостроения. Задумывают широкие планы на два миллиарда, ссылаясь на испрошенное высочайшее повеление; Совет Государственной Обороны оставляют в стороне; хотят устроить заседание под председательством государя; дело ведется в секрете, но заводчики, повидимому, знают, что им нужно.

27 мая. К $7^1/_2$ час. поехал на обед к А. Н. Нарышкиной; сидел за столом по левую сторону хозяйки, по правую— гр. Витте. За обедом имел разговор о Государственной Думе; кн. Куракин признает только разгон Думы и повторяет о слабости правительства.

3 июля. К 9 час. прибыли на Елагинский в Совет Министров.

Столыпин говорил, что надо бы выступить перед Думой с какой-нибудь программой для оживления производительных сил страны; Коковцев отвечал, что всякая программа требует денег, а их нет; кредит же наш подорван.

По окончании всех дел Столыпин сказал, что есть один политический вопрос.

---

[1]) Член. воен. сов., бывш. нач. шт. Одес. воен. окр. *Ред.*
[2]) Бывш. морск. мин. *Ред.*

Оказывается у Столыпина был Милюков [1]) и просил разрешить с'езд кадетской партии. При обсуждении было высказано, что разрешить им с'езд перед выборами значило бы поднять их в глазах страны, тем паче, что они решили бы прокричать, что правительство в них заискивает. При этом вспоминали, как Милюков себя охраняет, так что курьер Министерства Внутренних Дел был к нему введен, окруженный людьми с револьверами, и, увидя себя в такой обстановке, закричал ему: „П. Н., я к вам с миром". Затем было высказано еще сожаление, что в печать попали выдержки из обвинительного акта Стесселя, где говорится, что он обвиняется между прочим и за то, что получив приказание Куропаткина выехать из крепости, все же там остался; но для правительства невыгодно то, что будучи как бы самозванцем, Стессель все же оставался начальником и получал высокие награды.

11 июля. От $9^1/_4$ присутствовал при докладах у военного министра. Забелин [2]) в конце доклада сказал, что по сведениям агентуры предполагается, что завтра может быть сделано покушение на министра, а потому будут приняты меры, но его просят не ездить, а только дать свой мотор. Какой-то писарь должен придти в трактир на Вознесенском и известным образом разложить свой прибор, дабы показать, что министр приезжал в канцелярию; тогда барышня, увидав это, куда-то пойдет и кому-то скажет. Решили, что дабы не отменять приема, я буду делать прием.

13 июля. В 4 часа приехал начальник Охранного Отделения и сказал, что следующий четверг надо проделать все то же самое.

14 июля. Министр иностранных дел с ужасом говорил о Гаагской конференции; он будучи послом в Мюнхене, писал министру иностранных дел Муравьеву, что ее одобряют жиды, социалисты и истерические женщины.

18 июля. Вел. кн. Сергей Михайлович говорил о своих впечатлениях от осмотра крепости Ивангород; офицеры не знают дела, обучение нижних чинов слабо; за отсутствием снарядов и трубок делают заряжение мимикой.

19 июля. Янушкевич [3]) доложил мне, что сегодня Охранное Отделение решило произвести ликвидацию заговорщиков, кругом были расставлены агенты; после окончания Военного Совета велено было подать мотор министра и тут было арестовано трое. Я должен был сидеть в кабинете, пока мне не сказали, что я могу ехать.

---

[1]) Лидер партии к. д. *Ред.*
[2]) Нач. канц. воен. минист. *Ред.*
[3]) Пом. нач. канц. воен. мин. *Ред.*

20 июля. Я видел краткое донесение о вчерашнем происшествии в канцелярии военного министра: революционеры имели в виду произвести впечатление на армию и для этого произвести покушение на старших чиновников, начиная с военного министра. Началось все так, как у меня записано 11 июля: писарь, кофейная, барышня; барышню эту с двумя браунингами и арестовали потом у мотора.

25 июля. Нашел у себя записку брата, что А. И. Дубровин [1]) желает меня видеть по весьма серьезному делу; условился по телефону, что зайду к нему после приема в канцелярии военного министра.

Поехал к Дубровину; он был в союзе русского народа и ко мне вышла его жена; потом явился и он сам и попросил меня в кабинет. Там он сказал, что в армии идет сильная пропаганда, которая коснулась и центрального военного управления; ему все известно, известно и то, что и мой писарь вошел в сеть. Предложил мне „Шерлока Холмса", который из-за идеи будет доставлять важные сведения, требуя лишь покрытия его расходов. Говорил, что он был у военного министра и предлагал ему ввести в части войск „черносотенцев", но тот ничего положительного не ответил; говорил, что во флоте масоны и что гр. Витте третий по величине масон в России, а кто же первые двое? Местный пристав приходил заявить, что для меня прибыли три стражника испросить указаний (на даче в Ораниенбауме).

31 июля. В $5^1/_2$ у меня был „Шерлок Холмс" от Дубровина, произвел впечатление болтуна (Лев Ефимович Катанский), говорил о массонских ложах, принес свои статьи.

В Совете Министров заседание окончилось необыкновенно рано. Раньше всего рассматривалось представление Танеева [2]) о подписке в непринадлежности к массонским ложам; было провалено. После заседания Столыпин сказал, что следовало бы отдать приказ по воен. вед., подобно тому, который был отдан по корпусу жандармов, что войска при усмирении беспорядков плохо владеют оружием.

2 августа. В Канцелярии Военного Министерства на приеме был ген.-майор Бородкин с отчетом по командировке в Киевский Военный Округ — впечатления неблагоприятные для Сухомлинова—слабость, леность, пристрастие к евреям...

7 августа. К 9 часам поехал на Елагин в Совет Министров. Пришлось говорить по делу министра юстиции о присвоении тюремной страже права действовать оружием; товарищ министра юстиции благодарил меня за поддержку. Столыпин

---

[1]) Предс. союза рус. народа. *Ред.*

[2]) Упр. 4-м Отд. Собств. его вел. Канцел., через которую проходили все высшие назнач. по гражд. вед. *Ред.*

просил меня остаться и обратился по поводу ускорения приведения некоторых приговоров по смертной казни.

9 августа. С вокзала поехал к ген. Рыльке говорить с ним по поводу обращения ко мне Столыпина относительно приговоров; нашел его обиженным письмом Столыпина...

10 августа. На даче ожидал сюрприз:—жанд. штаб-офицер, полиция и губернское жандармское управление производили обыск у Позднякова (писарь), вследствие знакомства его с арестованным писарем Главного Управления Казачьих войск; ничего не оказалось, будут осматривать его вещи в Петербурге...

11 августа. К $9^1/_2$ час. приехал в Совещание по афганскому вопросу. В начале Совещания Извольский изложил свою программу: надо обеспечить России мир от Камчатки до Гибралтара лет на 10; соглашение с Японией не имеет устойчивости, если нет соглашения с Англией; в Европе произойдут осложнения, и нам надо быть готовыми подать свой голос, иначе мы окажемся в положении полузабытой Азиатской державы. До Совещания меня позвали в кабинет к Столыпину, который сказал мне, что ген. Мухин, председательствующий в Окружном Суде по делу о заговоре, вызвал для дачи показаний начальника Охран. Отделения Герасимова; тот подал рапорт о болезни, тогда суд постановил приехать в полном составе к нему в Охран. Отделение. Столыпин в ужасе от такого кортежа и от обнаружения Герасимова.

15 августа. Ген.-ад. бар. Мейендорф предложил свои услуги помочь навести порядок в Военно-Медицинской Академии; начальник Академии Данилевский относится к этому предложению двояко: верит, что многие нестроения выяснятся и, опасается, что появление в Академии барона Мейендорфа обострит положение.

16 августа. Был у меня действ. тайн. сов. Быков, возвратившийся из командировки в Москву, куда ездил по жалобе генерала Гершельмана на Военно-Окружной Суд в политических процессах (роль зрителя).

16 сентября. К телефону меня вызывал Столыпин, чтобы переговорить о происшествиях в Севастополе—готовилось с 14 на 15 восстание, беспорядки в Брестском полку и 13 артиллерийской бригаде; условился со Столыпиным послать Каульбарсу[1]) телеграмму принять суровые меры...

17 сентября. В $5^1/_2$ час. я принимал командира 49 пех. Брестского полка Шемякина; он только что уехал из Севастополя и то, что случилось в полку в ночь с 14 на 15, никак об'яснить себе не может; говорил, что в каждой роте есть поднадзорные, но общего участия полка в заговоре не допускает.

---

[1]) Ком. войск. Одесск. Округа. *Ред.*

18 сентября. Столыпин говорил о беспорядке в Брестском полку. Я передал ему контр-записку на записку командира корпуса жандармов, которую он мне передал в прошлый вторник по поводу мер для устранения пропаганды в войсках...

3 октября. К $2^1/_2$ час. прибыл на Елагин в Совет Министров.

В заседании гвоздем было рассмотрение дальнейших мероприятий по землеустройству;—после вступительного слова Столыпина о важном политическом значении этой меры, говорили долго Коковцев, высказав, что Министерство Финансов было оставлено в стороне от разработки этого проекта и, что он указывает на недостатки проекта; потом опять говорил Столыпин, но поправки Коковцева были приняты.

Я говорил со Столыпиным по поводу инцидента с ходатайством бельгийского посла о смягчении наказания приговоренным к смертной казни в Москве бельгийскому подданному Брюно; Столыпин не нашел нужным выделять этот вопрос в порядке смягчения...

7 октября. В Совете Министров обсуждались общие вопросы. Сначала Столыпин сообщил общие шансы на выборы в Государственную Думу: 260 правых, 160 левых; открытие Думы—Голубеву, молебствие с митрополитом; упорядочение прессы в Государственной Думе. Затем, обсуждалась программа Столыпина для выступления в Государственной Думе..

10 октября. Когда я возвратился домой около 7 час. вечера, меня потребовал к телефону Столыпин, сказал, что в Москве были беспорядки в Университете по поводу приговора о Брюно и выразил, что откладывать приведение приговора в исполнение нельзя...

11 октября. Товарищ министра иностранных дел приезжал переговорить по делу Брюно; решили в виду указания Столыпина и изменившихся обстоятельств не ожидать приезда Извольского, а предоставить Гершельману свободу действий...

13 октября. Выехал в Петергоф с докладом государю. В первый раз во дворце в Александрии. Поразила малыми размерами гостиная, где пришлось ожидать. Ровно в 6 час. камердинер вышел и сказал, что е. в. просит меня. Вошел в кабинет, маленькую комнату с письменным столом против двери; государь в белой тужурке стоял посреди комнаты, подал руку и пошел к круглому столу у окна, сел; сел и я. Разговор начался несколькими словами об охоте, после чего разрешено начать доклад, при чем государь, положив около себя бумагу, сказал: „а потом у меня есть вам сказать“.

Затем, е. в. с видимым огорчением рассказал, что сегодня он с императрицей в первый раз пошел в нижний парк; его обогнал офицер в малиновой фуражке, отдал честь, потом пересек дорогу и показал намерение подойти к госу-

дарю, но полиция его задержала. Он, крича, махал над головой бумагой; бумагу передали государю, который поднял ее кверху, показав, что она у него в руках. Оказался корнет Переяславского драгунского полка Патцнер, уволенный в отставку, жаловался на несправедливое увольнение и на командира полка. Государь повелел произвести расследование. Затем е. в. начал говорить о ген. Рыльке, высказывая, что инородец не может иметь теплых чувств к России и что надо действовать не по форме, а по духу, что он не жесток, но находит, что лучше иногда казнить одного, чем допустить, чтобы этот один зарезал 8 женщин и детей. Государь говорил долго и с паузами, вставив фразу: „Ведь вы не торопитесь".

15 октября. Вечером меня потребовал к телефону Столыпин, передал, что убили начальника Главн. Тюремного Управления Максимовского и что необходим, дабы произвести впечатление, суд скорый и решительный. Об этом я тотчас же по телефону передал Рыльке...

16 октября. На 10 часовом поезде поехал в Петергоф.

Когда камердинер пригласил войти, государь в белой тужурке стоял по средине кабинета; разговор начался о погоде. В докладе, между прочим, было ходатайство командующего Одесским Округом о зачислении в списки 58 пех. Прагского полка рядового Нетребенко, который, будучи часовым и будучи смертельно ранен, не оставил поста. Государь согласился со мной, что зачисление в списки должно делаться за боевые подвиги и что память о случаях, подобных настоящему, должна сохраняться в войсках иными способами по ближайшему усмотрению командующего войсками.

Столыпин передал мне во время заседания телеграмму о бунте минной роты во Владивостоке и записку о ходе судебного заседания по делу убийцы Максимовского, на которой написал: „нельзя ли повлиять, чтобы Газенкампф не дрогнул". Вследствие сего я говорил по телефону с Раухом, и тот мне ответил, что Газенкампф приговора не смягчит...

25 октября. Столыпин сам по себе человек благородный. но департамент полиции его совсем запугал, и он верит им во всем...

27 октября. Утром у меня был В. И. Ковалевский—просить по поводу отсрочки студентов Коммерческих курсов в Киеве; он говорил, что летом Столыпин приглашал его в состав кабинета и что он высказал Столыпину неодобрение его аграрной политике.

4 декабря. В субботу у военного министра были члены Государственной Думы Гучков и Хвощинский и просили принять делегацию от Комиссии Обороны[1]), чтобы быть ориен-

---

[1]) Госуд. Думы. *Ред.*

тированными в военных мероприятиях. Совещание с делегацией назначено на субботу вечером.

К 9 часам веч. в Зимний Дворец в Совет Министров. Столыпин передал мне записку о настроении войск в Кронштадте.

8 декабря. К $8^1/_2$ час. веч. приехал к военному министру, дабы участвовать в беседе с делегацией из 12 человек от Комиссии по обороне Государственной Думы. Между прибывшими были: Гучков, Звегинцев, Хвощинский, Крупенский, Безак, гр. Бобринский, Балашев, Плевако, кн. Шервашидзе, кн. Шаховской. Потом перешли в кабинет, где военный министр изложил им программу Министерства, сначала по личному составу, потом по материальной части. Я доложил о тех расходах (2.133 мил.), которые были исчислены для нужд армии; Гучков просил меня назвать главные статьи расходов. Относясь сочувственно к прибавке жалованья офицерам, члены Государственной Думы просили военного министра разработать проект и внести в Государственную Думу ранее, на случай, если они найдут в бюджете сокращения. Говорили, что при столь громадных потребностях военного ведомства в ассигнованиях не было бы правильнее прибавить деньги для нужд армии, а не на флот, тем более, что морскому ведомству надо начинать дело с личного состава и с устройства баз, а не с больших броненосцев...

11 декабря. Военный министр сегодня доложил государю о субботнем совещании и высказал ему, что надо бы воспользоваться настроением Государственной Думы для получения добавочных кредитов на армию, хотя бы в течение 10 лет.

13 декабря. К $9^1/_2$ час. веч. в Совет Министров. По поручению военного министра говорил со Столыпиным относительно соответствия Сухомлинова своему месту, получил ответ: „на 3+“ и вместе с тем получил пачку писем относительно амурной авантюры Сухомлинова в Киеве с просьбой произвести расследование. Говорил также с Коковцевым. Военный министр, докладывая государю о Совещании, бывшем у него в субботу, выразил, что полезно бы использовать настроение Думы для испрошения дополнительных бюджету Военного Министерства кредитов, государь сказал поговорить с Коковцевым; военный министр хочет говорить не от себя, а как бы от вел. кн. Николая Николаевича и поручил мне спросить Коковцева, когда тот его примет.

14 декабря. Военный министр сказал мне, что до него дошли сведения, что зондировали ген. Гершельмана, возьмет ли он должность военного министра и что будто бы, когда он ответил, что возьмет при условии подчинения ему Ген. Инст. и Нач. Ген. Штаба, было выражено: „какой нахал“. При личном разговоре военного министра с Гершельманом,

последний ответил, что с ним никто по этому поводу не говорил, кроме какого-то флигель-ад'ютанта, что он лично не стремится к этой должности, но, что жена рада бы жить в Петербурге. Затем, военный министр сказал мне еще, что у него был начальник Охранного Отделения Герасимов и предупредил его, что против него опять что-то готовится...

15 декабря. От 2-х часов в Канцелярии Военного Министра имел совещание с ген. Мышлаевским[1]) и Яковлевым[2]) по поводу поступления в юнкерское училище крещеных евреев. Оказалось, что имеется забытое высочайшее повеление 1887 г. евреев в юнкерское училище не принимать; при ген.-ад'ютанте Сахарове[3]) об этом было изготовлено представление в Государственный Совет, но некоторые члены Государственного Совета убедили тогда военного министра перед самым заседанием взять это представление назад, как несвоевременное...

16 декабря. С Гершельманом жена завела разговор на тему, что говорят о его переезде в Петербург. На это он ответил: „что, мол, меня-то зовут, да я не хочу быть одной нянькой из семи; мне и в Москве хорошо, хотя жена хочет в Петербург".

17 декабря. Военный министр, высказав в общих чертах Коковцеву нужды военного ведомства, просил ответить, в какой мере мы можем рассчитывать на финансовую помощь. Коковцев, очертив бедность наших средств, невозможность рассчитывать на займы, высказал, что надо иметь в виду лишь общее наростание доходов и приход от проектированных налогов, всего около 150 милл. в год, из которых на долю военного министерства можно рассчитывать на 25—30 милл. при условии сохранения той же величины денежного отпуска по предельному бюджету и по чрезвычайному кредиту, который военное министерство имело.

18 декабря. От 9 часов Совет Министров. Столыпин передал мне записку, в которой изложено, что его величество желает, чтобы кавалерийские полки, вызванные на помощь гражданским властям, были собраны к своим штабам и совершали бы оттуда об'езды тех частей уездов, где возникают беспорядки. Я спросил Столыпина, долго ли останутся охотничьи команды[4]) на границе Финляндии и получил ответ, что не менее 2-х месяцев и что поэтому, если их служба трудна, то надо готовить им смену.

---

[1]) Нач. Главн. Штаба. *Ред.*

[2]) Пом. Нач. Главн. Упр. Военно-Учебн. Зав. *Ред.*

[3]) Бывш. военный министр. *Ред.*

[4]) В эту зиму охотничьи команды 1 гв. пех. див. были выдвинуты для охраны Финляндской границы со стороны Петербурга. Мера эта, вероятно, имела внутренний полицейский характер. *Ред.*

Коковцев был в немилостивом настроении и потому все представления о новых расходах провалились. Причина дурного настроения В. Н. выяснилась в конце: в Финансовой Комиссии Государственной Думы пожелали узнать, какие проценты лежат в депозитах государственного казначейства, и прежде чем дать туда список, он доложил Совету Министров, что там имеется порядочное количество „трухи“, не имеющей цены. Совет Министров все-таки решил идти на чистоту.

1908 год.

1 января. На выходе вел. кн. Николая Николаевича не было. На вопрос о причине—Газенкампф мне ответил, что государь просил его не приезжать, ибо „за ним охотятся". Другие говорили, что он и вел. кн. Анастасия Николаевна не могут встречаться с императрицей Марией Феодоровной.

8 января. Начальник Генерального Штаба составляет соображения на случай осложнений с Турцией. Намечается направить 7, 10, 13 и 21 корпуса и мобилизовать некоторые резервные дивизии. Военный министр полагает использовать положение, чтобы, на основании ст. 117 Осн. Законов, потребовать кредиты, кои могут поднять боевую готовность армии. Будет составлено особое совещание. Опасаюсь „покушений с негодными средствами" на Турцию, за которой несомненно стоит Германия. При неосторожном шаге с нашей стороны мы можем очень проиграть.

9 января. Главный интендант и Кузьмин-Караваев [1]) получили указание обдумывать комбинации на случай осложнений на Кавказе. У нас горной артиллерии нет, гаубиц мало. Кавказский осадный парк в архаическом состоянии.

11 января. Военный министр по нездоровью просил меня принять за него помощника главнокомандующего на Кавказе ген. Шатилова. Он привез представление военному министру и письмо государю относительно недостатков в подготовке Кавказского округа на случай осложнений с Турцией. Главнокомандующий находит, что надо пополнить недостающие запасы, что же касается до подвоза войск из России, то к этому надо прибегать только в крайности, дабы не вызвать осложнений.

В 3 часа в Совете Министров. Принципиально решено, что, получая законопроект от Государственной Думы, правительство должно в назначенный день выступать в Думе, чтобы сначала указать в общих чертах на свое отношение к законопроекту, не протестуя против передачи в комиссию. Затем, Столыпин заявил, что, по его сведениям вся Государственная Дума, от левых до правых, не желает давать средств на постройку новых судов. Совет Министров ничего не знает о программе судостроения и потому находится в трудном поло-

---

[1]) Нач. Главного Артилл. Управл. *Ред.*

жении, тем более, что и сами моряки не пришли к соглашению о том, что им собственно нужно. Поэтому решено представить эту программу в Совет Государственной Обороны, чтобы правительство, представляя эту программу в Государственную Думу, могло опереться на компетентное учреждение.

12 января. Принимал Мышлаевского. Военный министр по вопросу о недопуске евреев в офицеры не признал возможным опереться на повеление Александра III, ясно указывающее, что дело не в иудейском вероисповедании, а в еврейском происхождении, и лица по такому происхождению, крещеные или нет, попадать в военные и юнкерские училища не должны. Военный министр полагает, что на основании манифеста о веротерпимости законодательство должно идти навстречу уравнению прав.

21 января. В 4 часа состоялось совещание у председателя Совета Министров по поводу осложнений на Кавказской границе; присутствовали: министр иностранных дел, Коковцев, Палицин. Обнаружилось, что Палицин, не только без ведома правительства, но даже без ведома военного министра, испросил высочайшее указание, при каком количестве собранных турками в приграничной полосе войск следует об'явить мобилизацию на Кавказе, или сверх сего и мобилизацию некоторых корпусов в Европейской России и, наконец, при каком количестве войск на нашей границе об'явить войну.

24 января. Принимал в канцелярии военного министра; между прочим был Бутович [1]), жаловавшийся на ген. Сухомлинова за ухаживание за его женой. Вечером у меня должны были быть члены Государственной Думы, по просьбе Гучкова, для переговоров по делам военного министерства, но я должен был отменить этот прием и ехать в канцелярию военного министерства. Председатель Совета Государственной Обороны [2]) обратился к военному министру с рескриптом, в котором указывал на необходимость истребовать кредиты, исчисленные летом в 207 милл., на пополнение запасов в армии, дабы сделать ее боеспособной.

1 февраля. К 10 час. веч. министры с'ехались в Зимний Дворец. Прибыл вел. кн. Николай Николаевич. Столыпин открыл заседание, указав на цель его—выяснить положение, которое должно занять правительство в Государственной Думе по отношению к вопросам о морской и сухопутной программах обороны. Так как морская была уже известна, то мне предложено было высказаться, и я сделал доклад на тему, что общей программы еще нет, а, применяясь к высочайшему указанию,

---

[1]) Первый муж последней жены Сухомлинова. *Ред.*
[2]) Вел. кн. Николай Николаевич. *Ред.*

сумма в 207 милл. пересмотрена, дополнена современными данными о необходимости привести армию в боеспособное состояние и выразилась в сумме 315 милл., из коих 101 милл. на 1908 г.

Морской министр сказал, что Черноморский флот также не готов к действию и на приведение его в исправность нужно около 5 милл. Затем говорили о программе флота, о несогласованности ее с сухопутными предначертаниями и о необходимости общую программу выработать. Министр финансов сказал, что о таких кредитах и думать нельзя, указав на трудность займов, и что все, что можно сделать, отдать военному ведомству сбережения по государственной росписи, которые сделает Государственная Дума; по его словам, государь вполне одобрил его записку. Остановились на том, что Столыпин в предварительных переговорах с деятелями Государственной Думы так поставит вопрос, что общая программа вырабатывается, а пока надо дать морскому ведомству некоторую сумму, чтобы заводы не останавливались, а военному министерству — чтобы пополнить запасы и сделать армию боеспособной.

6 февраля. Вечером к 9 час. был у члена Государственной Думы П. Н. Крупенского, чтобы, исполняя желание комиссии обороны, сообщить им некоторые сведения о положении армии. Начал с того, что должна из себя представлять идея обороны государства, как она проводилась у нас прежде, какие органы руководят теперь и окончил изложением нужд на 315 милл. Потом мне предлагали вопросы главным образом по участию флота в обороне; присутствовали А. И. Гучков, Звегинцев и еще около 10 лиц. Меня потом благодарили...

8 февраля. В Государственной Думе должен был рассматриваться законопроект, внесенный 187 членами об обеспечении пострадавших от революции. Так как на основ. 56 ст. учр. госуд. думы об этом был извещен и военный министр, то я, по соглашению с ним, решил там присутствовать.

Заседание было бурное и окончание было перенесено на 9 час. вечера.

Представился Хомякову [1]) и обоим товарищам его; гр. Бобринскому я дал справку об обеспечении пострадавших воинских чинов...

10 февраля. В „Новом Времени“ фельетон Меньшикова, требующий назначить во главе военного министерства боевого генерала из русских, критикующий А. Ф. Редигера и указывающий, что в армии вообще, а в военном министерстве в частности, слишком много не русских.

---

[1]) Новый предс. Госуд. Думы.

11 февраля. В 6 час. явился ко мне кн. Андронников рассказать, что вчера вечером он обратил внимание А. Ф. Редигера на статью Меньшикова, но тот не желает сам ничего предпринимать. Я высказал, что-во избежание расшатывания дисциплины в армии, следовало бы испросить у государя разрешение обратиться к министру внутренних дел для репрессивных мер против травли в „Новом Времени“ военного министра. Андронников передал это Редигеру, но в 8 час. вечера заехал ко мне вторично и сказал, что А. Ф. не считает удобным говорить об этом государю, а просит завтра меня поговорить со Столыпиным.

12 февраля. В 11 час. утра был начальник 10 пех. див. ген.-лейт. Радкевич (был со мною в Инжен. уч.), отец кадета 2 Московского кадетского корпуса Радкевича, который на днях приговорен на 4 месяца в крепость за то, что ударил инспектора; судебное разбирательство указало на большое внутреннее нестроение в этом корпусе.

В $9^1/_2$ час. в Совете Министров. До начала я говорил Столыпину о статье Меньщикова, но он ответил, что ничего сделать нельзя; то же сказали позднее Макаров и Крыжановский. Мысль о сенаторской ревизии в Туркестанском крае Столыпин одобрил. После заседания Столыпин обратился ко мне с указанием, что надо ускорить рассмотрение в военно-окружном суде дела о террористах, пойманных 7 февраля в покушении на вел. кн. Николая Николаевича и на Щегловитова, и что будто бы наши юристы не находят здесь признаков покушения; по обыкновению прибавил, что Рыльке надо убрать.

В 10 час. вечера поехал по приглашению к Крупенскому. Программы для беседы мне заранее не дали никакой; я застал уже человек 15, из коих некоторые не были на обмене мыслей 6 февраля. Потом я просил разрешения у А. И. Гучкова предложить вопрос о впечатлении, которое сегодня члены Государственной Думы вынесли из приема в Царском у государя; Звегинцев передал, что впечатление было потрясающее, что многие плакали и что государь произнес речь великолепно. А. И. Гучков потом говорил со мной отдельно относительно слухов о смене военного министра и об общей постановке у нас дела государственной обороны.

25 февраля. В $8^1/_2$ часов вечера Совет Государственной Обороны. Присутствовали: Столыпин, Коковцев, Извольский, Харитонов [1]) и Шауфус. Говорили по письму Столыпина о необходимости пересмотреть постановление об общей мобилизации в случае войны с Турцией. При этом выяснилось принципиальное несогласие вел. кн. и Палицина на войну

---

[1]) Госуд. контролер. *Ред.*

с Турцией; первый требует брать Константинополь, второй— действовать только в Закавказьи. Министр иностранных дел высказывал, что он находит отправное положение Палицина об опасности в Закавказьи необоснованным и полагает, что центр тяжести осложнений будет на ближнем востоке...

26 февраля. Государь одобрил наконец проект приказа армии и флоту по поводу обороны Порт-Артура; тот проект, который по моей просьбе был составлен Сухомлиновым, не понравился своим началом, где стояло: „Всевышний не благословил успехом оружия нашего воинства в минувшую войну"; поручено было составлять кн. Орлову [1]), тоже не понравилось, наконец, выработался новый короткий текст.

1 марта. У военного министра. Была особая повестка из Канцелярии Совета Министров, где было сказано, что вечером министр иностранных дел сделает важное сообщение, на котором следует присутствовать военному министру. Речь должна была идти о Кавказе.

К 9-ти часам приехал в Совет Министров; кроме Редигера был и Палицин.

Столыпин прочитал письмо государю гр. Воронцова-Дашкова [2]), где тот, между прочим, ссылаясь на современное политическое положение, просил прислать ему в Кубанскую Область 42 пех. дивизию, а 20 дивизию усилить за счет нижних чинов войск Европейской России.

Министр иностранных дел высказал, что политическое положение не столь угрожающе, как его представляет себе наместник, что им сегодня было доложено государю. Военный министр доложил, что на Кавказе запасы пополняются, но что армия воевать не может, ибо у нее нет запасов и она не обучена. Военный министр резко произнес, обращаясь к Столыпину: „армия не учится, а служит вам". Столыпин ответил, что и обязанность армии служить против внутреннего врага, и что ее служба в этом отношении уже много сократилась, хотя после отозвания частей войск он уже получил от черниговского губернатора уведомление, что погромы вновь начались. После заседания, когда Редигер уехал, Столыпин просил меня ему передать, что сегодня у него с государем был вопрос о Рыльке, и его следовало бы заменить кем-нибудь другим. Вчера Столыпин произнес блестящую речь в Комиссии Обороны относительно флота...

8 Марта. Около 12 часов заехал ген. Сухомлинов и привез мне свое заключение на проект Палицина.

Затем являлся г. Бутович, обвиняющий Сухомлинова в связи с своей женой, жаловаться на постоянное везде и всюду

---

[1]) Нач. Военно-походной канцелярии, человек особо близкий к государю. *Ред.*

[2]) Наместник на Кавказе. *Ред.*

преследование его какими-то агентами; говорил, что хочет бить Сухомлинова, что дать развод готов, но взять на себя вину не хочет, что хочет заявить на себя прокурору о своем вызове на дуэль Сухомлинова. Производит впечатление ненормального...

10 марта. Вчера получил письмо от военного министра письмо Столыпина с приложением журнала заседания совета министров от 1 февраля, на котором резолюция государя: „общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия; по его утверждении, он должен быть неуклонно и последовательно приводим в исполнение". В письме говорится, что всем министрам предлагается представить свои соображения.

13 марта. Делал визит генералу Гершельману и генералу Криницкому. Оба командующие войсками пришли, повидимому, к убеждению, что высшее военное управление организовано у нас неудовлетворительно. В 5 часов ко мне приехали члены государственной думы Гучков и Звегинцев и привезли перечень тех вопросов, по которым 4-я бюджетная подкомиссия желает слышать об'яснения от военного министра или от меня.

14 марта. В 11 часов ко мне приехал ген. барон Каульбарс, сказавший, между прочим, что в крае и в войсках, судя по убийству вчера двух офицеров в Ливадии нижним чином, все же неспокойно.

23 марта. В $2^1/_2$ был у военного министра. Он ехал сегодня вместе с Николаем Николаевичем в Царское для встречи герцога Гессенского и вел. кн. сказал ему, что приходит к убеждению, что надо опять возвратиться к прежнему порядку военного управления и совет государственной обороны упразднить; на это военный министр ответил ему, что совет государственной обороны нужен, ибо государь одному военному министру доверять не будет и надо, чтобы докладчиком, кроме военного министра, было еще лицо, близкое к государю; завтра в 6 часов вел. кн. хотел иметь разговор с государем.

24 марта. Вел. кн. Николай Николаевич передавал военному министру результат своих разговоров с государем сегодня; решено пока все оставить попрежнему, а там осенью будет виднее.

25 марта. Передавая мне вчерашний разговор с вел. кн. Николаем Николаевичем, военный министр добавил: „знают, что военный министр уедет в отпуск и без него легче можно будет принять решение".

В $8^3/_4$ вечера я заехал к военному министру, чтобы вместе ехать в государственную думу в 4-ю бюджетную подкомиссию. Там председательствовал А. И. Гучков, были Крупенский, Хвощинский, Бабянский. Последний, кадет, задал вопрос

о стоимости нового обмундирования, о том, не много ли у нас генер. штаба (который, по его словам, он ставит очень низко), о привилегиях гвардии и т. п.

26 марта. Выслушали заявление о том количестве оружия и шанцевого инструмента, которое кн. Черногорский желал бы получить от России безвозмездно.

1 апреля. В $5^1/_4$ выехал в Царское Село на совещание под председательством государя и потом на обед в Александринском дворце. Для совещания был стол в большом кабинете, где бильярд. Государь принял сначала вел. кн. Николая Николаевича, а потом вошел к нам в гусарской форме и всем подал руку. С правой стороны государя сидел вел. кн. Николай Николаевич, с левой—военный министр, левее—я; разрешено было курить. Вел. кн. в самых общих чертах доложил результат занятий совета государственной обороны при участии командующих войсками, о выборе кандидатов в командующих войсками и корпусные командиры и по вопросам о реорганизации армии. Государь выразил удовольствие, что не будет никакой ломки, и что не предположено упразднять 4-е батальоны, с которыми армия сжилась в течение 40 лет; затем выразил, что желательно каждый год повторять с'езд командующих войсками для обмена мыслей. После окончания совещания все пошли в залу, где был сервирован стол.

3 апреля. У себя принимал кн. Андронникова, который убеждал меня представиться греческой королеве и заявил готовность хлопотать о назначении меня членом государственного совета...

6 апреля. К 11 часам утра поехал в государственную думу в комиссию государственной обороны для продолжения разговоров о контингенте новобранцев. Между прочим, пробовали подымать вопрос об устранении евреев из армии, но пришли к убеждению, что это часть общего политического вопроса.

7 апреля. От 9 часов вечера совет министров. Рассматривали вопросы, касающиеся благоустройства Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств. Затем обсуждали, как отнестись к тому, что государственная дума решила в виде протеста убавить рубль из сметы министерства путей сообщения и решили не придавать этому значения. В виду неопределенного пока отношения государственного совета по вопросу о Приамурской жел. дороге Столыпин просил, согласно заявления ему Акимова, быть в заседании всех министров членов государственного совета...

9 апреля. В 5 часов ко мне заехал А. И. Гучков, чтобы мне прочитать тревожные письма о приготовлениях турок, полученные им из Тавриза и с Кавказа. Говорили о гр. Воронцове, о возможности послать Куропаткина в Туркестан

и Рождественского назначить морским министром; говорили о слухах о генералиссимусе.

Военный министр рассказал, что у него вчера вечером был вел. кн. Сергей Михайлович [1]), с которым был разговор об об'единении власти в военном министре и о генералиссимусе; государь пока об этом с военным министром не говорил.

Вел. кн. Николай Николаевич перед от'ездом в отпуск испросил разрешение заменять его в качестве председателя совета государственной обороны ген.-ад. Дикову, а когда его не будет—Газенкампфу; хорошо будет положение военного министра...

18 апреля. Государь спросил, был ли я вчера в полку [2]), на что я ответил, что 13 апреля после заутрени сидели довольно долго в офицерском собрании. На это государь сказал: „Так и следует; вчера я также лег в $3^1/_2$ ночи, а на днях был долго на охоте. Мой день принадлежит министрам, а ночь в моем распоряжении; сколько я сплю—это уже мое дело“....

22 апреля. Столыпин говорил со мною по поводу предстоящего заседания государственной думы о контингенте новобранцев. Вопрос еврейский решили отвести в сторону; к привлечению населения, не отбывающего воинскую повинность, отнестись с осторожностью, на сокращение контингента—согласиться. Когда все разошлись, Столыпин говорил со мной о Кавказе, о том, что гр. Воронцову-Дашкову пора бы уйти и, что Кавказ можно бы разделить по управлению на северный и южный, а также по поводу назначения главного военного прокурора, высказывая опасения, что барон Остен-Сакен стар...

24 апреля. В антракте беседовали между собой Столыпин, Коковцев и Хомяков, обсуждая между собой инцидент, вызванный сегодня в государственной думе неудачным выражением Коковцева: „у нас парламента, слава богу, нет“.

25 апреля. Хомяков вечером был у Столыпина, чтобы переговорить по поводу инцидента. Сегодня утром в думе, когда он назвал вчерашние слова Коковцева неудачными, Столыпин ему раз'яснял, что члену правительства против председателя государственной думы спорить нельзя, а потому и квалифицировать слова министра нельзя. Решено было, что он эти слова как-нибудь исключит, а до тех пор Коковцев в думу не поедет....

27 апреля. Был Рафалович, секретарь Хомякова, который сказал, что Дума за эти дни полевела.

---

[1]) Генерал-Инспектор артиллерии. *Ред.*

[2]) Л.-Гв. в Гренадерском, где Поливанов начал службу. *Ред.*

29 апреля. В 5 час. у меня был кн. Андронников; уверяет, что он говорил Редигеру о моем желании быть членом Государственного Совета и тот ответил, что теперь не время подымать этот вопрос, но что если ему придется уходить, он доложит государю; смотрит скептически на возможность для Редигера сохранить свой пост осенью. Попрежнему высказывает неодобрение Столыпину.

К 9 час. в Совет Министров во время перерыва „без канцелярии" Столыпин передал Совету подробности инцидента Коковцева в Государственной Думе; Коковцев добавил кое-что от себя, сопровождалось полным молчанием Совета. Бострем [1]) шепнул мне предположение, что Коковцев свою фразу в Государственной Думе сказал нарочно.

В конце заседания Столыпин просил меня о производстве Богдановича в полные генералы, оговорив „хотя он и..."; просил намекнуть Редигеру просьбу, чтобы при единстве правительства не сообщать данных против флота.

30 апреля. Военный министр думает, что Коковцев не обмолвился в Государственной Думе, а сказал нарочно, чтобы подчеркнуть свое отношение к Государственной Думе на случай, если его взгляды одержат верх над взглядами Столыпина.

24 мая. В 9 час. 30 мин. утра выехал в Петербург с дачи для присутствия в Государственной Думе на рассмотрении сметы Морского Министерства. Около 1 часа приехал Столыпин. Мы с Бостремом заявили ему, что теперь в Совете Министров с назначением Кривошеина вместо кн. Васильчикова образуется блок Коковцев—Шипов—Кривошеин, на что Столыпин сказал—„тогда я сделаюсь левее". Затем мы сказали Столыпину, что отсутствие морского министра замечают и тогда он просил Бострема передать ему по телефону, что просит приехать хотя бы на $^1/_2$ часа. Диков приехал и попал на речи Гучкова и Столыпина, которые были не особенно лестны для Морского Министерства, но он, кажется, не оценивает положения.

26 мая. В $8^1/_2$ час. прибыл в Государственную Думу, где из-за кощунственных слов Чхеидзе разыгрался скандал.

27 мая. К 11 час. прибыл в Государственную Думу. После перерыва в 2 часа началось рассмотрение сметы Военного Министерства.

Знаменитая речь Гучкова была встречена громом аплодисментов.

Хомяков говорил мне „как бы нам не попало"; я успокаивал его, говоря, что мысль о реорганизации Военного Министерства уже не новая и в Царском, вероятно, об этом

---

[1]) Адмирал. *Ред.*

думают. Гучков сказал мне, что правые подали свой протест с его ведома.

Коковцев, идя со мной в заседание, сказал—„не хорошо вышло вчера, а главное,—говорят, что Гучков сказал свои мысли с одобрения Петра Аркадьевича“ (Столыпина). Я подумал, что не сам ли он это распускает. Коковцев сказал речь на тему, что, мол, Военное Министерство никогда о таких нуждах не заявляло и Министерство Финансов отказы ему делало в самых скромных размерах.

3 июня. К 9 час. в Совет Министров на Елагином. Министр финансов был особенно не в духе, говорил монологи от 9 до 2 ночи, возражал против прибавки содержания членам Государственной Думы, говоря, что они ничего не сделали; Столыпин однажды довольно резко ответил министру финансов, когда тот уверял, что много денег идет на управление островом Сахалином.

17 июня. Военный министр на докладе государю показал ему доклад Бюджетной Комиссии, где говорилось о том, что не дают денег на папахи; государь выразил удивление, сказав, что Дума дойдет до того, что станет браковать типы повозок.

23 июня. В заседании Финансовой Комиссии Государственного Совета докладчик по законопроекту о штатах Морского Генерального Штаба П. Х. Шванебах доказывал, что Государственная Дума может давать или отказывать в кредитах на новые штаты, но утверждать их не может, ибо, по 14 и 96 ст. это принадлежит верховной власти. От правительства говорил государственный контролер Харитонов, который отстаивал точку зрения, что это толкование вообще правильно, но не касается состава Министерства Военного и Морского. Возражал Акимов, Дурново и др. Кн. Касаткин-Ростовский поставил военному министру вопрос, как он смотрит на это дело. Редигер ответил дипломатично, что в его взгляде сомнений нет, но он присоединяется ко мнению правительства. Во всем, что говорилось, чувствовалось желание сделать подвох Столыпину, который якобы пропустил через Совет Министров ограничение верховной власти. Коковцев, который в Совете Министров более всех указывал на необходимость проводить штат через Государственную Думу, передал по телеграфу Харитонову, что просит его говорить от правительства в Финансовой Комиссии, а он быть не может.

24 июня. Столыпин об'явил, что в субботу едет к государю и затем в отпуск, при чем в Совете Министров его будет заменять сначала Коковцев, а затем Харитонов. Англичанин Стед просил допустить его к посещению в тюрьме и в крепости политических заключенных. Это тот Стед, который в эпоху 1905 г. имел разрешение ездить по России и

беседовать на митингах. Вследствие возражения министра юстиции ему решили отказать. Решили, что следует отвечать только на те запросы министрам из Государственной Думы, которые по 40 ст. учрежд. Госуд. Думы, т.-е. имеют связь с производящимися там делами.

Я говорил с А. А. Макаровым по поводу вчерашнего заседания в Финансовой Комиссии Государственной Думы; он тоже того мнения, что здесь подкоп под Столыпиным.

25 июня. От $9^3/_4$ доклад у военного министра до 1 часу, когда он поехал в Красное Село к вел. кн. Николаю Николаевичу. Вел. кн. встретил его приветливо, разговор был по поводу речи Гучкова. Военный министр опять об'яснял почему он не мог выступить с защитой деятельности великих князей.

1 июля. Принимал в $4^1/_2$ кн. Андронникова, который распространялся о каких-то своих письмах к вел. кн. Николаю Николаевичу.

5 июля. Каменев [1]), который всегда собирает разные рассказы, сообщил мне, что всеобщее внимание обратило на себя холодное отношение государя и императрицы к вел. кн. Николаю Николаевичу.

21 июля. К 9 час. вечера на совещание к министру иностранных дел по поводу положения дел на Балканском полуострове и возможных осложнений в Турции.

Решили пересмотреть мероприятия по Босфорской экспедиции и вообще подготовиться к возможности придти в Турцию, не об'являя ей войны.

25 июля. В пакете, полученном от государя, оказался собственноручно им написанный проект рескрипта на имя вел. кн. Николая Николаевича об освобождении его от должности председателя Совета Государственной Обороны, с надписью: „переписать и представить завтра".

26 июля. На поезде 10 час. утра в Новый Петергоф для доклада его вел. Когда я подал переписанный рескрипт, государь сказал: „Да, вел. кн. просил меня дать ему это скорее. Я не знал, как лучше сказать—недостатки или несовершенство Совета Государственной Обороны и написал оба слова. А также я написал „Военное Министерство", но потом уже подумал, что правильнее сказать „Военное Ведомство"—это шире". Я ответил, что так как „несовершенство" стояло в скобках рядом с „недостатками", переписано то и другое, но из двух слов лучше сказать „несовершенство", а также „ведомство шире министерства". Государь синим карандашом зачеркнул слово „недостатки" и написал вместо „министерство"—„ведомство". Передавая мне, сказал: „вы можете

---

[1]) Ад'ютант воен. мин. *Ред.*

прислать мне к подписи сегодня же в Красном, вместе с благоволительным приказом, а завтра можно в Инвалиде". Затем, когда я сел, государь продолжал: „когда я учреждал Совет Государственной Обороны я думал об'единить с военным и морским делом вопросы политические и финансовые, что не удалось. Нет надобности в таком постоянном учреждении, его надо собирать, когда надо из тех же лиц или других". Я вставил: „желательно под председательством в. и. в.". „Конечно, вообще я думаю более взять военное дело в свои руки, но разве я мог сделать это в эти три года". Я передал ручные записки на сегодняшнее ученье. Государь взял и сказал: „Помните, я тогда вам написал, что когда я смотрю войска в Петербургском Округе, то мне не надо этих длинных записок о парадах, мне всегда их дает Окружной Штаб накануне, и этой традиции я хочу держаться, но когда я в другом Округе, то там представляет военный министр". Затем государь повелел возвратить четвертым полкам их прежние воротники и околыши. „Я всегда находил, что всякому свое, и зеленый цвет—пограничной страже, но Александр Федорович (Редигер), вероятно, запасом потенциальной энергии подействовал на меня и я согласился".

Я доложил еще об осмотре у вел. кн. Сергея Михайловича прибора Ливчака. Государь передал мне номер „Русского Инвалида" со статьей Бюнтинга о судах общества офицеров и сказал, что там много правды. „Я всегда читаю „Русский Инвалид"—единственная газета, которая не действует на нервы".

27 июля. В $2^1/_2$ часа к Царскому Валику на Военном поле. Смотр в высочайшем присутствии гимнастики. Вел. кн. Николай Николаевич все время на меня не смотрит и едва подает мне руку. Вчерашний рескрипт возбуждает разговоры; особенно долго говорил со мной Сергей Михайлович. Палицин говорил со мной о погоде, о бюджете Военного Министерства, но о рескрипте ни слова.

30 июля. К $10^1/_2$ час. утра на обедне в церкви 1-й гв. пех. дивизии, государь приехал в форме л.-гв. Семеновского полка. Когда государь прошел в церковь, вел. кн. Николай Николаевич сделал знак, что хочет говорить со мной и пошел, а я за ним в сторону за линию офицеров. Резким тоном стал мне говорить, что он, к величайшему удивлению—прочитал о назначении барона Таубе командиром полка, после того как он был против этого, что государь может повелеть что ему угодно, но что я должен был о таковой высочайшей воле уведомить главнокомандующего, но что мой поступок не находит себе названия, о чем он и доложит государю императору.

Я сказал только: „Прошу извинения у в. и. в.".

Разговор этот был замечен и после завтрака вел. кн. Сергей Михайлович сраживал меня за что я получил разнос.

31 июля. Во время заседания Военного Совета мне подали карточку А. И. Гучкова; спрашивал, что мы готовим в Думу, но, конечно, более всего его интересовал рескрипт.

3 августа. К 2 час. к обеду приехал В. К. Пруссак; говорил, что в Управлении Генерального Штаба все уверены, что рескрипт 26 июля прошел с моим участием.

Получил письмо от Редигера, который, не получив моего письма от 28 июля, видимо встревожен и даже как будто думает, что я от него что-то скрываю.

10 августа. После завтрака ко мне пришел Палицин; в конце концов он свел разговор на рескрипт 26 июля и спросил, разрабатываем ли мы уже новую организацию военного управления; сказал, что рескрипт был для вел. кн. неожиданностью. Я ответил, что мне никаких указаний о реорганизации не дано.

16 августа. На поезде в 10 час. утра выехал в Петергоф к личному докладу.

После возвращения из шхер будет назначено представление новых форм обмундирования и киверов; при этом государь встал и принес мне показать несколько фотографий императора Вильгельма в новой форме и с кивером в разных позах, об одной из которых было сказано, что похож на фельдфебеля. Докладывал также жалобу г. Бутовича на ген. Сухомлинова по поводу его отношений к m-me Бутович; позволено оставить без последствий, но сказано: „жаль, что это так распространилось; для такого видного лица это неудобно".

Когда после доклада окончилось представление офицеров, государь пошел в смежную комнату, позвал меня и сказал: „Едва вы ушли, пришла императрица, хотела вас видеть; в один из Сибирских полков переведено против желания офицеров 5 новых офицеров, вот вы можете видеть кто". И передал мне вырезанный в форме яйца кусок бумаги, на котором карандашом было написано 5 фамилий.

„Я не знаю, говорил ли я вам лично, но военному министру я говорил несколько раз, что надо дорожить сплоченностью офицерского состава и сделать, как в гвардии, чтоб перевод совершался с согласия общества офицеров.

„Выпуск из военных училищ—это другое дело, молодые люди это воск, который может принять ту форму, которую ему дают".

22 августа. Столыпин отозвал меня и сказал, что в Москве при сенаторской ревизии делали выемку на фабрике Тиль и нашли там документы, открывающие „панаму" в воровстве интендантства. Столыпин докладывал государю, повелено

принять строгие меры; решили возложить на сенатора Гарина ревизию и этого дела.

В Совете Министров Коковцев в длинной речи охарактеризовал состояние бюджета; приговорили Военное и Морское Министерства не выходить из рамок прошлогоднего ассигнования. Столыпин еще раз повторил, что государь сказал ему, что мне известны все намерения о сокращении в армии. Решено, чтоб Военное Министерство через неделю вошло с черновым наброском сокращений в бюджете.

25 августа. Около 5 час. ко мне приехал сенатор Гарин, ревизующий полицию в Москве и, вследствие разговора 22 августа со Столыпиным, прочитал мне проект всеподданнейшего доклада с инструкцией ему. Читал мне выдержки из дознания, где фабрикант Тиль заявляет, что за 25 лет им передано взяток интендантству до 20 милл. руб. Указаны фамилии.

Сенатор Гарин говорил, что Москва—это центр всех воровских сделок, что есть фирмы, живущие кражей товаров на Московском жел.-дор. узле.

29 августа. В разговоре с военным министром по поводу будущих военных реформ он сказал, что на пост начальника Генерального Штаба намечают Сухомлинова [1]), а если тот откажется, то меня, на что я выставлял мои возражения.

21 октября. Военный министр был утром с личным докладом и поехал туда вместе с Палициным. Уже под'езжая к Петергофу, Палицин ему сказал, что ему повелено докладывать в присутствии военного министра. На докладе военный министр испросил указаний, кому председательствовать в высшей Аттестационной Комиссии—повелено военному министру, а в его отсутствии—старшему. Затем, военный министр завел разговор о Совете Государственной Обороны и получил указание, что государь будет председательствовать лично; военный министр высказал, что каждый вопрос должен быть обсужден *до* заседания под председательством государя, на что последовало, повидимому, одобрение; затем, что каждый вопрос должен обсуждаться разными лицами, по этому именно вопросу подготовленными—на это последовало указание, что новый состав будет назначен к 1 января. Когда доклад кончился, государь пригласил военного министра остаться, вошел Палицин и докладывал при нем.

22 октября. К 11 час. поехал к военному министру. Он возвратился вчера из Совета Министров в пятом часу утра, потому что туда в 1 час ночи прибыл Извольский с известием, что Германия хочет напасть на Францию.

---

[1]) Вместо ушедшего с этой должности Палицина. Одновременно должность начальника Генерального Штаба была подчинена военному министру. *Ред.*

24 октября. К 3 час. в Совет Министров в Зимнем Дворце. Перед заседанием Столыпин встретил Коковцева: „Надо что-нибудь придумать, чтобы облегчить Совет Министров от всех этих дел об урядниках, белье и т. п.; я более не выгребаю". Коковцев согласился, что надо что-нибудь придумать, а потом отошел со мной к окну и рассказал, что сегодня в конце доклада государю, когда зашел разговор об общем положении дел, он опять указывал на ненормальность отсутствия единого управления в Военном Министерстве и на то, что Палицин не Мольтке.

4 ноября. К $2^1/_2$ час. прибыл на доклад к военному министру; он мне показал письмо Забелина, в котором написано, что государь сего числа соизволил на подчинение начальника Генерального Штаба военному министру с предоставлением первому личного доклада в присутствии военного министра, и что надо подготовить Указ; об этом же он написал письмо и вел. кн. Николаю Николаевичу. После доклада барона Остен-Сакена начался доклад Мышлаевского и тут военный министр рассказал, что началось с того, что государь произнес: „А мы еще не говорили по одному вопросу—об отношениях между военным министром и начальником Генерального Штаба; я думал, что вы начнете об этом говорить". Военный министр ответил, что он принял министерство в его настоящем виде и потому не считал себя в праве начинать разговор. „Какие вы находите неудобства от соединения?" Военный министр ответил в том смысле, что один работает в небесах, а другой должен оставаться на земле и привел несколько примеров; но военный министр не может всего обнять, а потому е. в., вероятно, пожелает сохранить личный доклад. Тогда последовало приведенное выше нововведение, при чем государь выразился, что он предупредит об этом Палицина с глазу на глаз, но, однако, ничего ему не сказал, и Палицин в 4 часа хотел быть у военного министра. Затем, военный министр докладывал государю о желании вел. кн. Константина Константиновича и Николая Михайловича иметь еще по одному личному ад'ютанту и о том, что все личные ад'ютанты значатся теперь в именном списке, представляемом в Государственную Думу и Государственный Совет, а потому увеличение этого списка возбудит разговоры; государь повелел отложить этот вопрос до приезда министра императорского двора.

10 ноября. Говорили по поводу маневров в Варшавском округе и по поводу статьи Чистякова в „Разведчике"—„Занятия со старшими начальниками", что необходимо подучить старших начальников работать головой.

11 ноября. К 9 час. вечера Совет Министров. По двум представлениям министра финансов: 1) о повышении хлебных

тарифов по внутренним сообщениям и 2) о повышении станциями расходов за перевозку хлеба в ссыпную, встретились возражения, главным образом, со стороны Шипова и Кривошеина и представления не прошли. Коковцев был видимо недоволен. Кривошеин, после своей удачной речи в Государственной Думе по землеустроительному делу (все министры его поздравляли) как будто окреп.

Среди политических вопросов (без канцелярии) главное место занял вопрос о выступлении министра финансов и министра иностранных дел в Государственной Думе; решено в начале будущей недели; сообщат об этом Хомякову и тогда он не поставит на повестку 15 ноября запрос министра внутренних дел по поводу запрещения лекции Погодина. Министр финансов сообщил, что дело о займе во Франции налаживается, и может быть удастся заем заключить в начале января. Шварц [1]) заявил, что по всем законопроектам, которые он вносит, в Государственной Думе составляют свои законопроекты и решают их рассматривать вместе; это признано неправильным, так как Думские законопроекты должны препровождаться сначала министру. Хомяков желал бы фиксировать думские каникулы с 20 декабря по 15 января и с 20 мая до сентября.

После Совета Столыпин попросил Извольского, Коковцева и меня остаться для обсуждения последних событий в Персии, а именно нападение на заставу на дороге Джульфа—Тавриз. Коковцев заявлял о необходимости ввести войска для охраны нашей дороги; остальные признали, что самое лучшее будет всех наших агентов оттуда убрать. Коковцев, кажется, и здесь был недоволен и уходя сказал Извольскому, что не понимает нашей политики поддерживать персидскую конституцию.

14 ноября. Об'явлено в высочайшем приказе о назначении ген. Палицина членом Государственного Совета и в приказе по военному ведомству о тех изменениях, кои высочайше повелено принять в Положении о начальнике Генерального Штаба и о Главном Управлении Генерального Штаба.

15 ноября. Вечером зашел полковник Апушкин и принес письмо от одного военного из Одессы, где указывается на волнение среди офицеров 14 стр. полка и 15 пех. дивизии по поводу убийства городовым двух офицеров 14 стр. полка поручика Диомидова и прапорщика Алепникова и столкновения с другим городовым командира Модлинского полка Латура.

17 ноября. Военный министр передал мне, что Сухомлинов согласился принять должность начальника Генерального Штаба. Я ему передал записку из письма, которое мне передал Апуш-

---

[1]) Министр народного просвещения. *Ред.*

кин о положении дел в Одессе; общее впечатление то, что Каульбарса оставлять в Одессе нельзя.

18 ноября. В $2^1/_2$ часа поехал к военному министру. Государь благодарил Сухомлинова за то, что тот согласился быть начальником Генерального Штаба; приказ состоится в начале декабря.

Для расследования того, что делается в Одессе повелено послать ген.-ад. Пантелеева. В Киев Сухомлинов советует послать вместо себя Самсонова [1]). Государь сказал командующему Московским округом ген. Гершельману, что военный министр забрасывает его мелочами и на-днях даже испрашивал о производстве кого-то в коллежские регистраторы.

Мышлаевский приносил к докладу свои „перлюстрации", в одной сведения—член Александровского Комитета о раненых гр. Олсуфьев писал начальнику канцелярии Комитета Оношковичу-Яцына, что „положение Редигера так пошатнулось, что он хочет быть председателем Александровского Комитета и, тогда им обоим придется вылететь, да и капиталам придется плохо".

В $4^1/_2$ часа военный министр поехал к Столыпину, чтобы передать ему о высочайшем повелении командировать в Одессу ген.-ад. Пантелеева для расследования отношений между войсками и полицией. Сведения в частном письме, которое мне передано Апушкиным, подтвердились в частном письме к военному министру от Каульбарса и в докладе Мышлаевскому командира 14 стр. полка.

2 декабря. К 9 час. вечера я прибыл в Совет Министров. До заседания Столыпин сказал, что у него сегодня был французский посол адм. Тушар просить, чтобы Военное Министерство заказами пушек не обошло зав. Шнейдера, так как он слышал, что хотят заказать Круппу, а для успеха нашего займа во Франции, лучше бы обращаться к французской промышленности.

На заявление Дикова, что исполнительная комиссия по судостроению ограничивает самостоятельность Морского Министерства, ему Столыпин, Коковцев и др. веско возражали, что в финансовом отношении морской и военный министры составляют часть Совета Министров, который отвечает за них и уже отвечал за Морское Министерство и наслушался из-за него больших неприятностей; между тем, проект Совета о судостроении, составленный Морским Министерством, совершенно устраняет всякую почву для соглашений с другими министерствами, предоставляя все решения усмотрению товарища морского министра. Сослались на комиссию по перевооружению в Военном Министерстве и Столыпин сказал: „Генерал Редигер мне говорил, что комиссия эта вела свое дело очень удачно". Тогда я характеризовал характер

---

[1]) В Мировую войну погиб в августе 1914 г. во время катастрофы со 2-й армией, которой он командовал. *Ред.*

деятельности комиссии, указав на то, что представители ведомств имеют полную возможность аппеляции к своим министрам. Тогда Диков отказался от своих возражений. Затем, начальник управления кораблестроения ген. Крылов изложил проект броненосца, дабы ознакомить Совет с истинным положением дел и опровергнуть пристрастные отзывы печати. Неустойчивость взглядов поразительна. Министр юстиции Щегловитов предложил выслушать воззвание против смертной казни, подписанное, между прочим, 4 членами Государственного Совета, 10 членами Государственной Думы, 7 профессорами, 4 священниками и т. д. Подписал его также и сенатор Иванов. Предложение Щегловитова уволить сенатора Иванова от службы не встретило сочувствия, так как это вмешало бы государя в сочувствие смертной казни и затем выделить его из числа прочих подписавших воззвание правительственных чинов было бы неправильно, но так как он состоит в судебном департаменте Сената, то решили с 1 января его в состав департамента не включать и потому убавить содержание.

После заседания я спрашивал Столыпина, избран ли им в Киев генерал-губернатор; он сказал, что имеет в виду избрать одного из сенаторов, бывших губернаторами: гр. Палена, кн. Урусова. Кривошеин обратился к Столыпину и сказал, что он просится на это место, но Столыпин ответил, что его нельзя отпустить.

9 декабря. К 9½ час. к военному министру. Государь изъявил согласие принять отставку командира л.-гв. Семеновского полка ген.-лейт. Зурова, который был у е. вел. и докладывал, что вел. кн. Николай Николаевич его оскорбил, а после этого был у вел. кн. и доложил ему о том, что он просил государя принять отставку и по какой причине. Приехал ген. Сухомлинов, которому навстречу были уже посланы на разрешение некоторые организационные вопросы. Государь повелел выразить свое удовольствие по поводу того, что в некоторых частях войск уходящих в запас нижних чинов обучают улучшенной культуре хлебов.

15 декабря. Принят запрос о незакономерных действиях ген. Гершельмана в Москве.

С военным министром дошел пешком до его дома; у него сегодня в 8½ часов Гучков и представители правых фракций, которые пожелали беседовать без свидетелей.

Императрица Мария Федоровна принимала ген.-ад. Пантелеева и говорила с ним по поводу эпизода в Семеновском полку, выразившись по поводу вел. кн. „qu'il est malade“ [1]).

16 декабря. Военный министр показал мне папку, полученную им от государя и содержащую в себе военные конвенции

[1]) Что он болен.

с Францией. Сегодня, при докладе Сухомлинова о необходимости возвратить войска из командировки в Казанском округе, он указал, что есть губернаторы, как, например, Черниговский, которые при отсутствии беспорядков все же держат войска; государь выразился, что таких губернаторов надо сменять.

По поводу запросов в Государственной Думе о действиях ген.-губернатора Гершельмана пришли к убеждению, что поддержать его трудно. Столыпин обратился ко мне и сказал, что командир корпуса Сахаров, представляясь государю сказал, что вследствие системы 1/12 войска [1]), не располагая деньгами, часто остаются без самого необходимого и государь по этому поводу желал скорейшего рассмотрения бюджета. На должность генерал-губернатора в Киеве избран член Государственного Совета Ф. Ф. Трепов.

17 декабря. Перед заседанием П. Н. Дурново возмущался, как Военное Министерство могло допустить принятие поручения от Государственной Думы выработать закон о пенсиях к 1 января 1911 г.; Государственная Дума, по его мнению, никаких поручений давать правительству не может.

18 декабря. Условился с А. И. Гучковым, что он зайдет ко мне завтра утром переговорить по поводу вчерашнего заседания в финансовой комиссии Государственного Совета.

23 декабря. Коковцев рассказывал, как к нему являлся член Государственной Думы Аджемов (один из влиятельных лидеров) в качестве присяжного поверенного и просил оказания ему разных незаконных льгот в смысле ссуды по делам его доверителя.

28 декабря. Встретился с сенатором Гариным—говорил, что в Москве открыл систематические злоупотребления заведывающего Ашипковской мукомольней, результатом чего был поджог мельницы по приказанию заведывающего, что командующий войсками ген. Гершельман отрицает; говорил о злоупотреблениях в поставках на Московский госпиталь, о злоупотреблениях с сапогами, полушубками, бельем и о том, что артиллерийский полигон в Московском округе предположено купить по цене вдвое более дорогой, чем на самом деле.

30 декабря. В 2 часа поехал на доклады к военному министру; во время доклада барона Остен-Сакена появился член Государственной Думы Милюков справляться по делу осужденных военным судом в Екатеринославе.

Военный министр обеспокоен политическим положением и принимает меры к приведению в порядок материальных средств, между прочим, постановкой станции беспроволочного телеграфа в Бобруйске для связи с Францией.

---

[1]) До утверждения бюджета войскам все денежные отпуска делались на один месяц. *Ред.*

1909 год

3 января. В 2 часа заезжал к ген. Сухомлинову звать его к нам обедать; он жаловался, что то, что ему досталось от Палицина, представляется сырым материалом, без определенных решений.

А. И. Гучков говорил мне, что с несколькими из правых он был у военного министра, чтобы высказать ему пожелание, чтобы те средства, которые Государственная Дума дает на армию, расходовались разумно, а для этого личный состав старших начальников должен быть подбираем соответственно; от военного министра они с теми же мыслями ездили к П. А. Столыпину. Председатель Государственной Думы докладывал государю о пожеланиях Государственной Думы относительно военного и морского ведомств. А. И. Гучков был сегодня на похоронах вице-адмирала Рождественского [1]) и вынес впечатление, что похороны „опального человека"...

6 января. В 9½ ч. у. с Анненковым выехал в Царское Село на Крещенский парад. В вагоне и в экипаже ехал вместе с военным министром; говорили о том, что министр иностранных дел относится к положению дел на Дальнем Востоке спокойно, но говорит, что Китай раздражается деятельностью Восточно-Китайской ж. д. и что следовало бы смягчить впечатление посылкой лица для приветствования нового богдыхана с вошествием на престол; ген. Унтербергера [2]) посылать неудобно, потому что „местное" лицо, а следовало бы послать кого-нибудь от центральной власти.

В Царском говорил с В. А. Сухомлиновым; он не может быть у нас на обеде, так как едет в Вильну и в Варшаву переговорить о сосредоточении, которое, по его словам, Палицин запутал до чрезвычайности.

Собирались в Царском на верху; после выхода государя (без императриц) все сошли в церковную залу и потом в церковь; после обедни выход на Иордань; были только части и знамена от Царскосельского гарнизона; из Петербурга знамена прибыли только от военно-учебных заведений. Завтрак—гофмаршальский (государь завтракал с семьей отдельно).

---

[1]) Адмирал, начальник Тихоокеанской эскадры, погибшей во время Японской войны, в 1905 г. под Цусимой. *Ред.*

[2]) Приамурский генерал-губернатор. *Ред.*

По возвращении принимал у себя А. И. Гучкова, который говорил о разных военных предметах, между прочим, сказал мне, что они разрабатывают законопроект об обеспечении раненых нижних чинов: он едет отдохнуть в путешествие до Александрии. Меня по телефону вызывала М. Ф. Щегловитова, я поехал к ней, вышел Ив. Григ. (Щегловитов) и я выслушал рассказ о ее брате Анатолии Федоровиче Купиченко, который, будучи благотворителем местных (Екатеринослав. губ.) крестьян, попал в состав крестьянского союза, за что гражданским судом присужден на 1 год в крепость, а теперь, случайно приютив к себе посетителя, привлекается к суду за укрытие экспроприатора, так как этот посетитель оказался из числа ограбивших почту...

7 января. Великий кн. Сергей Михайлович и ген. Кузьмин-Караваев доложили окончательное мнение, что из предложенных образцов гаубиц 48 лин. Круппа, Эргарда и Шнейдера—наилучший образец Круппа, который берется изготовлять Путиловский завод...

9 января. От 10 час. вечера совет министров. Опять был длинный спор между Коковцевым с одной стороны и Кривошеиным и Шиповым с другой, по поводу кредита на земледельческие орудия, семена, муку и т. п., что является как бы дополнением к закону 9 ноября. Столыпину едва удалось примирить мнения...

13 января. Начальник Главного Штаба, по поручению Сухомлинова, передавал его впечатления от посещения Вильны и Варшавы: везде во всем с ним согласились, всех он убедил, и теперь работа пойдет в новом направлении.

Вечером военный министр был сам в Совете Министров, так как там шло важное дело о праве Военного Министерства продавать принадлежащие ему земли с тем, чтобы на вырученные деньги пополнять иные надобности. Совет Министров постановил по каждому такому отдельному случаю представлять в законодательном порядке.

14 января. Вел. кн. Сергей Михайлович передавал о своих впечатлениях по поводу произведенной им лично стрельбы из 48 лин. гаубиц сист. Круппа, Эргарда и Шнейдера;—первая выше всех. Военный министр просил Главное Артиллерийское Управление подумать, какой завод в Петербурге следует раньше других продать, дабы вместо него построить в другом месте...

21 января. Вчера Сухомлинов докладывал государю новый план сосредоточения, который государь одобрил, отказавшись, повидимому, от мысли собрать Совет Обороны, как предлагал военный министр. Вел. кн. Петр Николаевич [1]), как оказалось,

---

[1]) Ген.-инспектор по инженерной части. *Ред.*

представлял государю отчеты по инженерной части, о которых военный министр и не знал...

26 января. К 2 час. поехал отдать визит гр. Палену и возвратить ему данное им мне для прочтения письмо к П. А. Столыпину; из этих писем видно, что, при общей „патриархальности“ управления в Туркестане, особенно выделяется незакономерностью управление Закаспийской Областью и начало такой незакономерности положено Куропаткиным, который был „ханом“ в „ханстве“. В числе неправильно выданных в Области, значится ссуда на благотворительные дела супруге ген. Уссаковского—5 т. р.

Гр. Пален передал мне для передачи военному министру копию своего всеподданнейшего доклада государю, где он, между прочим, высказывается о необходимости сохранить пока в Туркестане военное управление и вверить надзор за Туркестаном ответственному товарищу министра.

27 января. Ген. Бородкин командируется в Туркестан для расследования по следствию о выстрелах, направленных осенью на маневрах в ген.-ад. Мищенко; по сведениям корпуса жандармов, это следствие как бы нарочно не доведено до конца.

К 9 час. поехал в Совет Министров. Перед заседанием спросил Столыпина, следует ли появляться в Государственную Думу завтра при рассмотрении законодательного предположения об отмене смертной казни, так как военный министр получил об этом извещение от председателя Государственной Думы. Получил ответ, что выступать ни в каком случае не следует; решено, что Щегловитов и я будем сидеть в Министерском павильоне и выжидать...

28 января. К 11 час. прибыл в Министерский павильон Государственной Думы и там со Щегловитовым ожидали, чем кончится дело по предложению об отмене смертной казни; когда узнали, что решено передать в комиссию для обсуждения вопроса о желательности, то уехали домой...

30 января. К 1 часу поехал в 1-й Департамент Правительственного Сената; по военному Министерству было 7 дел; около $1^1/_2$ ч. заняло горячее обсуждение споров между Мин. Вн. Дел и Мин. Торг. и Пром. о праве евреев приезжать для торговых дел в черту вне оседлости...

10 февраля. Вчера на совещании у Столыпина по политическим вопросам пришли к убеждению, что нам надо стоять в стороне от всех усложнений. Начальник Генер. Штаба докладывал соображения н-ка Штаба Киевского Округа о возможности мобилизации 4 австр. корпуса на нашей границе, в случае движения Австрии в Сербию, и о том, что и нам в таком случае следует произвести „учебные сборы“ в пограничных полках Киевского Округа; от этого предполагается воздержаться.

11 февраля. Главный интендант упомянул, что к нему приезжал кн. Андронников, намекая на знакомство с военным министром, добиваться покупки военным ведомством рыбы у той компании, в которой он принимает участие; военный министр сказал, что он кн. Андронникова принимает очень редко.

В $8^1/_2$ ч. поехал в Государственную Думу, где был поставлен запрос по делу Азефа; были почти все министры и многие из товарищей и Столыпин говорил речь...

13 февраля. К 9 час. в Совет Министров. Много времени заняло обсуждение вопроса о порядке об'явления высочайшего повеления, возникшего по поводу того, что в думской комиссии требовали законный титул к назначенному киевскому генерал-губернатору ген. Трепову содержанию. Во время заседания дважды вызывали председателя Совета Министров к телефону: из Государственной Думы—передавали впечатления от речи Милюкова по делу Азефа. Он сказал, что был приглашаем Столыпиным для образования кадетского министерства. По этому новоду Столыпин об'яснил в Совете, что дело было так: А. П. Извольский передал ему по телефону, когда он был еще министром Внутренних Дел при председателе Совета Министров Горемыкине, что государь повелел узнать, что такое Милюков и чего желает кадетская партия; Столыпин пригласил Милюкова, и тот выразил, что для успокоения страны необходимо образование кадетского министерства, которое сумеет задушить революцию.

Министр Внутренних Дел доложил об этом государю, высказав свое убеждение, что это невозможно, но на столе у государя видел список кадетского министерства, представленный Д. Ф. Треповым, который всегда сносился с кадетами. Решено об'явить по новому заявления Милюкова опровержение. По окончании заседания говорили о предстоящем 27 февраля чествовании А. С. Суворина [1]), по случаю 50-летия его литературной деятельности; говорили, что давать ему звезду значит поставить его в неловкое положение, назначением членом Государственного Совета было бы несоответственно, самое лучшее было бы пожаловать ему портрет государя с надписью. От совета министров постановлено ему ничего не выражать, но в отдельности министрам приветствовать, как—об этом обсудить впоследствии...

17 февраля. К 11 час. поехал в финансовую комиссию Государственной Думы, где должно было рассматриваться представление Минист. Внутр. Дел о мерах к ограничению приезда с Дальнего Востока китайцев и корейцев; меня спрашивали о возможности обойтись на Дальнем Востоке на работах военного ведомства без привлечения китайцев и корейцев.

---

[1]) Издатель и основатель газеты „Новое Время". *Ред.*

Марков 2-й и др. ставили в упрек военному ведомству, что оно не озаботилось привлечением русских рабочих; предполагают провести закон, воспрещающий после 1 января 1910 г. привлечение к работам китайцев и корейцев.

К 9 час. вечера в Совет Министров; до начала второго часа обсуждали, брать ли на себя правительству руководство канализацией и водоснабжением Петербурга; решили утвердительно...

18 февраля. Военного министра к телефону вызвал Столыпин и просил убрать из Прибалтийских провинций ген. бар. Меллер-Закомельского [1]), при этом шел разговор также, чтобы Гершельмана передвинуть из Москвы...

23 февраля. Оставался во время доклада Сухомлинова; как и следовало ожидать, он критиковал все, что теперь идет из Киевского Округа.

К $8^1/_2$ часам приехал в Государственную Думу. Заседание при закрытых дверях. Сначала шло рассмотрение отпуска суммы около 4 м. на усиление средств Балтийского флота, а затем наше представление об отпуске чрезвычайных кредитов. В конце своего доклада А. И. Гучков ставит вопрос, готовы ли мы, не взирая на все денежные жертвы, стоят ли на высоте те, от кого зависит наблюдение за использованием данных средств; область высшего командования, если пойти от Приамурского Округа, через Кавказ, Одессу и Вильну, стоит ли на высоте? Кажется иллюзий нет и теряется вера в возрождение; известно ли все это на верху. Крупенский, указывая на проблеск в виде образования совещания у председателя Совета Министров по флоту, высказывает надежду, что Россия будет иметь для себя достойный Совет Обороны. Военный министр отвечает на слова Гучкова о вождях; его слова возбуждают неудовольствие среди правых. Кончается овацией октябристов.

Когда пришли в Министерский павильон, куда являлся Хомяков спросить можно ли поместить в стенограмму выходку Маркова, военный министр сказал, что он вычеркнет из стенограммы только имеющее вид служебных секретов...

24 февраля. К $2^1/_4$ ч. на доклад к военному министру. По поводу вчерашнего в Государственной Думе военный министр делал доклад государю; был получен ответ, что октябристы всегда захватывают в свои речи то, что им не принадлежит, и потому гораздо более нравятся умеренно правые.

25 февраля. Главный интендант спрашивал указаний по поводу закупок. Теперь на 70 мил. закупают к юго-западу от Двины и к западу от Днепра и только на 40 мил. внутри России; не следует ли перенести закупки в центр? На это дано

---

[1]) Временный генерал-губернатор. *Ред.*

указание, что покупать следует там, где выгоднее, и что предстоящая перемена дислокации [1]) может уравнять покупки. Затем главный интендант указывал на неудобство того, что в августе, когда можно закупить хлеб дешево, у главного интенданта нет средств на такую покупку.

Вернандер сообщил, что получил письмо от начальника генерального штаба, где сообщается о состоявшемся решении упразднить 9 крепостей, и когда я спросил—какие же 9, то получил ответ от Вернандера: кроме прежних, еще Ломжу, Зегрж, Новогеоргиевск, Варшаву и Ивангород. Я был крайне удивлен поспешностью такого решения, но промолчал, а Вернандер осторожно возражал, но военный министр сначала указал на слабость крепостей, на необходимость собрать армию в кулак, а потом, видимо недовольный, встал, чтобы прекратить разговор. Мы с Вернандером вышли вместе и шли некоторое время пешком, обмениваясь мыслями по поводу состоявшегося решения.

Военный министр просил меня быть в пятницу в комиссии Государственной Думы, высказав при этом, что он будет избегать встреч с Гучковым, так как тот его уже не в первый раз подводит своими речами в заседаниях Государственной Думы.

26 февраля. Принимал генер.-кварт. главного управления генерального штаба, которому высказал, что с упразднением крепостей в Царстве Польском поторопились, не обсудив этого важного дела в достаточной мере.

Встретив здесь Сухомлинова, я высказал ему, что только что виделся с его генерал-квартирмейстером и высказал ему мое порицание по поводу решения относительно крепостей; он ответил мне, что надо порицание высказывать ему, но что сохранить крепости в том состоянии, в котором они есть, была бы измена.

1 марта. Вечером я был у А. П. Вернандера, где знакомились по картам с крепостями Зегрж, Новогеоргиевск, Варшава и пришли к заключению, что они не лишены возможности сопротивляться.

7 марта. Флигель-ад'ютант германского императора фон-Гинтце просил описание и стоимость наших походных кухонь; уходя, завел речь о политике и ясно говорил, что если мы войдем в столкновение с Австрией, то Германия ее поддержит; сожалел, что мы сближаемся с Англией, которая нам везде будет портить, и допустили охлаждение дружбы с Германией.

10 марта. К $2^1/_4$ час. поехал к военному министру. Он встретил меня с улыбкой и, передавая приглашение Бюджет-

---

[1]) Перемещение значительной части наших войск из губерний Царства Польского на Волгу. *Ред.*

ной Комиссии прибыть завтра на заседание Бюджетной Комиссии по интендантской смете, сказал: „Я хотел сам там быть, но мне на этом кресле остается сидеть только 2—3 дня, а потому я прошу вас ехать". Я ответил: „Вы так радостно говорите о своем уходе, что это видимо вас не огорчает, а я как останусь. Какие ваши отношения с Сухомлиновым?" На этом разговор был прерван появлением барона Остен-Сакен. После ухода его, А. Ф. мне рассказал: по окончании доклада сегодня государь начал говорить: „После того, что произошло в Думе, вы потеряли авторитет в армии и мое доверие. Еще в первой Думе вы не ответили Чхеидзе; потом аттестационные решения неправильно направили относительно генерала Топорнина... Я полторы недели об этом думаю". „На это А. Ф. ответил: „Я сам чувствовал, что теряю ваше доверие, но не знал, имею ли право сам просить об увольнении от должности. Когда прикажете сдать Министерство". „На этой неделе. Мне очень жаль, что все это так вышло теперь, когда все только что стало налаживаться".

После этого государь встал и, обойдя стол, подошел к А. Ф. (Редигеру) и, подав ему руку, благодарил его. Затем вошел Сухомлинов и делал свой доклад, по окончании которого А. Ф. откланялся и уехал в помещение, а Сухомлинов был задержан.

Потом Сухомлинов приехал к А. Ф. в помещение и об'явил ему с волнением, что государь об'явил ему о назначении его военным министром, что он отказывался, но государь указал, что он этого хочет и что в субботу, когда он будет менее взволнован, об'явит ему свою программу; государь упоминал что-то о великом князе Николае Николаевиче, но что, он вспомнить не может.

Я сказал, что с Сухомлиновым у меня нет никаких отношений, и я очень бы желал уйти в Государственный Совет, о чем он обещал сказать Сухомлинову.

В заключение он высказал, что, вероятно, уход его не обошелся без влияния великого князя Николая Николаевича, который, конечно, не простит ему отставки Палицина.

11 марта. К 11 час. приехал в Государственную Думу и до заседания Бюджетной Комиссии переговорил с главным интендантом. В кулуарах многие ко мне обращались с вопросом, правда ли, что назначается Сухомлинов. Я не утверждал, но и не отрицал. Оказывается, правые вчера в 12 час. ночи получили об этом известие и торжествовали, как свою победу, высказывая, однако, что Сухомлинов „октябрист". Кадеты тоже торжествовали, считая его „своим". Заседание продолжалось до $5^1/_2$ час. После заседания меня вышел проводить А. И. Гучков и беседовал о случившейся перемене. В министерском павильоне я видел И. Г. Щегловитова и,

шутя, говорил ему, что может быть мне придется проситься в Сенат; он сказал, что препон мне делать не будут, но что мне, кажется, предстоит другое.

К $8^1/_2$ час. вечера в Совет Министров. Много времени заняло обсуждение вопроса о том, какое положение должно занять правительство по отношению к суждениям в Государственной Думе законопроекта о Морском Генеральном Штабе, где есть разногласие в смысле 96 ст. Осн. Зак. Я высказал, как Военное Министерство смотрит на 96 ст. Коковцев рассказывал, что он получает печальные сведения из Государственной Думы о разговорах в кулуарах и там сообщалось, что государь на аудиенции Хомякову сказал, что: 1) Марков 2-й невоспитан, 2) он вполне присоединяется к отзыву А. И. Гучкова о начальствующем персонале армии и 3) работоспособность Государственной Думы очень велика.

Коковцев прочитал это государю и тот сказал, что ничего подобного не было.

12 марта. Утром прочитали о состоявшемся назначении Сухомлинова военным министром и о пожаловании Александра Невского Редигеру. Спросил по телефону, когда меня примут; получил ответ—когда угодно, в сюртуке. Поехал к 2 часам. Сухомлинова не застал дома; через некоторое время он появился в своей гусарской форме; прошли в кабинет. Я просил общих указаний, но, конечно, подробных получить будет пока нельзя, условились, что завтра я поеду в Государственный Совет. Относительно Совета Министров он сказал, что слышал, что министры обижаются, что военный министр не ездит в Совет и что ездит помощник, а потому будет ездить сам; сказал, что не признает комиссий, что все надо делать быстро, и проект нового положения об Академии Генерального Штаба уже завтра будет слушаться в Военном Совете; что мы стоим на месте, надо брать на себя смелость, решаться.

На мой вопрос кто будет начальником Генерального Штаба ответил, что решительно не знает и в субботу получит указания от государя.

Отсюда я поехал с визитом к м-м Редигер.

Я ушел от Редигера, когда у него появился граф Витте.

15 марта. Иван Григорьевич Щегловитов говорил, что на совещании 6-го марта у государя Извольский докладывал ноту германского правительства, где спрашивали наше окончательное отношение к балканским делам; на совещании была установлена невозможность для нас войны и решено было на ноту ответить уклончиво. Однако, германское правительство таким ответом не удовлетворилось и прислало на днях ультиматум, где требовало по поводу аннексии [1]) кате-

[1]) Боснии и Герцоговины. *Ред.*

горического „да“ или „нет“, предваряя, что ответ уклончивый будет признан равносильным „нет“, и что в случае „нет“ на Россию падет вся ответственность в дальнейшем. По поводу статьи сегодня в „Новом Времени“ „Мардохей“, направленной против Сухомлинова и его пристрастия к евреям, И. Г. рассказал, что когда Бродский был в Киеве арестован за убийство, то Сухомлинов телеграфировал, прося его выпустить.

Забыл упомянуть, что сегодня в высочайшем приказе помещено о назначении генерала Мышлаевского начальником Генерального Штаба и генерала Кондратьева—начальником Главного Штаба.

16 марта. А. Ф. Редигер рассказал: вчера к нему заезжал великий князь Сергей Михайлович узнать, как все произошло; А. Ф. Редигер ему, между прочим, высказал, что Сухомлинова, вероятно, хватит на год, а после этого государь, видя деловитого Мышлаевского, остановится на нем. Сергей Михайлович упомянул обо мне. А. Ф. ему ответил, что государь никогда обо мне не вспоминал в этом году и, вероятно, если я остался в стороне, то здесь надо искать влияния великого князя Николая Николаевича, который не любит меня, приписывая мне рескрипт от 26 июля [1]). Сергей Михайлович сказал, что осенью государь не раз говорил, что очень доволен мной. Затем А. Ф. Редигер сказал мне, когда он отдавал визит графу Витте, то встретил там Кривошеина, и что едва ли Сухомлинов поедет сам в Государственную Думу, он будет этого опасаться и вероятно свалит на меня.

19 марта. В Государственном Совете прошло представление о Морском Генеральном Штабе; граф Витте был правее правых.

21 марта. У меня вечером был А. И. Дубровин; между прочими рассказами—Пуришкевич получал и получает большие деньги от правительства; охранное отделение его не любит.

22 марта. Днем у меня был П. М. фон-Кауфман. Рассказывал—вчера Акимов докладывал государю, что в четверг Государственный Совет ограничил его власть, и просился быть уволенным от должности председателя. Граф Витте всех поразил в Государственном Совете своей речью и скорее даже напортил, чем помог правым. И. Д. Горемыкин проводит А. В. Кривошеина в премьеры, забыв, что он сын крещеного еврея и польки-католички. П. А. Столыпин со времени смерти Философова и ухода П. М. Кауфмана значительно ослабел, так как оба эти министра на своих докладах государю поддерживали Столыпина. Когда П. М. Кауфман был еще министром Народного Просвещения, к нему обратился

---

[1]) О расформировании Совета Обороны. *Ред.*

Ю. Карцев с просьбой передать ему „Московские Ведомости"; в ответном письме Карцеву П. М. Кауфман высказался, что раз манифест 17 октября есть, его надо держаться, и всякие нападки справа на дарованное государем новое устройство столь же революционны, как и нападки слева. Карцев распространил фотографии с этого письма и одна из них доставлена была государю.

23 марта. У меня в 5 час. был генерал П. Д. Паренсов. Кипит политическими событиями; кажется, поддерживает деятельное сношение с редакцией „Нового Времени". Рассказывал о приеме государем старика Суворина: государь, шутя, просил у него протекции в „Новом Времени", чтобы не бранили германского императора.

24 марта. К $2^1/_4$ час. поехал к военному министру присутствовать при докладах. Разговор начался с жалобы, что он совсем разорен, истратив 9 тыс. на квартиру начальника генерального Штаба и приплатив 900 руб. за доставку своих вещей из Киева. Сегодня государь дал повеление окончательно упразднить Совет Государственной Обороны. Я сказал, что это вопрос общегосударственный.

На докладе барона Остен-Сакена решения клались очень быстро. Новый начальник Главного Штаба [1]) получил заверение, что „все" одобряют его выбор, как лица без протекции, с трудоспособностью. Ему передано высочайшее повеление о назначении генерала Глазова [2]) членом Военного Совета и при этом сказано, что А. Ф. Редигер дал устройство Военному Совету, не согласное с видами его величества, ибо многих стариков, имевших право считать себя обеспеченными, неожиданно для них удалили. Во время доклада Остен-Сакена военный министр уходил к Мышлаевскому, а нам давал для прочтения номер еврейской газеты „Киевское Слово", где по поводу известной статьи Меньшикова в „Новом Времени" была похвала Сухомлинову; он этот номер возил читать сегодня государю.

26 марта. В. Н. Коковцев, увидя меня, спросил, чем я был болен, так как слухи ходили, что моя болезнь политическая. После заседания остался поговорить со мной. Во вторник, по его словам, он пытался представить Сухомлинову картину финансового отношения к Военному Министерству, но услышал, что „не будут давать денег, не будет и армии". В. Н. расстался со мной в настроении пессимистическом, говоря: „надо уходить".

5 апреля. Коковцев беседовал с Фредериксом, а потом сказал мне, что на финансовом совещании 3 марта Сухомли-

---

[1]) Генерал Н. Гр. Кондратьев, сын фельдфебеля, на что Сухомлинов и намекал. *Ред.*

[2]) Бывший министр Нар дного Просвещения. *Ред.*

нов произвел впечатление малого знакомства с делом, а Мышлаевский играл доминирующую роль.

7 апреля. К 9 час. в Совет Министров в Мариинском дворце. Председательствовал В. Н. Коковцев. Были споры с Тимирязевым [1]), защищавшим интересы промышленности и торговли и указывавшим на необходимость об'ективного отношения к евреям.

Поздно в Совет приехал министр иностранных дел и вызвал Коковцева. Оказалось, что мы признали независимость Болгарии, а что касается движения отряда нашего в Тавриз, то его велено приостановить. Еще сегодня днем, по возвращении Сухомлинова с Мышлаевским из Царского, они заехали к министру иностранных дел и там было решено послать отряд в Тавриз, о чем была послана наместнику телеграмма за подписью Коковцева, Извольского и Сухомлинова. По окончании заседания Совета Коковцев и наличные министры остались и, смеясь, передавали рассказ, что будто бы у Нарышкина собирались правые, торжествовали победу, наметили Штюрмера в председатели Совета Министров и будто Штюрмер об'явил, что оставит всех министров и об'явит либеральную программу—свободу печати и отмену исключительного положения.

8 апреля. Условились, что в Государственной Думе при рассмотрении интендантской сметы, я выступлю и полемизировать ни с кем не буду; Сухомлинов сказал мне, что государь ему запретил выступать в Государственной Думе.

9 апреля. Куманин [2]) говорил мне, что в Государственной Думе очень волнуются тем, что еще не утвержден законопроект о Морском Генеральном Штабе, слухами о возможности ухода Столыпина и о реакционном кабинете.

12 апреля. Я был у Щегловитовых—там говорили на животрепещущую тему о возможности ухода Столыпина.

14 апреля. Я говорил с Сухомлиновым по поводу его выступления в Государственной Думе в деле о контингенте новобранцев; он повторил мне то, что говорил и раньше, а именно, что государь воспретил ему выступать.

16 апреля. В конце первого часа заехал к Сухомлинову, чтобы переговорить с ним по поводу выступления завтра в Государственной Думе по вопросу о контингенте новобранцев. Он повторил мне, что государь указал ему не выступать, говоря: „что вам с ними спорить—вы мой министр". Говорил, что речью главного интенданта остались недовольны, находя ее слишком угодливой; неуместные выражения в ней „щуки". Сухомлинов, вообще, имеет в виду пригласить к себе Гучкова,

---

[1]) Министр Торговли. *Ред.*

[2]) Чиновник при министерск. павильоне Гос. Думы. *Ред.*

Крупенского и сказать им, чтобы в Думе поменьше говорили о военных недостатках, так как иначе иностранцы получают много ценных сведений из думских дебатов. Условились, что окончательно переговорим завтра.

17 апреля. Фредерикс, упомянув, что, по его мнению, Государственная Дума дана преждевременно, рассказал, что во время волнений (1905—6 г.г.) у него дважды была депутация из видных евреев Поляков, Гинзбург, которые просили доложить государю, что если он дарует евреям равноправие, то все беспорядки прекратятся.

18 апреля. С 9 час. вечера в Совете Министров рассуждали по поводу сенатора ф.-Вендриха, который, получая 10 т. р. и живя за границей, беспрестанно что-нибудь выпрашивает. У министра юстиции командировку на статистический конгресс в Париж; ему отвечают, что туда командируют начальника Статистического отдела ген. Золотарева; у министра путей сообщения—командировку для наблюдения за перевозкой германских войск на маневры и, кстати, как-то через министра императорского двора заявляет, что ему необходим бесплатный билет на европейские жел. дор. Когда ему отвечают, что по международной конвенции такие билеты дают только служащим по эксплоатации, он отвечает, что готов поступить на службу по эксплоатации. Министры имели озабоченный вид и переговаривались по поводу разных слухов.

20 апреля. Завтракал у Е. В. Богдановича. Старик обеспокоен слухами об упразднении крепостей, у него был кто-то из правых Государственного Совета, которые ему об этом сообщили. Сегодня правые что-то по этому поводу, по словам Е. В., предпринимают; также он говорил, что государь принимал члена Государственной Думы Маркова 2-го.

21 апреля. Кн. Даниил Черногорский выпросил у государя прибавку денежной субсидии, разные боевые материалы и просил даже постройку казарм и укреплений. За министра внутренних дел Курлов сообщил об интендантских хищениях вместе с евреями в Либаве, говоря, что расследование производит генерал Александров, который известен своей прикосновенностью к подрядным делам во Владивостоке и потому результатов нет.

На-днях была ошибка фельд'егеря: секретный пакет на имя товарища министра финансов Вебера завезли к еврею Берлину, где он был распечатан.

22 апреля. К 10 час. на доклад к военному министру. При вел. кн. Сергее Михайловиче отставной подполковник Чемерзин демонстрировал свою идею о пуле. Он изобрел способ делать твердый металл малого удельного веса и потому, какая бы ни была пуля, он может придать ей пробиваемость в два раза большую. Показывал надетый на нем легкий панцырь и

говорил, что, благодаря его панцырям, спасено уже 37 человек, но этот панцырь спасает только от тех пуль, которые разбиваются. Он продал панцырей на 3 милл. За его пулю Франция предлагает ему 2 милл. франков, Англия ведет с ним переговоры относительно его брони, которая в два раза легче обыкновенной. Просит помещения для широких опытов и верного человека.

Государь выразил желание произвести реформу Главного Управления казачьих войск, передав все хозяйство в войска и образовав штаб атамана всех казачьих войск. При этом Сухомлинов сказал, что в последнее время государь выражает тяготение к старине и упорство; так против введения касок конно-гренадерского типа в драгунские полки возражали вел. князья Михаил Николаевич и Дмитрий Константинович, но государь сказал: „Я так решил, так и будет".

По отношению к Государственной Думе государь высказался Сухомлинову: „Я создал Думу не для того, чтобы она мне указывала, а для того, чтобы советовала". Это мысль правых.

Я спрашивал Сухомлинова о заседании Совета Министров вчера. Он сказал, что оно продолжалось до $2^1/_2$ час. ночи, что положение очень серьезно, что все согласились уйти вместе со Столыпиным, что очень волновался Коковцев, что он докладывал, как произошло помимо Совета Министров утверждение продления должности главного начальника Кронштадта (в Совете Министров 4 апреля было постановлено отложить до приезда Столыпина, так как морской министр протестовал, но государь сказал, что это предоставлено ему, а деньги будет находить Совет Министров).

Сегодня в „Новом Времени" статья Паренсова о Совете Государственной Обороны и необходимости обсудить вопрос об упразднении крепостей. Расставаясь, я сказал Сухомлинову, что сегодня в 9 час. мы увидимся в Государственной Думе; он показал мне приглашение на обед в офицерскую кавалерийскую школу к 7 час. и сказал, что приедет в Государственную Думу после обеда.

Я приехал в Государственную Думу к 9 час., заявил Хомякову, что буду говорить после докладчика. Член Государственной Думы из крайних правых—Замысловский просил, по возможности, не сокращать его речь против евреев. Вскоре приехал военный министр и сел рядом со мной. На мою речь аплодировали в центре и справа. Крупенский говорил о военном налоге и против евреев и тоже просил не сокращать его речи. Хомяков и кн. Волконский [1]) просили сокращать побольше „этой гадости", разумея речи ораторов по еврейскому вопросу. Заседание продолжалось до $2^1/_2$ час ночи.

---

[1]) Тов. председателя Гос. Думы. *Ред.*

23 апреля. Коковцев рассказал, что на заявление Столыпина: „ваше величество хотите, повидимому, опираться на крайних правых, имея умеренный кабинет“, последовал ответ: „нет, я отлично знаю крайних правых“. Через Маркова 2-го был передан, однако, поклон фракции.

Видел, как перед завтраком гр. Витте подошел к Столыпину и тот ему ответил: „Я не придаю значения сплетням... но....“.

24 апреля. Д. Б. Нейдгард сказал, что П. А. Столыпин хотел говорить со мною по поводу упразднения крепостей; я ответил, что ничего сказать не могу, ибо этот вопрос прошел мимо меня. Некоторые сенаторы говорили, что они очень волнуются этим делом.

26 апреля. Вечером передали, что штаты Морского Генерального Штаба не утверждены и что вместе с тем Столыпин получил от государя письмо, в котором его просят остаться и что сегодня экстренно собирается Совет Министров. Я звонил после этого к Е. В. Богдановичу—он ничего не знал, но сказал, что у него сегодня был Сухомлинов, провел около $1^1/_2$ часа и имел разговор, который Е. В. хотел бы передать мне.

27 апреля. К 3 час. заехал к Е. В. Богдановичу. Вчера у него с Сухомлиновым шел разговор о крепостях и Сухомлинов его убедил в целесообразности их упразднения. Так как Богданович знал от члена Государственного Совета и сенаторов, что я не сочувствую этой идее, то он, дабы устранить какие-либо об этом слухи, сказал Сухомлинову, что однажды у него я „с большим тактом высказывался по этому вопросу ни за, ни против“. Сухомлинов ответил, что он давно знает и ценит Поливанова, но он, как теоретик, держится взглядов, от которых отказался бы, если бы знал новые взгляды (Сухомлинова) на оборону.

К 4 час. прибыл в Государственный Совет на закрытое заседание по контингенту новобранцев. Государственный секретарь Макаров прочел, что на законе о штатах Морского Генерального Штаба высочайше начертано: „Не утверждаю“. Правые торжествовали, но с постными лицами. По контингенту речей не было, но центром суждений явилось привлечение Финляндии к воинской повинности. Вопрос подняли правые (Дейтрих, Стишинский), возражали Сабуров и Гримм.

Я спрашивал потом Акимова, что можно пропустить в печать; он, между прочим, просил не пропускать речь Сабурова.

29 апреля. В 11 час. утра в Комиссию Государственной Обороны Государственной Думы. Об отпуске условного кредита в 9 милл. на сапоги и снаряжение. Здесь главный интендант Поляков вошел, по обыкновению, в излишние

об'яснения: что Гершельман просит отдавать работу союзу русского народа, что высокопоставленные лица хлопочут за дома трудолюбия, что министерство земледелия хлопочет за кустарей. Председатель Гучков спросил его: но кто же делает хорошие сапоги, что самое главное. По этому поводу Марков 2-й глупо говорил, что надо руководствоваться не купеческими взглядами, а государственными, и лучше находиться под влиянием лиц высокопоставленных, чем низко поставленных.

30 апреля. Зашел к военному министру и после нескольких слов он начал такой разговор, что „против меня ведут кампанию за упразднение крепостей и мне говорили, что и вы противник этой меры". Я ответил, что у меня действительно есть сомнения, и я имею право их иметь, ибо к обсуждению этого важного для военного ведомства вопроса меня не привлекали. Сухомлинов начал говорить, что все это отлично обсуждено, что он ездил на места, говорил с комендантами, крепости не лучше Петропавловской, мы должны отойти назад. Государь, когда ему был представлен доклад, просил его оставить, дабы кое с кем посоветоваться, а потом встретил Сухомлинова с радостным лицом и сказал, что советовался с вел. кн. Николаем Николаевичем и вполне присоединяется. Теперь Сухомлинов говорил государю, что есть противники, но государь сказал, что и он получает письма и даже анонимы, но легко их разбирает и остается при прежнем мнении.

В заключение Сухомлинов сказал, что германский и австрийский генеральный штаб очень встревожены нашими предположениями.

После Военного Совета я заехал к Коковцеву и завел речь о наилучшем способе получить назначение в Государственный Совет. На это В. Н. ответил, что через Акимова теперь не выгодно; он проводит разве тех, кто в союзе Михаила Архангела, и, кроме того, теперь зол, ибо получил указание назначать в неприсутствующие не иначе, как с согласия председателя Совета Министров; надо действовать через Петра Аркадьевича [1]), который ко мне расположен; в Царском Селе, повидимому, все шансы на успех; но лучше бы подождать, ибо Сухомлинов, вероятно, долго не продержится, а в Ново-Девичий монастырь [2]) попадать раньше времени не стоит.

6 мая. Во время богослужения я имел разговор с ген.-ад. Скалоном по поводу упразднения крепостей в Варшавском округе; он сказал мне, что, по получении первого о том из-

---

[1]) Столыпина.
[2]) Гос. Совет

вестия, он написал возражения военному министру, а теперь, представляясь государю, доложил, что, как Варшавский генерал-губернатор, он не может согласиться на упразднение крепостей; о том же он говорил и Столыпину.

8 мая. К 2 час. в заседание Государственного Совета стали собираться министры. Члены Государственного Совета, которые приехали, чтобы участвовать в рассмотрении поданного 33 членами Государственного Совета заявления об ином порядке выборов в члены Государственного Совета от Западного края.

Столыпин говорил о преемлемости законопроекта, но о необходимости рассмотреть его в комиссии; за говорил Нейдгард, против—кн. Оболенский. Поляки были взволнованы словами Столыпина, как о том мне сказал гр. Тышкевич. Во время речи кн. Оболенского, Коковцев рассказал мне прохождение службы этого последнего, что он близок с гр. Витте (а его брат „Котик" близок с графиней Витте) и что он составлял манифест 17 октября и потом вошел в кабинет Горемыкина в качестве обер-прокурора святейшего синода.

Заседание окончилось почти в 7 часов.

9 мая. В $10^3/_4$ утра приехал в Государственную Думу. Там меня ожидал член Государственной Думы Шульгин, с просьбой о смягчении участи отставного поручика 14 саперн. б-на Фоменко, по его мнению, невинно заподозренного охранным отделением в политической неблагонадежности.

11 мая. Имел длинный разговор с Палициным, он, конечно, против упразднения крепостей в царстве польском.

12 мая. Сегодня в „Разведчике" статья, написанная в стиле Сухомлинова, вышучивающая статью Паренсова в „Новом Времени" по поводу упразднения крепостей.

13 мая. К 10 час. утра на доклад к военному министру. Вчера он поздно возвратился из Совета Министров; на мое предложение заменять его—получил ответ, что Столыпин, в конце, выслав „канцелярию", приступает к политическим вопросам, видимо желая всех министров сплотить (для меня это не ново).

Три альбома с фотографическими снимками разных документов, указывающих на интендантские хищения в Москве, представлены сенатором Гариным государю.

На докладе вел. кн. Сергея Михайловича и ген. Кузьмина-Караваева барон Фредерикс сообщил высочайшее повеление о выдаче 25 т. руб. шт.-рот. л.-гв. Гусарского полка Скалону за изобретенную им лампочку под дуло огнестрельного оружия для стрельбы в темноте; откуда взять деньги?..

На докладе по Военно-Медицинской Академии обсуждалось как поступить с знаменитым проф. Скориченко (энцикл. медицины, а главное либеральное популярниченье), относи-

тельно которого военный министр имеет право предложить конференции оставить его по истечении срока; военный министр написал: „представляемым мне правом не воспользуюсь“.

По окончании докладов я прошел к Мышлаевскому: по его словам, он уже убедил Сухомлинова в необходимости пересмотреть вопрос о крепостях и испросил вчера у государя разрешение лично осмотреть крепости. По этой причине мы условились, что будем иметь разговор о мобилизации, дислокации и крепостях после его возвращения...

17 мая. Ехал во дворец и обратно с Вернандером. Он мне передал, что когда Сухомлинову представлялся ген. Махович—начальник инженеров Варшавского округа и когда Махович высказался против упразднения крепостей, то Сухомлинов протянул ему обе руки и сказал, что он очень рад это слышать.

20 мая. К $7^1/_2$ час. на обед к А. Н. Нарышкиной. Были граф и графиня Витте, проф. Мечников с супругой, обер-прокурор Лукьянов и еще какой-то профессор. После обеда говорил, главным образом, граф Витте о том, как после министра народного просвещения Глазова, Витте, с согласия государя, просил быть министром народного просвещения Таганцева. Тот расплакался и ушел; кн. Е. Трубецкого—тот отказался. Тогда взяли графа И. И. Толстого, которого считали черносотенным и к нему в товарищи Герасимова, которого кн. Мещерский называл черносотенным. Говорили о массонах—Витте считает, что таковые в России есть и сидят и на скамьях Государственного Совета, отвечая по деятельности „Священной дружине“ [1]). Дубровин получил около 800 тыс.; Пуришкевич получает деньги от министра внутренних дел. Перед обедом Витте сказал мне, что он прочитал книги Куропаткина [2]) и намерен опровергнуть ложь на него взводимую, в особой брошюре, которую будет просить через меня военного министра разослать всем тем, кому разосланы сочинения Куропаткина...

24 мая. К 2 час. в общее собрание государственного совета. Прежде всего рассматривалась смета морского министерства. Приехали министры члены государственного совета, по приказанию Столыпина, так как ожидалось, что будут, в согласии с государственным советом, голосовать против отпуска кредита на судостроение. А. Н. Шварц [3]) спросил

---

[1]) При воцарении Александра III для охраны его от покушений некоторыми представителями высшего общества и преимущественно гвардейской кавалерии была сформирована Священная дружина, о которой упоминает Витте. *Ред.*

[2]) Отчет о Японской войне. *Ред.*

[3]) Мин. народн. просвещ. *Ред.*

меня: „А вы один. Ваш министр ездит в совет министров со свитой“. Щегловитов также отнесся к Сухомлинову скептически, а Коковцев рассказывал о его незнании дел. Коковцев передал, что представление военного министра в Государственную Думу об отпуске кредитов на исторический музей так составлено, что в Государственной Думе затрудняются его рассматривать, так как там все уже предрешено с указанием на высочайшую волю; решено отложить рассмотрение до осени, а завтра Столыпин хотел пригласить к себе представителей влиятельных фракций и переговорить с ними. Сухотин [1]) в отчаянии. Граф Витте спрашивал меня, правда ли, что Сухомлинов уходит.

26 мая. На докладе Кондратьева выяснилось, что в 9 артиллерийской бригаде есть какие-то неблагополучия в политическом отношении, что озабочивает в виду Полтавских празднеств [2]).

27 мая. Кузьмин-Караваев представлял об‘яснения по поводу указания государственного контроля на невыгодный для казны контракт с Виккерсом и Максимом на пулеметы. Сухомлинов просил проект ответа дать ему, так как он сумеет вставить туда „яду“.

2 июня. Ген. Кондратьев говорил, что Гершельман оставил по себе в Москве много нехорошего.

7 июня. В перерыв ко мне подходил прибывший из Крыма А. Ф. Редигер и говорил, между прочим, что меня хочет видеть князь Андронников, чтобы предупредить, что против меня что-то замышляет Мышлаевский. Подходил ко мне также граф Витте и сказал, что его брошюра с возражениями Куропаткину написана, что там много неприятного для Куропаткина, и что он желает, чтобы она была разослана всем лицам, которые получили IV том его записок...

8 июня. К 2 час. в государственный совет. Было назначено только два дела: о выборах членов государственного совета от западных губерний и об утверждении росписи. Присутствовали: Столыпин, Коковцев, Кривошеин и Харитонов. Коковцев, идя со мной по лестнице, сказал: „А вашему министру не пришло в голову, что сегодня следовало бы быть ему, а не вам“. После речи докладчика Пихно, длинную речь произнес Коковцев. После нее перерыв, во время которого граф Витте спрашивал меня опять по поводу рассылки его брошюры. Сухотин сообщил по поводу исторического музея, что у него был разговор со Столыпиным; П. А. договорился с вождями фракций, что осенью они не откажут

---

[1]) Ему принадлежала идея образования Истор. музея. *Ред.*

[2]) В этом году праздновали 200-летний юбилей Полтавской победы. *Ред.*

в кредите и дадут его не на 4, а на 3 года, о чем П. А. и доложил уже государю. Член государственного совета Бутлеров заинтересовался в проведении железной дороги Томашев—Холм, которую Куропаткин хотел строить на счет казны, Палицин и хотел и не хотел строить, а Мышлаевский решительно не хочет строить; я советовал ему переговорить с военным министром, а он хочет говорить с Мышлаевским.

Столыпин, увидя меня, сказал: „Давно вас не видел". Я ответил: „да вот в совет министров меня более не пускают; мне сказали, что вы хотя и признаете меня подготовленным, но выразили, что желательно, чтобы военный министр ездил сам, как лицо, имеющее опытность и в военном и в гражданском отношении". Столыпин мне ответил: „Ничего подобного я не говорил".

10 июня. К 10 час. приехал к военному министру. Когда я вошел, военный министр сказал, что вчера из совета министров возвратился в $2^1/_2$ часа ночи и что там произошел скандал. Коковцев резко начал говорить против военного министра, что для него „закон не писан"; он, Сухомлинов, на это резко возразил, что „закон не писан только для дураков", а Забелин, выйдя из себя, просил оградить его от дерзостей министра финансов и принять во внимание, что начальник канцелярии военного министерства тоже особа...

18 июня. От 1 часа дня малый совет министров в Мариинском дворце; председательствовал В. Н. Коковцев. Он сказал мне, что в прошлый вторник ни одно дело военного министерства не прошло, что Столыпин сказал про Сухомлинова: „ничего он не понимает", что он, Коковцев, не подал руки Забелину.

21 июня. У Паренсовых был на-днях ген.-ад. Клейгельс, который передавал такой разговор с бар. Фредериксом. Клейгельс говорит, что у него еще много энергии, а он сидит без дела; на это бар. Фредерикс ему отвечает: „вот в том-то и дело, что у вас много энергии, а это теперь не требуется". Говорят, что очень нравится Кршивицкий [1]), потому что никогда не возбуждал никаких вопросов.

28 июля. Я спросил военного министра, когда он едет в отпуск; от ответил, что между 15 и 20 августа в Карлсбад на 2 месяца и просил меня заранее „если будут его топить, то помочь", на что я также шутя ответил, что мне нет расчета помогать.

После заседания Совета Министров Коковцев меня удержал, подвел к Столыпину и поднял опять разговор о хаотическом положении дел в Военном Министерстве. Остановились на том, что Столыпин будет иметь разговор с военным министром.

---

[1]) Командующий войсками одного из округов. *Ред.*

29 июля. Мышлаевский рассказал мне, что произошло во время моего отсутствия в смысле ухудшения отношений между военным министром и министром финансов; 2 июля военный министр подписал резкое письмо к Столыпину по поводу несогласия своего с толкованием в Совете Министров 96 ст. На этом остановились все сношения с министром финансов и начальник Генерального Штаба лишен возможности определить составлять ли ему мобилизационное расписание № 19 по новой организации армии или по старой, что зависит от вероятия получит или не получит кредит. Забелин начал возражать Мышлаевскому, что его работы могут идти вне зависимости от решения вопроса о кредитах. После довольно резких споров Мышлаевский выразил, что надо военному министру побывать у министра финансов и договориться, но непременно при моем участии, при чем мне должно быть дано поручение устроить это свидание. Военный министр из'явил на это согласие.

Я условился с Мышлаевским, что он мне доложит все предположения о новой организации армии.

1 августа. К 2-м часам приехал в Главный Штаб к начальнику Генерального Штаба Мышлаевскому для выслушания его доклада по реорганизации, крепостям и сосредоточении. Реорганизация не потребует постоянных расходов, но уже в 1910 году около 12 мил. единовременных, а затем и каждый из последующих годов потребует единовременных расходов на казармы, стрельбища, полигоны и т. п.

Крепости: Варшаву предположено видоизменить на левом берегу Вислы, а на правом и Зегрж упразднить; Ивангород, Оссовец, Новогеоргиевск и Брест усилить; сосредоточение отходит назад,—6 групп, в центре в 2 линии.

5 августа. Сухомлинов стал мне рассказывать, что он попал в „шантажное дело", вследствие ложных заявлений, сделанных мужем его будущей жены, Е. В. Бутович, Столыпину и в Синод, и что на будущей неделе Синод постановит окончательно решение, что он вчера докладывал об этом государю, который советовал ему не обращать внимания на все то, что пишут.

19 августа. Я заговорил с военным министром, что, признавая достоинства новой организации Военного Министерства, я опасался отношений с Мышлаевским, который при всех своих достоинствах „бурсак"; Сухомлинов согласился с тем, что Мышлаевский „бурсак" и прибавил, что его не любят в армии, ибо думают, что он подкапывается под него, Сухомлинова.

При этом он сказал, что ему говорили будто какой-то важный генерал распространяет невыгодные слухи о нем в заграничной прессе. Вчера государь показывал ему телеграмму,

полученную от Бутовича, где тот жалуется на Сухомлинова; телеграмма составлена в резких выражениях.

Я передал Сухомлинову полученное мною письмо от Департамента полиции, при котором приложена копия анонимного доноса, с указанием на заговор против государя в Крыму, при чем главная роль принадлежит „полку Думбадзе"; в письме прибавлено, что меры приняты. Я предложил Сухомлинову, что, если в следующее заседание Совета Министров поедет он сам, то, чтобы я тоже мог ехать, дабы переговорить с Коковцевым о финансовых делах; он сказал, что будет присылать мне дела, и я буду ездить с ними вместо начальников Главных Управлений.

20 августа. От $8^1/_2$ час. в Эртелевом переулке принимал кн. Андронникова, который ничего интересного мне не сообщил, кроме того, что Сухомлинов был у ген. Кеппена и тот меня очень хвалил, а вообще все более принимает манеры Хлестакова.

25 августа. Государь по словам Сухомлинова ожидал, что сегодня Лукьянов представит ему доклад по Синоду по делу о разводе Бутовичей, и не получив, сказал строго: „Я знаю, что я сделаю". Впоследствии Сухомлинов мне говорил, что Лукьянов вошел в Совет Министров „бледным", но я этого не заметил.

На Елагином прежде всего попросили в кабинет Столыпина и там министр финансов доложил о мерах, предпринятых правительством по случаю урожая, а сотрудник „России" Гурлянд (Гурьев) получил уже указание дать по этому поводу отчет в Осведомит. Бюро. Сухомлинов, поговорив со Столыпиным, уехал.

Из наших дел были назначены разногласия по сметам. Министр финансов сказал длинную речь о финансовом положении: доходы увеличиваются незначительно, экономии против прошлого года дало только Министерство Финансов, прочие просят больше прошлогоднего и шире всех пошло Министерство Военное, которое просит на 67 милл. больше. В конце заседания говорили, что временно управляющий ведомством императрицы Марии кн. Голицын поступил неправильно, испросив у его величества назначения сенатором некоего действ. статск. советника Сурина, только 4 года в чине действ. статск. советника, тогда как вообще принято, что даже для товарищей министров звания сенатора не испрашивают. После заседания Коковцев подвел меня к Столыпину и говорил, что требования военного министра немыслимы, и что роль моя теперь незавидна, на что Столыпин сказал: „что же Алексей Андреевич буфером теперь в Военном Министерстве".

1 сентября. Сухомлинов выразил мне предположение, что недавняя статья Меньшикова в „Новом Времени" против

него, Сухомлинова, инспирирована Мышлаевским, который нарочно поторопился уехать в отпуск, чтобы на него не подумали. Перед от'ездом он говорил Сухомлинову, что если ему (Сухомлинову) не разрешат свадьбы, то ему следует уйти и тогда „он тоже уйдет". По всей вероятности на Меньшикова он подействовал через своего ад'ютанта Харина, который мог здесь уделить и часть своих денежных средств. Когда государь ждал к себе Лукьянова, он, Лукьянов, был в Петергофе у принца Ольденбургского и там же был и Харин.

Негодование Сухомлинова на Мышлаевского, повидимому, очень велико и он находит, что даже в Управлении Генерального Штаба дело идет не гладко.

2 сентября. Сегодня Сухомлинов разговаривал с бароном Бринкеном [1]), успел ему сказать о своем недоверии к Мышлаевскому; бар. Бринкен будто бы ему ответил, что и вел. кн. уже раз высказывал удивление, что он доверяет Мышлаевскому.

9 сентября. Сухомлинов в антракте между докладами сам начал разговор о Мышлаевском и о своем недоверии к этому „Мазепе". Я спросил тогда, как же об'яснить молву о тесных отношениях между ними. На это получил такой приблизительно рассказ: „Когда я приехал в Петербург, все отношения здесь были для меня новы и, понятно, живя рядом с Мышлаевским, я не мог не видеть его знаний и работоспособности; мы работали рука об руку. Когда для меня неожиданно совершилось назначение меня военным министром, я в тот же день вечером сказал об этом Мышлаевскому, который тотчас спросил: „а кого вы возьмете начальником Генер. Штаба, я, пожалуй, за это дело бы взялся". — Так и состоялся выбор. В настоящее время он все мысли Сухомлинова выдает за свои. Ген. Курлов привез как-то перлюстрацию—письмо какой-то особы к м-м Безе (дама, с которой живет Мышлаевский, известная в Главном Штабе под почтительным названием „Анна Николаевна"), где говорится об успехах Мышлаевского в порядке выдвижения на пост военного министра и что-то на мой счет. Сухомлинов показывал это письмо Мышлаевскому и тот воспретил в Управлении Генерального Штаба представлять Сухомлинову какие бы то ни было перлюстрации.—К „Мазепе", таким образом, нет более доверия, тем более, что он всячески хотел отдалить от Сухомлинова меня. Теперь решено, что с ним служить нельзя, ему хотят дать 2 Кавказский корпус и с этою мыслею предстанут в Ливадии. Заменить его должен человек умный, знающий, представительный. Таким является св. е. в. кн.

---

[1]) Нач. Штаба войск гвардии и Петерб. Воен. Окр. *Ред.*

Енгалычев, которого государь очень любит. Если все это удостоится в Ливадии одобрения, то мне пришлют телеграмму „корпус занят".

Я узнал, что Сухомлинов пошел на резкий шаг. Была переписка с министром финансов о согласии его экономию от упразднения состоявших при Кавказском наместнике генералов обратить на расширение Военного Совета. Министр финансов согласия не дал и, вместо того, чтобы войти в Совет Министров по поводу разногласия, представлен всеподданнейший доклад с испрошением с кем угодно согласиться — с министром финансов или с военным министром.

12 сентября. Принял полк. Мезенцева, которому дал вновь командировку в Новочеркасск для доследования дела о беспорядках в Новочеркасской полиции и, кстати, для попытки найти в областной типографии черновик манифеста кадетской партии, который появился в 1905 г. за подписью войскового наказного атама кн. Одоевского-Маслова; из письма ко мне князя видно, что он подписи не делал, а манифест ему подсовывал Добрынин [1]).

14 сентября. В $5^1/_2$ ч. принимал кн. Андронникова, который передавал мне свою беседу с Сухомлиновым, провожая его на поезде до Любани. Беседа касалась уже известных отношений Сухомлинова к Мышлаевскому, при чем последний подозревается даже во вмешательстве в устройство брака с м-м Бутович, ибо через Харина и одного его родственника, синего кирасира, близкого с вел. кн. Ольгой Александровной, влияли на принц. Ольденбургских, а те на Лукьянова. Сухомлинов сказал будто бы Андронникову, что в Ливадии будет жаловаться на Коковцева по поводу его отношений к делу о расширении Военного Совета. Но высочайшая резолюция уже получена; на всеподданнейшем докладе от 8 сентября, составленном весьма предательски по отношению министра финансов и полученном здесь из Ливадии в субботу; государь согласился с военным министром.

15 сентября. В Совете рассматривалось письмо ст.-секретаря бар. Будберга к государю о необходимости относить все помилования от казней к имени государя, а для сего образовать при Совете Министров особое совещание, где рассматривать все приговоры и просьбы о помиловании и потом о помиловании представлять государю. Я доложил, что у нас есть две резолюции государя: одна, что утверждение приговора должно производиться не позже как через 48 час., а другая, что все вопросы о смягчении государю не представлять, а предоставлять это власти командующих войсками. В виду таких обстоятельств — отклонено. Из частных вопро-

---

[1]) Помощник наказного атамана. *Ред.*

сов: говорили, что дело об убийстве Герценштейна [1]) с привлечением доктора Дубровина надо оставить в Финляндии и не переносить в Россию. Приговорен к смертной казни член 1-й Государственной Думы Пьяных и из нынешней Думы идут ходатайства о смягчении. Щегловитов сказал мне, что надо принять меры для кассации нелепого приговора Кавказского окружного суда по делу Новороссийской республики.

16 сентября. Вчера вечером получил телеграмму от Сухомлинова, что он приедет в понедельник вечером и другую условную—о том, что испрошено согласие на предложение Мышлаевскому корпуса.

19 сентября. Вечером меня вызвал к телефону П. А. Столыпин и сказал, что имеет ко мне два дела: в Финляндии критическое положение, Сенат выходит в отставку и надо найти новых сенаторов; поэтому он пришлет мне список офицеров из финляндцев, с просьбой в течение недели дать сведения об их благонадежности.

21 сентября. Военный министр возвратился в Петербург и пригласил меня приехать в 9 час. вечера. Прежде всего он начал разговор о Мышлаевском, сказав, что государь не дал ему даже докончить доклада о причинах, по которым оставление его в должности начальника Генерального Штаба не желательно, а сказал, что и ему Мышлаевский несимпатичен. Тут же его величество изволил сказать несколько лестных слов о моей службе, прибавив: „вот это настоящий помощник, и какой порядочный человек". Всеподданнейший доклад и указ о назначении Мышлаевского командиром 2 Кавказск. арм. корп. был составлен в Ялте военным министром лично и был изложен в том смысле, что при несомненных дарованиях, усмотрен недостаток в строевом цензе и потому предоставляется для командования один из самых больших корпусов. При личной встрече военный министр хочет так и об'яснить это назначение Мышлаевскому, а если тот будет добиваться иных причин, то военный министр хочет привести ему под видом сплетен все те, по его сведениям, подкопы, которые Мышлаевский делал против него.

Затем военный министр сказал, что в последнее время испорчены деловые отношения с одним из его друзей в Вене и что он намерен недели через две уехать во Францию, чтобы там встретиться с этим другом; уедет неофициально, на что испросил разрешение государя, а равно и на передачу управления министерством мне. Государь, в предположении остаться в Крыму до декабря, пригласил его приехать еще раз с личными докладами. Что касается до замещения должности начальника генерального штаба, то Сухомлинов назвал государю

---

[1]) Видный член кадетской партии. *Ред.*

кн. Енгалычева, на что получил отрицательный ответ с указанием, что „это интриган"; тогда военный министр назвал св. е. в. г.-м. Гернгросса, на что последовало полное одобрение. Большие придворные были также обрадованы избранием Гернгросса.

22 сентября. К $8^1/_2$ час. приехал к военному министру, чтобы вместе ехать в совет министров; по пути в моторе, он сообщил, что Мышлаевский выехал из Парижа в Петербург, что ему будет тяжело говорить с ним, но, что это ему облегчается воспоминанием о том, как Мышлаевский старался восстановить его против меня.

В числе особых вопросов был поднятый Столыпиным, как реагировать на сегодняшнюю статью Меньшикова о Тимирязеве, следует ли написать опровержение или оштрафовать „Новое Время". Тимирязев просил не делать ни того ни другого, ибо непоследовательно это делать ради него, когда такие же нападки делались уже Меньшиковым и против других министров, в особенности против Извольского. Тем не менее надо достичь принципиально, чтобы министров не ругали, а „Новое Время" этим занимается специально. Решили не давать впредь „Новому Времени" казенных об'явлений. Тимирязев получил собственноручный рескрипт от государя, с благодарностью ему за его службу, как докладчика и министра, и с сожалением о его семейной утрате.

26 сентября. Вечером ко мне звонил В. Н. Коковцев, спрашивал по поводу ухода Мышлаевского и пригласил заехать к нему в понедельник вечером.

28 сентября. От 2 час. с докладами у военного министра. Он прочитал мне грубое письмо к нему Мышлаевского, написанное еще до назначения на Кавказ, по поводу распоряжения Сухомлинова изготовить стратегическую записку для совета министров. Он выразил, что редактировать записку может только он, начальник генерального штаба.

К 9 час. поехал к В. Н. Коковцеву. Сначала вдвоем в кабинете говорили о делах военного министерства, при чем В. Н. советовал мне принять более активное участие в делах, говоря, что это и мнение П. А. Столыпина. Потом перешли в столовую и там пили чай.

29 сентября. К $2^1/_2$ час. к военному министру. Ген. Салтанов представил результат работ частного присутствия по Мукдену, где неблагоприятно выставлена роль бар. Каульбарса, не выполнявшего приказаний Куропаткина. Военный министр приказал представить всеподданнейший доклад об увольнении бар. Каульбарса от службы.—Вечером у меня был А. И. Гучков, говорили о новых предположениях по военному министерству.

30 сентября. На докладе Главного Интенданта $^3/_4$ часа пошло на разговоры о недовольстве командующего войсками Киевского Округа [1]) и в особенности начальником окружного штаба ген. Алексеевым, который не оправдывает своей репутации талантливого работника; говорили также о неудовлетворительности старших начальников и о том, что государь очень мягок с ними, опасаясь обидеть.

Председатель совета министров заявил, что государь интересуется предложением некоего Костовича, изобретшего уже лет 15 тому назад дирижабль, который скопирован Цеппелином; председатель совета министров просил меня образовать междуведомственную комиссию для ознакомления с изобретением Костовича.

5 октября. В $7^1/_4$ час. выехал к военному министру и с ним вместе на Елагин к П. А. Столыпину для совещания по финляндским делам. Совещание началось с доклада директора департамента полиции об имеющихся агентурных сведениях о приготовлении к войне, председатель совета министров прочитал некоторые места из записки ген.-ад. Шипова о военном значении различных пунктов в Финляндии. После этого петербургское начальство сделало доклад о своих мероприятиях. Войска в Финляндии знают все, что им следует на случай беспорядков; в случае восстания гвардейская стрелковая бригада с артиллерийским дивизионом едет на Ревель и там ее перевозят на военных транспортах в Гельсингфорсе, а 2-я гвардейская пехотная дивизия с 1 и 2 бригадой 1 гвардейской кавалерийской дивизии идет к Выборгу и становятся заслоном со стороны Петербурга, пока не придут мобилизованные 1 и 18 корпуса; эти два корпуса при содействии минных отрядов овладевают страной. Со стороны директора департамента полиции было высказано соображение, что мобилизовать 1 и 18 корпус значит наполнить их „товарищами" (из района Петербурга) и, кроме того, не следует ослаблять гарнизона Петербурга, где несомненно, в случае мятежа в Финляндии, можно ожидать революционных выступлений. Столыпин, военный министр Газенкампф пришли к убеждению, что войска надо направлять не мобилизованными, так как при подавлении восстания нужна быстрота, а мобилизация кончается на 20 день. Вступлению войск должно предшествовать об'явление Финляндии на военном положении.

9 октября. К $11^1/_2$ час. прибыл на совещание по финляндским делам в окружной штаб. Выяснилось, что предположения, принятые в заседании 5 октября, требуют поправки, главным образом, в смысле необходимости отделить военное

---

[1]) Ген.-ад'ютант Иванов, на войне главнокомандующий юго-западным фронтом. *Ред.*

положение от мобилизации. С об'явлением военного положения, вместо 2-й гвардейской дивизии послать 37-ю пехотную дивизию, а также, кроме гвардейской стрелковой бригады, еще немобилизованный 16 корпус. Если затем выяснится, что восстание разгорается, то об'явить 1-ю частную мобилизацию (кроме 37 пехотной дивизии), не производя призыва запасных в Петербургском, Петергофском и Царскосельском уездах.

В 9 час. вечера ко мне прибыл прибывший из Новочеркасска полковник Мезенцев, который привез очень ценные данныя для установления принадлежности младшего помощника наказного атамана И. М. Добрынина к кадетской партии.

10 октября. К $10^1/_2$ час. в окружной штаб на совещание при участии вел. кн. Николая Николаевича. Е. и. выс. заявил, что прибыл получить мои приказания и усадил на председательское место; я доложил, что было решено 5 октября, какие невыгоды и предложил новую комбинацию, о которой условились вчера. Вел. кн., выслушав доклад, сказал, что подписывается обеими руками под ним и пожелал обсуждения в совещании под председательством Столыпина и при участии морского министра. Я по телефону в окружном штабе говорил со Столыпиным, доложив, что вел. кн. из'являет согласие приехать сегодня вечером на Елагин, но он сказал, что сам приедет к вел. кн. и условились, что в $8^1/_2$ час. в окружном штабе.

К $1^1/_2$ час. прибыл на молебен в государственную думу; прибыли: Столыпин, Харитонов, Щегловитов, Лукьянов, Воеводский, Тимирязев. Крупенский во время молебна подходил ко мне и сказал: „это очень мило, что кабинет приехал". Так как в 2 часа было назначено молебствие в государственном совете, то, по окончании здесь молебствия, спешно двинулись из Екатерининского зала; там запели „боже, царя храни" и Лукьянов сострил: „с первыми звуками народного гимна правительство демонстративно удалилось".

К $8^1/_2$ час. в окружном штабе. По прибытии Столыпина на совещание в присутствии вел. кн. главнокомандующего, начальник окружного штаба доложил сведения о военной подготовке в Финляндии, а директор департамента полиции их дополнил и прибавил, что 5 октября в Гельсингфорсе произошло собрание бывших кадет финляндского корпуса, нечто в роде штаба „войны" и там решено пока восстания не поднимать, но выступить с террористическими действиями. 15 октября—срок, которому у них придано какое-то важное значение.

После этого я доложил новый план. Столыпин его одобрил, но настаивал на усилении теперь же войск в Финляндии, на что вел. кн. указал, что до об'явления военного положения их негде разместить. Потом морской министр и начальник

морского штаба доложили о своих приготовлениях. Условились, что 12 октября я и морской министр пошлем всеподданнейшие записки, а, по возвращении их от государя, обменяемся копиями. По окончании заседания вел. кн. отозвал меня в кабинет и просил при всеподданнейшей записке доложить его величеству, что вел. кн. предлагает, если политическая обстановка позволит после 20 октября прибыть в Ливадию для личного доклада.

13 октября. К 2 час. на Елагин в совет министров; там от П. А. Харитонова узнал, что сегодня при встрече В. Н. Коковцевым графа Ито, прибывшего из Кореи для встречи с ним, Ито был убит корейцами, мстившими за свою страну. В кабинете Столыпин говорит, что все на случай беспорядков в Финляндии подготовляется, но восстания, вероятно, не будет, так как финляндцы остановились на другом способе действий. В кассу революционеров влито 2 мил. марок или 800 тыс. руб. на террористические акты. Столыпин и другие выражали опасение за поездку государя.

15 октября. В $2^1/_2$ час. доклад начальника генерального штаба по персидским делам, ввиду сегодняшнего вечернего совещания. К 9 часам вечера на Елагин остров, к Столыпину. Решили отозвать наш отряд из Казвина и перевести его в Энзели.

20 октября Около 6 час. ко мне под предлогом экстренной надобности проник кн. Андронников, который, говоря, что сегодня приезжает военный министр, заявил, что он считает себя обязанным немедленно предупредить его, что против него готовятся новые интриги со стороны Мышлаевского и других.

Столыпин сказал, что в государственной думе очень подозрительно относятся к военному министерству, опасаясь, что оно будет злоупотреблять 96 ст.

3 ноября. Столыпин сказал, что в государственной думе поднимают вопрос о неправильной раздаче нефтеносных участков лицам, близким к государю, в том числе товарищу главноуправляющего собственною е. в. канцеляриею Мамонтову и, что государь повелел более ему ходатайств о даровании таких участков не представлять.

Затем Столыпин ознакомил с положением дел в Финляндии. Сейм предполагал отклонить военное вознаграждение, после чего будет распущен, но им хотелось бы (слово неразобрано) и потому вопрос о военном вознаграждении они хотели не решать сейчас, а передать в комиссию. Комиссия Харитонова об издании законов, вероятно, не придет ни к каким соглашениям. Совету министров придется взять на себя составление законопроекта, который, по новому порядку, внести в сейм, а затем, с заключением сейма, в государствен-

ную думу. Это и будет самая интересная минута, когда можно ожидать всего, но ведомства Военное, Морское, Путей Сообщения, Почт и Телеграфов и Жандармское уже готовятся; могут быть и террористические выступления.

Если что-нибудь произойдет крупное, резкое, будет присоединена к России Выборгская губерния.

11 ноября. Вчера Зотимов [1]), под большим секретом, передал мне, что развод m-me Бутович состоялся и что свадьба состоится совершенно скромно на этой же неделе. Сегодня было заметно, что дело к этому близко; за занавесью кабинета во время доклада раздался женский голос, призывавший Владимира Александровича, затем по телефону был разговор с „владыкой", затем Зотимов появлялся и таинственно звал вниз.

После завтрака доклад шел весьма поспешно, ибо докладчики предупреждались, „что времени совсем нет", а меня, при прощании, просил извинить за рассеянность, но „в жизни бывают дни, когда трудно сосредоточиться".

12 ноября. Член государственной думы Бобянский не преминул возбуждать „кадетские" вопросы: предполагается ли ослабить деятельность военно-окружных судов, не имеет ли в виду военное министерство упразднить казачество и внести там общую воинскую повинность.

13 ноября. К $11^1/_2$ час. с ген. Гернгроссом поехали к П. А. Столыпину. Будучи приглашен в кабинет, застал там В. Н. Коковцева, который поздравил меня со свадьбой [2]). И В. Н. и П. А. высказали сожаление об уходе Мышлаевского: В. Н. назвал его „талантливым", а П. А.—„у него была ligne de conduite". Сомнения относительно Гернгросса: П. А. „хотя говорят, что джентльмен", В. Н.—„попал потому, что из конной гвардии".

У Столыпина был митрополит Антоний. Говорил, что военный министр женился, дабы спокойно работать; но каково будет положение синода, если все министры, дабы спокойно работать, пожелают иметь по чужой жене.

В совещании обсуждали телеграмму наместника [3]), где высказывалось предположение о действиях отряда полковника Аверьянова из Ардабиля через горы против зимовок шахсевян. Извольский высказал, что неудачный исход такого похода произведет чрезвычайно тяжелое впечатление; я признал эти экспедиции в горы зимой, без достаточного снаряжения, рискованными. Столыпин был недоволен таким взглядом, ему хотелось разгрома шахсевян и он говорил, что у нас нет

---

[1]) Приближенный секретарь Сухомлинова. *Ред.*
[2]) В этот день сотоялась свадьба Сухомлинова. *Ред.*
[3]) На Кавказе. *Ред.*

решительности, „ходили же зимой при Суворове“. После долгих прений П. А. сказал, что пусть в ответной телеграмме будет наместнику сказано, что военные авторитеты признают его план „неосуществимым“ и чтобы телеграмму составил я.

17 ноября. К 11 ч. 30 м. у. я приехал в Государственную Думу в совещание докладчиков по сметам Военного Министерства для доклада об отпуске кредита на переорганизацию армии. Докладчиком — Савич. Гучков предложил мне дать общую картину переустройства армии, что я и изложил. Затем начался разбор расходов. В 1 ч. Гучков просил сделать перерыв и мы сошли вниз завтракать. После перерыва заседание продолжалось под председательством Хвощинского. Когда, затем, окончив доклад, мы спустились вниз, навстречу бежал Крупенский и кричал: „все кончено, Уваров ранен в лопатку, ни полиция, ни репортеры не знали, никого не было“. Нельзя было не подивиться хладнокровию Гучкова: председательствовал, предлагал вопросы, показался даже в столовой, и все это перед заранее назначенной дуэлью.

В Совете Министров „без канцелярии“ шла речь по поводу запроса в Государственную Думу о правилах 24 августа по 96 ст. Можно ожидать скандала, вспомнят эпизод весной. Что делать правительству? Отсутствовать или молчать—скажут: правительство будирует, говорить — нет содержания для речи. Остановились на том, что правительство будет присутствовать и председатель Совета Министров будет говорить.

Столыпин говорил по этому поводу с государем и е. вел. предоставил ему, поставив лишь условием, чтобы военный министр не говорил. Есть слухи, что в Государственной Думе готовят запрос военному министру об эмеритуре. Говорили по поводу запроса министру юстиции и военному министру относительно стрельбы часовых в тюрьмах по заключенным (известно ли министру юстиции о существовании драконовских уставов), что ответить надо, что устав не подлежит обсуждению.

21 ноября. К 2 час. я прибыл в Комиссию Государственной Обороны Государственной Думы, где было назначено рассмотрение кредита на переорганизацию армии.

Гучков заявил, что цифры проверены и не возбуждают сомнений, а меня попросил изложить общий план реформы, что я и сделал; потом давал частные раз'яснения. В докладе комиссии за этот день выражено: „Комиссия полагает, что испрашиваемые суммы должны быть отпущены, тем более, что ни одно из мероприятий военного и морского министерства, бывших предметом рассмотрения в комиссии за все время ее деятельности, не имело столь крупного значения в деле развития и усиления нашей военной мощи“.

28 ноября. К 9 час. в Совет Министров. Председатель об'явил, что заседание должно почитаться тайным; канцелярии не было. Началось с длинной речи Извольского. Япония еще в 1898 г. предлагала письменно отказаться от прав на Сев. и Южн. Манджурии, лишь бы признали ее историческое право на Корею; Извольский, который был тогда послом, ответил, что Корея должна сделаться нашей Бухарой. Военный агент полк. Ванновский отказывал Извольскому во всяких сведениях об японской армии и не давал таковых в Петербург, так что послали туда за сведениями полк. Адабажа и тот выписывал их у французского военного агента Корвизара. Сам же Ванновский утверждал, что при всяком значительном усилии японских солдат, у них делается болезнь—опухоль языка. В июне 1903 г. послали на Дальний Восток одну бригаду и эта жалкая демонстрация, по мысли Безобразова, сыграла роковую роль в смысле приближения войны. После Портсмутского мира в Японии бунт. Переговоры с Японией в дополнение этого договора шли туго и Мотоно сказал, что они пойдут легче, если Россия вступит с Японией в политическое соглашение. Япония имеет интересы в другом направлении и севером она уже насыщена. Русско-японская конвенция 17 июля 1907 года имеет секретные статьи, разграничивающие наши интересы в Манджурии и Монголии чертой, которая при некоторых обстоятельствах в будущем может сделаться нашей государственной границей. Япония рассчитывает иметь свою долю в Китае, в этой аморфной массе; ведь на Дальнем Востоке только Япония и Россия имеют интересы. Япония начала готовиться не теперь, а тотчас после войны. Извольский имел визит американского посла Рокфельда, который высказал ему мысль „о торговой нейтрализации" сети Манджурск. жел. дор., о политике там „открытых дверей". Вслед за ним у него был бар. Мотоно, перед своим от'ездом в Японию, который упоминал, что об'ект Японии—Китай, и выразил готовность войти в обсуждение предложений для более тесных отношений. Извольский изложил об этих двух посещениях в записке государю и е. вел. положил резолюцию, указывающую на необходимость более тесных отношений с Японией. В газете, принадлежащей Мотоно, появились статьи о том, что Япония к северу не стремится. Япония не может колонизировать ни севера, ни тропического юга. Эмиграция из Японии ничтожна, и в Корее теперь не более 75 т. японцев.

Министр финансов присоединился к суждениям министра иностранных дел и назвал Китай „горой песку", где тонет все. Кн. Ито, устроитель Японии, вез несомненно дружеские предложения. В короткой беседе в вагоне с Коковцевым он сказал, что смотрит на их встречу не как на случайную; он

„старик и потому верит, что то, что кажется нам иногда случаем, на самом деле бывает велением верховной судьбы". Накануне он говорил встречавшим его лицам, что „этому прекрасному вагону суждено быть хранителем великих мыслей". Поэтому министр финансов за сближение с Японией. Было уже поздно и Совет решил отложить продолжение совещания до понедельника.

30 ноября. К 10 ч. утра поехал к военному министру на доклад. Говорил о вчерашней статье в „Голосе Правды" [1]). Уже вчера вечером на рауте у Столыпина военный министр выразил ему свое предположение, что дать заметку мог присутствовавший вчера (на заседании) Плансон, который держится противоположных взглядов нежели Извольский. Кроме того, „Голос Правды", находящийся в руках Ген. Штаба полк. Снесарева, тянет в сторону Германии; были даже сведения, что эта газета субсидируется Германией. Поэтому Гернгроссу предложено ознакомиться с этим делом и, буде нужно, отстранить Снесарева из управления. Во всяком случае решили, что сегодня ни я, ни Гернгросс не поедут, а поедет в Совет только военный министр, дабы там не стать в положение стесняющих лишних людей среди министров.

1 декабря. Военный министр передал мне, что вчерашнее заседание Совета Министров было бурное, Извольский говорил, что нам нельзя ничего предпринимать на Дальнем Востоке; все будто бы, а в особенности, Кривошеин и Рухлов [2]), очень нападали на В. Н. Коковцева.

К 9 ч. в. Совет Министров; увидев В. Н., я спросил, что было вчера, но он ответил, что никаких нападков на него не было. Началось заседание с разбора финляндских дел в присутствии генерал-губернатора Зейна. Особенно долго обсуждался вопрос, возбужденный министром иностранных дел относительно блокады финляндских берегов, в случае восстания. Министр иностранных дел, об'ясняя, что „блокада" применяется только к воюющей стороне, а Финляндия таковой не может быть признана, заявил, что принудительные действия против иностранных судов могут вызвать громадные иски, и потому необходимо выработать специальное обращение к державам.

5 декабря. Вечером к председателю Совета Министров на совещание по отпуску кредитов на Владивосток. Собрались, кроме министров, некоторые члены Государственной Думы. Министр иностранных дел сделал характеристику нашего политического положения на Дальнем Востоке; военный ми-

---

[1]) О соглашении с Японией. *Ред.*
[2]) Министр путей сообщения. *Ред.*

нистр доложил, что надо сделать во Владивостоке, морской министр добавил, что к 98 мил., о которых ходатайствует военное министерство, надо добавить еще около 60 мил. на усиление морских средств во Владивостоке. Министр финансов передал свои впечатления о неподготовленности крепости Владивосток и о том, что военное министерство может почерпнуть средства для этого из неизрасходованных 85 мил. на запасы; я ответил, что из неизрасходованных около 80 м. и что из них свободных немного. Министр финансов был довольно несдержан, говорил, что амурская флотилия не нужна, что на нее напрасно израсходовали 18 м. и что Военному Министерству 50 м. на запасы не нужны. Члены Государственной Думы были видимо озадачены расходом на Владивосток в 98 м., а, главное, что за этим стоит еще расход в $^1/_2$ миллиарда на остальные крепости. Все согласились, однако, на том, что 9 мил. нужны на приступ к работам во Владивостоке. Тем не менее члены Думы не удовлетворились сделанными об'яснениями и просили представить им об'яснения более подробные впоследствии.

7 декабря. Вчера в Вильно покушение на ген. Гершельмана, при чем вместо него ранен другой.

Меня вызывали к телефону: 1) военный министр и сообщал, что от кн. Мещерского (Гражданин) им получено письмо, где тот спрашивает, правда ли, что военный министр разрешил всем военным записываться в клуб националистов и что на открытии клуба присутствовал *я*; 2) председатель Совета Министров говорил, что совещание 5 декабря оставило в членах Государственной Думы неблагоприятное воспоминание о неподготовленности Военного Министерства и что это впечатление надо изгладить; просил меня принять участие в этом деле, то-есть в ассигновании кредитов на Владивосток.

14 декабря. К 9 час. веч. в совещание у председателя Совета Министров для обсуждения программ судостроительной и крепостной. Сущность программы Морского Министерства: создать на Балтийском море цельную эскадру, которая могла бы действовать наступательно, когда Германия ведет войну на два фронта, и оборонительно на линии укреплений Ревель—Паркалауд, когда неприятельский флот сильнее; для этого надо построить 8 линейных кораблей с соответствующим количеством крейсеров и подсобных судов.

Министр финансов выразил, что доклад не убедителен, что не доказано, почему для заграждения Финского залива надо именно 8 кораблей. Начальник Морского Генерального Штаба вице-адмирал Эбергард довольно настойчиво возражал министру финансов, чем вызвал его неудовольствие. В заключение министр финансов заявил, что морская и сухопутная программы требуют 1.500 мил. руб. на 10 лет или 150 мил.

в год, что при других надобностях государства немыслимо. Председатель Совета Министров резюмировал так:

Морскому Министерству надо сделать более всего на Балтийском море, поддерживать флот на Черном море и кое-что сделать и для Тихого океана. На Балтийском море надо подготовить сначала оборону на линии Кронштадта, затем на линии Гохланда и затем уже на линии Ревель—Паркалауд; соответственно и Военное Министерство должно уменьшить свои требования на приморские крепости, выдвинув и из сухопутных в первую очередь наиболее необходимые. Министр иностранных дел поддерживал мысль о необходимости цельной эскадры на Балтийском море. Остановились на мысли так переработать программы, чтобы с 1911 года давать по 40 мил. на флот и по 50 мил. на военное ведомство, включая сюда и запасы.

16 декабря. Надо было готовиться к вечернему заседанию Государственной Думы, где в закрытом заседании три дела по Военному Министерству: 1) об отпуске 10.741.000 руб. на переорганизацию армии, 2) об отпуске 73.000 руб. на дальнейшее сформирование пулеметных команд, 3) переданное из Государственного Совета об учебных сборах ратников в Приамурском Округе.

К $8^1/_2$ час. вечера прибыл в Государственную Думу военный министр и я; Гучков пришел в министерский павильон предупредить, что косвенные возражения могут быть только со стороны Бобянского, который опасается отвода войск с западной границы на восток.

После докладчика Гучкова, говорил я, меня слушали с большим вниманием, а аплодировали правые и центр.

17 декабря. К $8^1/_2$ час. вечера у Крупенского собрались: я, Гернгросс и Данилов; из членов Государственной Думы были Гучков, Звегинцев, Крупенский, граф Бобринский, Безак.

Я представил перспективу работы по крепостям вообще, главные мероприятия на Дальнем Востоке и затем перешел к Владивостоку, указав, что надо сделать вообще и что в ближайшие три года. Пришлось также остановиться более подробно и на Кронштадте.

С Гучковым условились так: после праздников, примерно 22 января, в Комиссии Государственной обороны я дам об'яснения по Владивостоку и Кронштадту и буду просить из кредитов, ассигнованные на запасы в 1908, 1909 и 1910 г.г., взять в 1910 году на Владивосток 9.000.000 руб. и на Кронштадт 5.000.000 руб.

Последнее относительно Кронштадта было предложение Гучкова, так как отнести этот расход на остатки, как предполагалось на совещании у министра финансов до его поездки на Дальний Восток, Гучков не признал удобным. Сумму же

на запасы в 1910 году, в 50.000.000 руб., он обещал не сокращать.

Гучков спрашивал, почему вчера военный министр не воспользовался случаем выступить перед Государственной Думой в такой обстановке, где единогласное согласие было бы обеспечено; я ответил шутливым вопросом, а разве в Государственной Думе недовольны тем, что выступал я. На это получил любезный ответ, что мне очень верят.

1910 год.

15 января. Утром ко мне позвонил в телефон военный министр и пригласил приехать к нему около 11 час. утра. Из разговора я, между прочим, убедился, что в Совете Министров опять произошло столкновение между военным министром и В. Н. Коковцевым, по поводу которого В. А. Сухомлинов писал полуофициальное письмо Столыпину, высказав, „что он с тяжелым чувством оставил заседание Совета Министров и затрудняется бывать в нем лично, коль скоро министр финансов позволяет себе резкие выходки против военного министра".

16 января. К 2 час. прибыл в Государственный Совет, где в общем собрании было назначено к слушанию, между прочим, дело об учреждении центральной для Военного Министерства лаборатории по Главному Артиллерийскому Управлению. А. Ф. Редигер предупредил меня, что могут быть разговоры по поводу лаборатории. И, действительно, меньшинство финансовой комиссии, в том числе Дурново, Дубасов, Зиновьев и другие подали особое мнение, где высказали, что лаборатория должна быть не общая для всех ведомств Военного Министерства, как предложила Государственная Дума и как после этого решил Военный Совет, а лишь для артиллерийского ведомства, как о том ходатайствовало Военное Министерство в первоначальном представлении в Государственную Думу. Я доложил председателю Государственного Совета, что обсуждение мнения меньшинства идет в разрез с 96 ст. основ. зак. и с суждениями Государственного Совета о штатах Морского Генерального Штаба. М. Г. Акимов предложил мне пойти и „уговорить" Зиновьева не выступать. Я уговаривал, но безуспешно, ибо Зиновьев ответил мне, что Военный Совет перерешил дело под влиянием Государственной Думы и он „выведет это на свежую воду". Когда я доложил об этом Акимову, он сделал перерыв, в течение которого собирал партию для переговоров, указав им, „что военный министр не будет молчать и скажет, что изменение закона по существу является нарушением 96 ст.". Во время перерыва я говорил на ту же тему с Рербергом, Гончаровым, Кобылинским и они жаловались на упрямство Зиновьева.

После перерыва оказалось, что меньшинство, подавшее особое мнение, от него отказывается, а потому и мне выступать не было надобности, но вступил с мнением меньшинства Крестовников и получил от председателя реприманд. В газете „Речь“ все это на другой день было отмечено.

В закрытом заседании докладчиком был А. Ф. Редигер и, он тоненьким голоском ответил с места, что к докладу комиссии не имеет никаких добавлений. Я решил, что при таких условиях не стоит выходить на трибуну с изложением основ переустройства.

После заседания ко мне подходил Ф. Ф. Палицин и говорил, что сегодня исторический день, но что он в ужасе от той стремительности, с которой Военное Министерство намерено провести реформы.

19 января. На поезде 10 ч. 10 м. у. по Царской ветке выехал в Царское Село. В 11 час. у. с несколькими минутами дежурный камердинер Ратцих (он был дядькой, когда государь был наследником) пригласил в кабинет. Государь стоял у окна в рубашке Л.-Гв. 4 стр. имп. фам. батальона и, обратившись ко мне, спросил, почему я в парадной форме, на что я ответил, что должен благодарить за пожалование мне ордена св. Владимира 2 степени. Затем е. в. сказал: „Я давно вас не видел, кажется со времени поездки на Дон, которая дала благоприятные результаты“. На мой утвердительный ответ о благоприятных результатах, достигнутых недавно при распределении казачьих земель, государь ответил: „Да я знаю, хотя только из статей Краснова [1]), который пишет красно“. Затем я упомянул об увольнении в отставку младшего помощника наказного атамана д. ст. сов. Добрынина, сказал, что это была суровая мера, за которую войсковой наказной атаман, надеюсь, на меня не в претензии. Государь: „Конечно, доводы были так убедительны, что иначе поступить было нельзя; атаман будет у меня, вероятно завтра вечером“.— К докладу было мало; между прочим, приговор о непривлечении к ответственности бывшего коменданта крепости Кушка ген. Прасолова и начальника артиллерии Турк. округа к ответственности за беспорядки в хозяйстве крепостной артиллерии; государю угодно было вспомнить „о героической обороне Кушки от революции в 1905 году“ и, что он видел ген. Прасолова в Крыму: он пишет историю присоединения Мерва (тут государь вспомнил, что сегодня представляется ему депутация от Мерва и, что ему предстоит отставка, по случаю упразднения крепости Керчь, где он теперь комендантом). Когда я кончил доклад, государь сказал: „Так скоро,

---

[1]) Постоянный сотрудник „Русского Инвалида“. В Гражданскую войну короткое время был атаманом донских казаков. *Ред.*

тогда можно поговорить“ и с этими словами показал мне фотографии его вел. в форме и снаряжении нижнего чина, снятые императрицей и увеличенные. Я доложил, что вчера прошел в Государственном Совете закон об отпуске средств на переорганизацию армии и что нами были приняты меры, чтобы скорее провести этот закон, дабы приступить к расквартированию войск, особенно артиллерии, на что государь сказал: „Да, это меня заботит“. Хотя в первое время не все части станут хорошо, но географически их положение будет лучше, большие города восточной России увидят у себя войска и привыкнут к ним. Государь сказал, что его заботят хорошие полки, которые стоят в разных „штабах“; молодым офицерам все же нужно общество. Я высказал, что полки, стоящие в „медвежьих углах“ можно бы менять стоянками с полками, лучше расположенными, что государь одобрил.

В 9 час. в Совет Министров. Без „канцелярии“ говорили об обыске у Мануйлова—агента гр. Витте, при чем найдены важные документы.

20 января. В $9^1/_2$ час. в первое собрание Комитета по заселению Дальнего Востока, под председательством Столыпина, при чем комитет на сей раз состоял из Совета Министров. Обсуждалась программа и некоторые частные вопросы.

23 января. Делал визиты. Начал с делового визита В. Н. Коковцеву, который пригласил меня к 2 часам, чтобы выяснить в разговоре, что происходило в мое отсутствие в Совете Министров; оказывается, что В. Н. отнюдь ничего резкого не говорил против главного интенданта, как мне об этом передал военный министр 15 ноября, а сказал только, что недавно в комиссии Вебера сидели от Канц. Воен. Министерства „идиоты из счетного отдела“.

30 января. В 11 час. утра я был у вел. кн. Николая Михайловича, чтобы поздравить его по случаю назначения, вместо Половцева, вице-председателем императорского Исторического Общества. Вел. кн. говорил о массонах, о том, что 19 русских (М. Ковалевский, Кедрин) состоят членами парижских лож, что есть подозрение на некоторых русских в России (ген. Куропаткин, Жилинский, Субботич), что евреи поставили себе задачей проникнуть в армию и в частности в Генеральный Штаб, что в Генеральном Штабе уже есть евреи, о чем он имел разговор с Гернгроссом; евреи же проникают под самыми русскими фамилиями.

19 февраля. После обеда (у А. Н. Нарышкиной) некоторое время разговаривал с гр. Витте. Он рассказывал, что однажды, будучи директором департамента, явился с докладом к министру финансов Абаза, человеку без больших сведений, но с громадным здравым смыслом, и встретил выходящего от него в Станиславской еще ленте ген. Куропаткина. Абаза,

любивший, сидя утром в халате, сначала поговорить о посторонних вещах, а потом о деле, сказал: „Видели ген. Куропаткина. Умный генерал, бравый генерал, министром будет, больше будет, чем министром, но принесет много несчастья, потому что душа у него писарская". Про финляндские дела выразился, что финляндцы и пойдут на уступки, но всегда будут ждать случая, чтобы произвести давление на Россию, когда обстоятельства будут тому благоприятны.

22 февраля. К 9 час. веч. Совет Министров, назначенный исключительно для финляндских дел, главным образом для обсуждения доклада комиссии Харитонова о порядке издания законов, общих для империи и для Финляндии. Много возражал В. Н. Коковцев, дошел до того, что даже обидел Харитонова, сказав, что комиссия „недобросовестно" установила взгляд на некоторые предметы якобы общего законодательства, тогда как это относится к законодательству местному. В заключение Извольский заявил, что возможные осложнения в Финляндии надо учитывать при оценке политических коньюнктур ближайшего времени на ближнем Востоке, где положение дел ныне крайне тревожно.

24 февраля. В 9 час. Совет Министров по двум, главным образом, вопросам: по поводу увеличения субсидии Черногории (решил увеличить до 600 т.) и по поводу трех одновременно представленных записок—по военному и морскому ведомству о расходах на усиление обороны государства и по министерству финансов о налогах для удовлетворения этих расходов. Долгих дебатов не было; министр финансов по поводу мероприятий Военного Министерства сказал: „Я знаю, что я ничего не знаю, но это не мешает мне, когда нужно, обратиться за раз'яснениями и мне, вероятно, в них не отказали бы". Военный министр после рассмотрения этих дел уехал. Министр иностранных дел, в конце заседания, возбудил вопрос, следует ли ему выступать в Государственной Думе по поводу сметы Министерства Иностранных Дел, ибо государь император не желает никаких сообщений о политике. Решили, что он выступит с деловой речью.

26 февраля. Утром мне телефонировал А. И. Гучков, желая быть у меня; я, желая скорее уехать гулять на острова, ответил, что заеду к нему лично. Разговор шел по поводу бюджета. Он выразился, что все идет так гладко, что ему надо изыскать что-нибудь, чтоб поставить военному министру на вид. Окруженный уставами, он хочет обратить внимание, что до сей поры нет переработанного после войны устава полевой службы, а также сказать, что мало делается для обучения кавалерии. Главное же, о чем он хотел говорить—это ходатайство о смягчении участи некоего Миллера, бывшего чиновника телеграфного ведомства, осужденного за участие

в почтово-телеграфной забастовке в Москве, и ныне работающего в редакции „Голоса Москвы“.

1 марта. К 10 час. утра на доклад к военному министру. Получен от е. в. журнал Высшей Аттестационной Комиссии по поводу командиров корпусов; последовало соизволение на увольнение ген. Шутлеворта; против заключения об увольнении ген. Клауза и Новосильцева—высочайшая резолюция „оставить“, а против ген. Адлерберга: „я знаю его, он не гений, но честный солдат; в 1905 году отстоял Кронштадт, оставить“. Затем общая резолюция: „при рассмотрении аттестаций на корпусных командиров приглашать командующих войсками соответствующих округов“. Таким образом, попытка освободить армию от малопригодных корпусных командиров не удалась...

2 марта. От 9 час. веч. Совет Министров. До заседания в кабинете, Столыпин дал мне памятную записку о желании Гурлянда преподавать полицейское право в Юридической Академии. Столыпин прибавил, что Гурлянда в Академии не хотят, потому что он в подозрении еврейского происхождения и, кроме того, газетный писака. Гурлянд же со своей стороны говорит, что он желает преподавать в Академии, дабы повернуть ее с левого направления на правое...

5 марта. В 9 час. веч. совещание у председателя Совета Министров. До заседания говорили о предстоящем оставлении Н. А. Хомяковым должности председателя Государственной Думы и о том, что все газетные известия, будто у него вышло столкновение с председателем Совета Министров—не основательно. Министр иностранных дел заявил, что в Государственной Думе его приняли очень холодно, на что обратили внимание иностранные газеты...

6 марта. В соборе видел многих членов Государственной Думы, которые передавали, что избрание А. И. Гучкова обеспечено...

19 марта. Беседовал с А. И. Гучковым по поводу первого его приема государем [1]). Прием был очень любезный; высказано желание провести скорее крестьянский вопрос, земство в Западном крае, а также о назначении средств на постройку флота...

20 марта. Выезжал в Царское Село с всеподданнейшим докладом.

Когда я вошел, государь сказал: „сначала я пригласил Струкова [2]), потому что у него небольшой доклад.—Вчера все было очень хорошо в инвалидном концерте“ [3]).—Я сказал,

---

[1]) По случаю выбора председателем Государственной Думы. *Ред.*

[2]) Был за Министра Двора. *Ред.*

[3]) Концерт в пользу инвалидов, ежегодно даваемый в Мариинском театре 19 марта, в день входа в 1814 г. русских войск в Париж. *Ред.*

что программа концерта в этом году лучше, чем в прежние, меньше концертных и более военных пьес. Государь ответил: „Это я настоял, сколько раз я говорил об этом Главнокомандующему". Потом разговор зашел о балалаечниках: „какой молодец Андреев[1]) и как жаль, что в прошлом году Государственная Дума отказала в деньгах на поддержание этого дела. Я у Гучкова потребую этих денег".

22 марта. При рассмотрении сметы Главного Военно-Санитарного Управления речи Пуришкевича и Маркова 2-го по поводу Военно-Медицинской Академии и допуска в нее евреев вызвали ряд бурных сцен; присутствовавшего тут начальника Академии назвали происходящим из евреев и говорили много ему неприятного...

6 апреля. Сегодня А. И. Гучков и некоторые еще члены Государственной Думы ездили в Кронштадт для осмотра работ на Красной Горке и на Ино; их встречал там и все им показывал ген. Артамонов.

Столыпин сказал мне, что у него была депутация из членов Государственной Думы, которая ему передала, что войсковой наказной атаман бар. Таубе намерен, якобы, изгнать с Дона всех иногородних и об этом говорит речи.

4 мая. В 9 час. веч. заседание Совета Министров в Елагином дворце. В конце было прочитано письмо гр. Витте к председателю Совета Министров с упреками о невнимательном отношении правительства к расследованию на покушение на него в его доме...

13 мая. А. И. Гучков предупредил меня, что в субботу вечером будет назначено заседание Комиссии Государственной Обороны по кредитам на оборону, где затронут возможность выделить кое-что на весну, дабы дать работу по изготовлению орудий и снарядов заводам, остающимся без работы. Он намекнул, что было бы полезно, если бы приехал и сам военный министр...

14 мая. Во дворце ко мне подошел командующий войсками Варшавского Округа ген.-ад. Скалон и сказал, что вчера вечером он был у военного министра и докладывал ему необходимость сохранения Варшавы, но военный министр об этом и слышать не хочет. Скалон соглашается, что от идеи треугольника надо отказаться, но стоит за сохранение крепостей Новогеоргиевска, Варшавы и Ивангорода.

15 мая. К $8^1/_2$ час. веч. я прибыл в Государственную Думу, где застал уже военного министра; пришел председатель Комиссии кн. Шаховской и предупредил министра, что сегодня первое собрание для изучения новой программы обороны. Заседание началось с того, что я изложил сущность

---

[1]) Известный организатор и дирижер хора балалаечников. *Ред.*

программы, затем пошли перекрестные разговоры, и прения приняли весьма доброжелательный для военного министра характер. Нам ставили на вид, что мы должны требовать все, что нужно для обороны, не стесняясь Мин. Финанс.; постановили, что надо выяснить, что надо дать теперь же, главным образом, для заказов артиллерии и это выяснение производится первоначально в особой подкомиссии...

20 мая. Дипломатическое Совещание во вторник вечером состояло в докладе министра иностранных дел о дружественных предложениях Японии...

27 мая. На поезде 6 ч. 50 м. выехал в Петербург, чтобы к 9 час. веч. быть на Совещании у председателя Совета Министров. Председатель Совета Министров, морской министр и министр иностранных дел изложили сведения относительно намерений Турции усилить свой флот между прочим и „для преобладания на Черном море". Отсюда возник вопрос об усилении нашего Черноморского флота. Гучков и другие из присутствовавших членов Думы указывали на то, что с 1908 г. ассигновывались кредиты на усиление Черноморского флота, но Морское Министерство давало им другие назначения и что в стране и в Государственной Думе нет уверенности, что Морское Министерство что-нибудь сделает для восстановления нашего морского могущества. Положение Воеводского было исключительно тяжелое...

29 мая. На поезде 6 ч. 50 м. выехал в Петербург к $8^1/_2$ ч. в Бюджетную Комиссию Государственной Думы. Там вначале шли не наши дела и, как доносились известия, результаты были неблагоприятны; законопроекты проваливали, все левые с утра были в раздраженном настроении, ибо в общем собрании были резкие стычки с правыми; в Бюджетной Комиссии все левые были налицо, а правых мало...

31 мая. От 8 час. 30 мин. веч. в закрытом заседании Государственной Думы о кредите на постройку казарм в Финляндии. Левые и кадеты высказались против, так как усматривали в этой мере продолжение репрессий на Финляндию.

15 июня. На журналах Совета Министров получены неодобрительные высочайшие резолюции: 1) по делу Леонтьева, известного в Абиссинии, где Совет Министров высказался против вознаграждения его за убытки при доставке Негусу Менелику оружия—„Считаю заключение несправедливым и недостойным русского правительства", 2) высказано несогласие на освобождение 10% недостаточных детей от платы за ученье в гимназиях, хотя эта мера применялась со времен императора Александра I; здесь видна идея не допускать, по возможности, избытка учащихся в университетах и в гимназиях...

10 августа. По окончании заседания были приглашены остаться министры и я. Таким образом остались: Столыпин, Коковцев, Тимашев, Лукьянов, Кривошеин, Воеводский и я. Столыпин начал с того, что необходимо решить вопрос о ревизии Морского ведомства, что на этом настаивает Государственная Дума и что при этих условиях Морское ведомство может получить кредит на достройку дредноутов, на оборудование заводов и на уплату старых долгов. Государь в Риге сказал Столыпину, что никакой ревизии не надо, что Григорович[1]) все привел в порядок, „а деньги я прикажу дать". Завтра, однако, у Столыпина последний доклад.

На это Воеводский стал очень длинно об'яснять, что сенаторские ревизии могли иметь место в военном ведомстве, где были об'екты для ревизии—разные хищения, а в морском ведомстве хищений нет, а есть только непорядки, оставшиеся от прежнего времени. На это ему возражали, что „ревизий" можно и не делать, а произвести расследование строительной части для изыскания способов к скорейшему воссозданию боевого флота. В этом виде он не находил возражений...

24 сентября. В $2^1/_2$ часа на Елагином острове заседание Совета Министров, в первый раз по возвращении ст.-секретаря Столыпина из поездки. „Без канцелярии" обратились к письму гр. Витте, полученному весной по поводу умышленного, якобы, замалчивания дела о покушении на него в его доме. Письмо это гр. Витте показывал многим, а потому оставить его без ответа председатель Совета Министров не находил возможным. Читался текст ответного письма...

9 ноября. В разговоре с военным министром был затронут еще вопрос о вызове командующих войсками Западных округов для проверки их подготовки к управлению армиями. Здесь неизбежно возникла необходимость установить, кто же будет командовать всеми армиями. На докладе государю е. в. изволил указать, что верховное командование он берет на себя. Но так как нельзя же привлекать е. в. к занятиям военной игрой, то полагалось бы на военной игре иметь в роли главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича...

27 ноября. К 2 час. я поехал к А. И. Гучкову. Разговор начался с его аудиенции на прошлой неделе у государя; об этой аудиенции я слышал в Государственной Думе и читал в вырезках из иностранных газет, будто она произвела на государя невыгодное впечатление. Говорилось, что Н. А. Хомяков умел себя держать с большим тактом, а Гучков будто бы затрагивал неподлежащие темы. Из слов Гучкова я, однако, этого не вывел. По обороне Гучков высказывался, что

---

[1]) Впоследствии морской министр. *Ред.*

Военное Министерство работает много лучше Морского, много уже им проведено реформ, но эти реформы не везде отзываются одинаково, ибо не везде состав старших начальников одинаково благоприятен. У гр. Воронцова-Дашкова и у ген. Унтербергера [1]) настроение офицерского состава не бодрое, а вообще ведь мы проиграли кампанию русско-японскую, благодаря неудачным корпусным командирам и выше. Из частных нужд армии Гучков указал на крупные недостатки в обозе...

29 ноября. После заседания имел продолжительный разговор с В. Н. Коковцевым; он передал мне впечатления от заседания Совета Министров 16 ноября. Председатель Совета Министров действительно очень возбужденно говорил военному министру, что нельзя ему вести особую от Совета Министров политику, что пусть морской и военный министры не участвуют в Совете Министров, но тогда пусть и не ищут поддержки в Совете Министров, а тогда Государственная Дума, ныне к Военному Министерству благожелательная, перестанет давать ему кредиты. Из Совета военный министр поехал с обычным докладом к государю. Когда после него вошел с докладом министр иностранных дел, то государь его спросил: „у вас было бурное заседание", но Сазонов [2]) не был в Совете и ответить не мог. На другой день у государя был Столыпин и получил вопрос в недовольном тоне: „Совет Министров не желает разрешать мне распоряжаться вполне свободными деньгами для нужд обороны". На что Столыпин сделал доклад, как дело происходило. В пятницу 19-го в конце доклада Коковцева он сам начал разговор о бывшем в заседании, упомянув, что если е. в. благоугодно будет выслушать, то, может быть, будет разрешено ему доложить в другой раз и государь разрешил ему явиться с докладом 26-го в Зимний Дворец после Георгиевского парада.—Тут Коковцев, повидимому, не щадил Военное Министерство, и доказывал государю, что Совет Министров его оберегает. В конце государь спросил: „а какого мнения по поводу 96 ст. держится помощник военного министра ген. Поливанов". На это Коковцев ответил, что он, как помощник военного министра по свойственной ему корректности не выскажет другого мнения, но как ген. Поливанов, вероятно, высказал бы то же самое, что и он, Коковцев. Государь благодарил министра финансов за его откровенный доклад...

30 ноября. Государь указал на нежелательность иметь профессорами в Алекс. В.-Юридич. Академии—кн. Друцкого, Гримма и Чубинского, ибо они из „левых"...

---

[1]) Командующий войсками Приамурского Округа. *Ред.*

[2]) Новый министр иностранных дел, родственник Столыпина. *Ред.*

Идея вызвать командующих войсками Западного фронта для стратегической военной игры получает осуществление и они с начальниками Окружных Штабов будут вызваны к 6 декабря...

2 декабря. „Без канцелярии“ говорили: 1) покупать или не покупать имение гр. Толстого „Ясную Поляну“ в казну; большинство, в том числе и я, высказались за покупку, дабы устранить образование там революционного гнезда; 2) вопрос о постановке памятника Толстому передать на обсуждение Академии Наук...

7 декабря. Вел. кн. Николай Николаевич решительно отказывается принять участие в предстоящей военной игре в качестве главнокомандующего, говоря, что он не подготовлен, многих взглядов не разделяет и 12 декабря уезжает в Скерневицы на охоту; государь указал вести игру без него и докладывать ему о ходе игры записками...

9 декабря. Поехал в Совет Министров. До начала заседания долго говорили по поводу беспорядков в Одесском Университете и ожидаемых беспорядках в прочих учебных заведениях, которые ожидаются и теперь, как отголосок одесских событий, и в январе; ген. Курлов говорил, что зачинщики захвачены, но, что всем распоряжается „коалиционный комитет“, часть которого захвачена, но в который вступают новые члены.

Государь повелел отложить военную игру с командующими войсками до будущего года (по мнению военного министра вероятно по докладу вел. кн. Николая Николаевича)...

11 декабря. У меня был командующий войсками Варшавского Округа и сам начал говорить по поводу военной игры, что ее делать не следовало, зачем же сажать командующих войсками по отдельным комнатам, когда проще собрать вместе начальников Окружных Штабов и с ними обсудить дело. Оказывается у вел. кн. был обед для командующих войсками и начальников Окружных Штабов, там говорили на ту же тему и отсюда, вероятно, и доклад вел. кн. государю...

16 декабря. „Без канцелярии“ говорили о предстоящих в январе беспорядках в высших учебных заведениях; решено действовать строго, приводить в исполнение постановление Совета Министров от 9 декабря, а буде нужно, то взяться и за профессоров. Столыпин сказал, что в январе ожидаются из-за границы специалисты по „подстреливаниям“, дабы попробовать подстрелить кого-нибудь...

1911 год.

10 февраля. „Без канцелярии“ говорили о поступках знаменитого иеромонаха Илиодора, которые идут против правительства; о студенческих беспорядках. В среду на будущей неделе ожидаются в Государственной Думе прения по запросу об этих беспорядках. На вопрос следует ли правительству выступать на этих прениях—Коковцев высказал, что никогда не следует выступать ранее принятия запроса; военное де ведомство выступило раньше времени и что же—его же аргументы обратили против него и теперь запрос приняли, а военному министру придется в ответ повторять старое. Столыпин рассуждал, что, если правительство в настоящую острую минуту будет только слушать и молчать, то скажут, что оно струсило; решено, что, если придется выступать, то выступят и Столыпин и Кассо [1]).

7 марта. В газетах кое-где появились известия по поводу осложнений в отношениях Совета Министров по решению Государственного Совета о куриях.

8 марта. В газетах появились уже более определенные сведения относительно ухода Столыпина, хотя вчера вечером военный министр на обеде у австрийского посла видел Кривошеина и тот ничего не мог сказать.—В Государственном Совете спрашивали меня, и, когда я говорил, что ничего не знаю, не верили. В зале перед заседанием заметно было оживление, сходились по группам.

Сегодня на докладе у государя никакой речи с военным министром по поводу перемены в кабинете не было.

9 марта. Газеты полны соображениями по поводу предстоящего ухода Столыпина; подчеркивается в Государственном Совете некрасивая роль В. Трепова.

10 марта. В газетах продолжают говорить о кризисе, взвешивают шансы Коковцева, но общая нота—кризис как будто улаживается.

После заседания со мной вместе вышел А. И. Гучков и сказал мне, что до сей поры, со времени подписания Столыпиным отставки, ни с ним то-есть со Столыпиным, ни с Ко-

---

[1]) Министр народного просвещения. *Ред.*

ковцевым, разговоров сверху не было, но сегодня Столыпин получил письмо и приглашение приехать в 11 ч. у. в Царское. К 1 ч. в Совете Министров в Мариинском Дворце; председательствовал Коковцев и относительно некоторых дел высказывал предположение „отложить их до Петра Аркадьевича". Заседание окончилось в 3 часа и после этого большинство министров осталось некоторое время в разговорах по поводу кризиса; вошедший в залу член Государственного Совета кн. Ал. Д. Оболенский сообщил, что по полученным им сведениям „все окончилось хорошо". По этому поводу высказали, что уже самый факт приглашения в Царское знаменовал собою благоприятное окончание. Под этим впечатлением я поехал в Канцелярию Военного Министерства, где должно было оканчиваться заседание Военного Совета, чтобы сообщить новости военному министру.

Члены Военного Совета расспрашивали меня по поводу министерского кризиса и радовались возвращению Столыпина.

Среди разговоров вечером на обеде у Коковцева можно было подметить настроение, что кризис все еще не уладился; сделалось от В. Н. известным, что завтра вечером Столыпин экстренно собирает Совет Министров.

11 марта. В газетах по поводу кризиса, что его еще нельзя считать улаженным.

Военный министр к $10^1/_2$ час. веч. едет в Совет Министров; он повторил мне еще раз, что Коковцеву хочется быть премьером.

Перед началом вечернего заседания ко мне в министерский павильон Думы пришел А. И. Гучков и сказал, что Столыпин остается, что вчера было об'яснение положения внутри [1]). Когда вышли из кабинета я сказал Коковцеву о моем оригинальном положении—я должен был подписать журнал Совета, в котором я не участвовал. Он ответил, что его положение еще оригинальнее—ибо он подписал его против своих убеждений, а иначе сделать не мог, так как Петр Аркадьевич поставил условием, при котором он согласен остаться—это проведение закона о земстве в порядке 87 ст. Делать разногласие значит уходить, а теперь не такая минута, чтобы усложнять ее еще уходом министра финансов.

15 марта. По окончании доклада государь спросил: „как бюджет". После моего ответа государь показал мне большой лист бумаги—заявление Гучкова о сложении с себя обязанностей председателя Государственной Думы. На мои слова: „есть основание думать, что будет избран кн. Волконский", государь ответил: „да, его очень хвалят, очень может быть,

---

[1]) Столыпин сказал, что сегодня Воеводский просил об увольнении его от должности морского министра и его не удерживали.

что он будет лучше Гучкова, который,—а в особенности Хомяков—имел обыкновенне не слышать, что говорят левые"...

23 марта. К 12 часам поехал отдать визит А. И. Гучкову. Сразу зашел разговор о политическом положении. Его убеждение, что Столыпин в несколько дней успел задеть все партии и потерять общее доверие. Он останется у власти не надолго, ибо уже в Царском произнесено, что 87 ст. „выстрелили по воробью из пушки", а, кроме того, ему не простят удаление двух верных слуг из Государственного Совета. После него не видно заметного человека, который бы его заменил, и все это может отразиться на выборах в смысле успеха кадетской партии. Выборы Родзянко в председатели Государственной Думы состоялись против желания главарей октябрьской партии, которые желали кн. Волконского. Я пепередал А. И., что в письме английского военного агента, написанном в Лондон, передается разговор со Звегинцевым, который сообщил ему много данных, заимствованных из Комиссии Государственной Обороны.

24 марта. „Без канцелярии" обсуждался вопрос, когда и где выступит Столыпин в ответ на вопрос о применении 87 ст. ранее, в Государственном Совете или в Государственной Думе, и теперь или через месяц. Его мнение, что надо выступить на будущей неделе, дабы не было впечатления, что он прячется и ранее в Государственном Совете. Так смотрит и государь, у которого он был вчера. Мнения разделились; некоторые говорили, что ранее следует выступить в Государственной Думе. Столыпин хотел подумать и просил быть всех.

Другим вопросом, отнявшим много времени для суждений, был эпизод иеромонаха Илиодора в Царицыне; к этому эпизоду пристроился писатель казак Радионов, который в приложении к газете „Земщина" выпустил рассказ „Конец православной сказки". Обер-прокурор Святейшего Синода Лукьянов сделал длинный доклад о Совещании, которое он и ген. Курлов имели сегодня у высокопреосвященного Владимира митрополита Московского. Там была принята депутация из Царицына, молившая оставить им Илиодора. Выс. пр. Владимир, видимо склоняется на сторону Илиодора; еписк. Гермоген, посланный его увещать, уже склонился; против Илиодора Выс. пр. Флавиан, митрополит Киевский.

В „Русском Собрании" в воскресенье член Государственной Думы Володимиров читал об Илиодоре; в Царском к нему, повидимому, стали равнодушны. Мнения разделились: Коковцев говорил, что все это предвозвестники большой смуты и восстания против гражданской власти, а потому надо прекратить сильными полицейскими мерами; другие говорили, что

следует удалить все раздражающее и фанатики сами успокоятся.

25 марта. Н. Н. Сухотин кипит по поводу вчерашнего заседания Государственного Совета, где 92 голосами против 58 принят запрос председателю Совета Министров и где сквозила злоба на Столыпина.

2 апреля. Коковцев по поводу настойчивого сочувствия „Нов. Времени" Столыпину, сказал, что куплено на 50 т. руб. паев этой газеты за счет суммы на известное е. в. употребление.

27 апреля. К 2 часам надо было прибыть в Государственную Думу, где председатель Совета Министров должен был давать об'яснения по применению 87 ст.—Зал и хоры полны. Речь Столыпина была властна, но неудачна. Настроение к нему недоброжелательное.

5 сентября. Вечером мне передали по телефону о кончине П. А. Столыпина.

6 сентября. Вторник. Приехали с дачи в Петербург. „Новое Время" вышло в черной рамке. Какое тяжелое чувство. Не говоря о потере для России, ощущаю личное горе, я находился под обоянием этого человека, я любовался им, гордился сознанием, что он доволен моей деятельностью. Прощаясь с ним 24 августа, после заседания Совета Министров, я, по обыкновению, искал встретить его взгляд. Он стоял у своего кресла, высокий, стройный и его красивое лицо имело здоровый вид и загар; он казался отдохнувшим после того как мы видели его 6 июня, перед от'ездом его в отпуск таким усталым после весенних волнений; 27 августа я в последний раз слышал его мужественный голос по телефону.

21 сентября. К 10 ч. у. прибыл в стрельбище Л.-Гв. Семеновского полка, где Ливчак должен был демонстрировать свое новое „губительное" изобретение. Под'езжая, я опередил мотор военного министра и успел выйти раньше его и его встретить со словами: „чтоб встретить вас, мне пришлось перерезать вам дорогу"; на это получил ответ: „лишь бы мы друг друга не резали, а то ведь про вас бог знает что говорят". На это я ответил, что буду просить раз'яснения сказанных слов.

По окончании осмотра я заявил военному министру, что желал бы теперь же с ним переговорить по поводу сказанной им мне фразы при встрече. Он сел в мой мотор и мы поехали вместе к нему на квартиру. Из завязавшегося по пути разговора можно было придти к заключению, что кто-то посылает военному министру анонимы, повидимому, напечатанные на машинке, где помещаются варианты таких обвинений: 1) я рассказываю, что военный министр навалил все дело на меня, а сам только ездит; 2) я ссорю военного министра

с вел. кн. Николаем Николаевичем; 3) я, где-то за обедом, громко говорил, что военный министр ездит для того, чтобы делать из получаемых денег наряды для своей супруги.

По предположению военного министра они могут исходить от ген. Мышлаевского. Разговор наш продолжался в кабинете военного министра и я сказал, что при наличности того недоверия ко мне, которое может происходить от такого рода мыслей, может быть следовало бы ходатайствовать о назначении меня в Государственный Совет.

22 сентября. В 11 час. вечера военный министр уехал в Казань для проверки мобилизации 161 пех. Александропольского полка и формируемого из него резервного. По маршруту прибытие в Казань назначено в 11 ч. у., а от'езд в тот же день в 5 час. дня.

2 октября. Воскресенье. Получил письмо от А. И. Гучкова с указанием на неудобную статью в „Русском Инвалиде" (кадетской библиотеки) и с упоминанием, что он хотел бы меня видеть, но не совсем здоров. К 9 час. вечера поехали к нему; он говорит, что у него грудная жаба. Говорили о текущих делах; у него сомнение в возможности для В. Н. Коковцева [1]) справиться с делами. По поводу его статьи в „Новом Времени" с полемикой против графа Витте, где упоминается о его роли закулисного вдохновителя правых и Дурново, я услышал от него рассказ, что в одном из писем графа Витте к Куропаткину в 1905 году была фраза, относящаяся к вышеуказанным тогда событиям и заканчивавшаяся: „при таких условиях желать ли вам победы".

14 октября. К $1^1/_2$ час. в заседание Совета Министров.

Много времени заняли также суждения по Финляндским делам.—Разногласия между Финляндским Сенатом и министром торговли с одной стороны и Финляндским генерал-губернатором с другой—по поводу учреждений в Финляндии торговых палат решено против генерал-губернатора. Затем рассматривалось секретное обращение Финляндского генерал-губернатора с ходатайством об об'явлении теперь же, что всякое покушение против правительственного лица повлечет за собой военное положение в Финляндии. Это обращение было доложено председателем Совета Министров е. в. и последовало повеление—обсудить в Совете Министров.

Присутствовавший в заседании ген.-лейт. Зейн доложил о подготовке революции, о существовании складов оружия, о том, что убийство Харвиканте—политическое и привел слова Барклая-де-Толи „лучше совсем не иметь генерал-губернатора, чем иметь его бесправным". Министр юстиции предла-

---

[1]) Был назначен председателем Совета Министров после смерти Столыпина. *Ред.*

гал разработать передачу политических преступлений имперскому суду. Министр внутренних дел (впервые был Макаров) против угроз. Некоторые высказывались, что военным положением нельзя управлять, а его вводят лишь для прекращения возникших беспорядков. Председатель Совета Министров сравнивал положение России, где только что 1 сентября было совершено великое злодеяние и военного положения в Киеве об'явлено не было, с Финляндией, говоря, что и там военное положение может быть введено лишь после беспорядков; угроза же этим положением—это махание бумажным мечем. Зейн, указывая на Киев, говорил, что там военного положения и не надо было, ибо ген.-губернатор обладает и без того полнотой власти. Решили усилить охрану в Финляндии.

После заседания В. Н. Коковцев просил меня остаться и, отведя в сторону, сообщил, что при его докладе в Ливадии е. в. из'явил согласие на назначение меня членом Государственного Совета с оставлением в должности, при чем—прибавил он—„вероятно, и ваш шеф получит то же звание".

21 октября. К 4 час. в Совете Министров „по общим вопросам" в кабинет В. Н. Коковцева; канцелярии не было. Председатель открыл заседание указанием на то, что до сих пор важнейшие политические вопросы обсуждались в особом совещании, где участвовали кроме председателя Совета Министров, министры: военный, морской, иностранных дел и финансов, а теперь, когда должность председателя Совета Министров соединяется с должностью министра финансов, малое совещание делалось бы еще более тесным, а потому он считает нужным проводить эти вопросы через особые заседания Совета Министров, на что е. в. изволил дать согласие. Поэтому он просит управляющего министерством иностранных дел ввести совет министров в курс современных политических событий. Представитель министерства изложил ход событий, начиная с весны текущего года и, остановившись на Итальянско-Турецком конфликте, высказал убеждение, что пока он не заденет Балканского полуострова, можно не ожидать крупных событий. В китайской смуте все державы заняли выжидательное положение, но Япония видимо что-то задумала. В дальнейшем обсуждении было высказано предположение, что Япония задумала, вероятно, присоединение Южной Манджурии, на что намекал и посол Мотоно, посетивший на-днях председателя Совета Министров. Наше положение напротив Китая, с 9 тысячной границей, с Восточно-Китайской жел. дорогой, ставит нас, однако, в особые отношения к событиям в Китае. Что же нам делать, если Япония действительно займет Южную Манджурию. Держаться ли сентиментальной политики вековой дружбы или действовать параллельно с Япо-

нией. Высказались, в том числе и я, за занятие Северной Манджурии и за необходимость к этому готовиться; если Япония только усилит свои войска в Пекине или Таку, то и нам надлежит сделать то же. В Персии надо усилить Тавризский отряд и конвой в Астрабаде.

После политических вопросов перешли к другим. В Токио с большой помпой открыли Русско-Японское общество и на банкете собрали около 400 тыс. иен; у нас, едва вышел устав этого общества—как ген. Данилов и жандармский полковник Ерандалов написали бумаги с вопросом благонадежно ли это общество.

Обще-земская организация намерена была собраться в Москве для обсуждения положения в продовольственном деле. Так как это собрание обещает быть постоянной критикой для действий правительства, то решено было его не допускать. Признано желательным скорее распустить Государственную Думу, но там, чтобы устранить возможность такого роспуска, намерены затянуть рассмотрение бюджета, дабы, кстати, не потерять и жалованья. После же рассмотрения бюджета в Государственной Думе, начнутся согласительные комиссии в Государственном Совете; и вот намечается Думу после Пасхи не собирать, дабы они свое жалованье получили,—а Государственный Совет просить не делать разногласий.

29 декабря. И. К. Григорович спросил меня, кто такой бывающий у военного министра Альтшюллер; в городе говорят, что это австрийский шпион, втершийся к военному министру.

„Без канцелярии“: А. А. Макаров доложил, что императорское Вольно-Экономическое Общество в 1906 году занималось противо-правительственной агитацией; теперь оно об‘явило подписку на пожертвования в пользу голодающих и намерено разослать, очевидно в агитационных целях, учащуюся молодежь по губерниям. Оно подведомственно Главному Управлению Земледелия и Землеустройства, но А. В. Кривошеин против того, чтобы его закрывать; у него был председатель общества Н. Н. Кутлер и сказал, что дела общества так плохи, что оно было бы очень довольно, если бы его закрыли ради его выступления на помощь голодающим, оно тогда бы умерло со славой. В. Н. [1]) по этому поводу высказал, что теперь все занято выборной агитацией и все агитируют против правительства, а потому не следует давать к сему лишних поводов. А. А. Макаров горячо высказался против кажущейся непоследовательности в действиях правительства: общеземской организации не позволили помогать голодающим, а этому обществу хотят позволить. Решили предложить прекратить

[1]) Коковцев.

сбор пожертвований. Затем А. А. Макаров сообщил, что заграницей предполагалось чествовать столетие со дня смерти Герцена и перевезти его останки в Россию. Председатель Совета Министров со своей стороны возбудил два вопроса: 1) как бороться с массой дешевых агитационных листков, которыми, по словам губернаторов, наводняется провинция; намечено изыскать способ удорожить их рассылку. 2) Государственной Думой в порядке законодательной инициативы разработано 8 законопроектов и после перерыва будет поставлен в первую очередь законопроект о земстве на Дону и введения городового положения в Новочеркасске; он просил меня подумать, как к этому отнестись.

1912 год.

16 февраля. Военный министр передал, что государь с большой резкостью отзывался о вмешательстве Гучкова в дела армии.

В заседании совета министров говорилось еще, что лица из одесской полиции показывают, что, когда ген. Толмачев [1]) отдавал приказание „перевести из участка в участок кого-либо из арестованных", то это обозначало, что по пути конвой, под предлогом попытки арестованного бежать, должен был его прикончить.

18 февраля. Военный министр передал мне, что государь сегодня опять говорил с неудовольствием о Гучкове и спрашивал военного министра, передал ли он ему, что государь называет его „подлецом". Сухомлинов ответил, что такого случая еще не представлялось.

21 февраля. Государь на докладе мне говорил, что юнкера (Михайловского Артиллерийского Училища) приятно поразили его своим молодечеством в вольтижировке, а в Академии „нет длинных волос", что было прежде. Государь был на лекции полк. Федорова, изобретателя автоматической винтовки, и сказал ему, что он против введения ее в армию, так как тогда не хватит патронов. Это дало мне случай доложить об отношении прочих держав к автоматической винтовке и похвалить винтовку Федорова.

24 февраля. Кауфман подтвердил мне ходящий слух, что Григорий Распутин есть орудие гр. Витте.

25 февраля. У меня был интересный разговор с В. Н. Коковцевым о его личных впечатлениях от свидания с Гр. Распутиным. Впечатление гадливое. В пятницу 17 февраля на докладе у государя В. Н. делал доклад об этих своих впечатлениях и вел очень серьезный разговор. Он отрицает соображение Кауфмана, что Распутин может быть орудием Витте.

27 февраля. Коковцев рассказывал, что вчера у государя был председатель Государственной Думы Родзянко и передал какие-то документы относительно Распутина. Он получил заверение, что Распутин больше не вернется.

---

[1]) Одесский градоначальник. *Ред.*

10 марта. На мое сожаление, высказанное Саблеру [1]), что Распутина принимают наверху, он сказал, что это преувеличено и что ему однажды сказали—неужели мы у себя не можем принимать кого хотим.

16 марта. Ад'ютант вел. кн. Николая Николаевича доложил ему, что Распутин уехал в Крым с поездом их величеств, и это так подействовало на вел. князя, что он заболел. Сухомлинов рассказывал, что фрейлина Тютчева, состоящая при августейших детях, жаловалась, что Распутин входит в комнаты детей, и просила ее уволить; ее не взяли в Крым.

18 марта. Из полученных утром бумаг меня поразило письмо министра внутренних дел к военному, что состоящий в распоряжении военного министра подполк. Мясоедов, еще до вторичного поступления в корпус жандармов, основал с евреем Фрейбергом пароходное общество, отметившее себя злоупотреблениями. Фрейберг находится в деловых сношениях с Каценэленбогеном, тоже мошенником, который в сношении с Лендером, сотрудником германского генерального штаба. У начальника Генерального Штаба имеются сведения, что Мясоедов был заподозрен в шпионских сношениях с Австрией.

13 апреля. В газете „Вечернее Время" статья „Кто заведует в России военной контр-разведкой", где подробно изложена история Мясоедова. Вечером меня вызвал к телефону Сухомлинов и сообщил, что сегодня в Думу не поедет, так как там ему „устроена целая засада", как результат сегодняшних статей.

20 апреля. Поехал к военному министру, отбывающему сегодня в Ливадию. Я застал его в состоянии взволнованном. Все, по его словам, шло в заседании комиссии государственной обороны хорошо, но Гучков выступил против него с резкой речью, обвиняя в создании около себя охранного отделения. Тут Сухомлинов опять много говорил про Гучкова и все в неуравновешенном тоне. Я подметил и ноту неудовольствия против меня в словах „А мои друзья в Государственной Думе мне сказали, что в тот день, когда вы хотели, чтобы я ехал в Думу (13 апреля) „мне действительно хотели устроить скандал". Простились холодно.

26 апреля. В Балтийском флоте не вполне благополучно и на судах эскадры произведены аресты. Министр внутренних дел прочитал протокол допроса девицы Савиной, которая сделала попытку отравиться, чтобы избегнуть присужденного ей поручения—убить председателя Совета Министров. Из протокола видны сношения ее с революционерами и студентами, в кружке которых ее звали „Белой лилией". Письмо адресо-

---

[1]) Сбер-прокурор св. синода. *Ред.*

ванное полиции, содержит слова: „Белая лилия умирает, а министр пусть живет“.

27 апреля. Встречал военного министра, возвратившегося из Ливадии. Он взволнованно заявил мне, что после доклада государь неожиданно сказал ему: „Я назначил Поливанова в Государственный Совет и пусть он теперь туда переходит“.— И что такое случилось, продолжал Сухомлинов. Вам Коковцев ничего не говорил? Я его видел там, но, так как говорилось, что он повез мою отставку и хотел говорить о вашем назначении, то я к нему не пошел, а пришел ко мне он сам и ни с того ни с сего начал мне говорить по поводу той травли, которая на меня ведется.

1913 год.

7 февраля. С Э. Л. Нобелем[1]) я имел длинный разговор о современном состоянии рабочих. Он говорит, что рабочая масса отлично дисциплинирована в руках своих вожаков. Они желают в этом году праздновать 19 февраля и не желают праздновать 21 февраля (300-летие дома Романовых) и заводчикам их придется отпустить в этот день и выдать плату.

17 февраля. После обеда у А. Н. Нарышкиной граф Витте многое рассказывал. Историю возникновения у нас в 1905 г. мысли о патриаршестве, как о выборной и сильной духовной власти. Эта мысль была отложена и теперь Саблер вместо нее выдвигает патриарха по назначению и под опекой обер-прокурора. Саблера не хвалит. О Победоносцеве и гр. Сольском упоминал, как о людях, вооруженных исключительными знаниями. Говорил, что Александр III, одобряя мысль о винной монополии, имел в виду уменьшение пьянства в народе; позднее же, под влиянием требования средств на винные расходы, монополия сделалась исключительно источником средств для добывания денег и надо ее вернуть к прежним основаниям.

11 марта. К 7 час. я поехал к А. И. Гучкову на обед в честь ген. Радько-Дмитриева[2]) и председателя Болгарского Народного Собрания Данева, приехавших в Петербург с особым поручением. Радько с удовольствием вспоминал курс в нашей Военной Академии, говоря, что широкая постановка в ней военных наук приносит пользу, давая уверенность в действиях и в мыслях. Полезно и изучение древних полководцев. Те, которые стоят исключительно за практический курс, упускают из вида, что практике должна служить последующая служба. Французские офицеры Генерального Штаба, получившие в Высшей школе исключительно практическое направление, поражают своей узкостью; это „кондуктора", а не „инженеры".

15 марта. Гучков передал мне, что аудиенция, данная Радько-Дмитриеву, была продолжительна. После завтрака он должен был ехать к Сазонову, но если предположить, что болгарские посланцы прибыли с предложением России взять

---

[1]) Крупный финансист и промышленник, одно из близких Поливанову лиц. *Ред.*

[2]) Болгарский Генерал, выдвинувшийся во время Балканской войны. Перешел на русскую службу и в мировой войне командовал 12 армией. *Ред.*

для себя Константинополь, то, разумеется, у Сазонова он не найдет готовности для этого.

28 августа. Обедал у А. Н. Гучкова. Родзянко в конце июня был удостоен аудиенции, которая продолжалась $1^1/_4$ часа. Упоминание председателя Государственной Думы, что правительство, не показываясь в Государственной Думе, устроило как бы забастовку, вызвало смех, на что Родзянко сказал: „также, как смеетесь ваше величество, смеется и вся Россия".

А. И. Гучков вспоминал про двухчасовую аудиенцию, которую он имел в мае 1905 года, будучи вызван для доклада о деятельности Красного Креста в армии. Он доказывал тогда, что мира заключать отнюдь не следует, что Япония истощена, что нашу армию необходимо лишь подкрепить другим настроением из страны, для чего, по примеру предков, собрать Земский Собор из готовых представителей страны в виде предводителя дворянства, председателей Земских Управ, городских голов. С ним соглашались, но всесильный тогда Д. Ф. Трепов был за заключение мира; такое же мнение высказал государю и вызванный из Москвы для ознакомления с настроением городской голова Рукавишников.

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ
ВО ГЛАВЕ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА
(13 июня 1915 г.—13 марта 1916 г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

11 июня 1915 года, после тяжких неудач нашей армии на Северо-Западном и Юго-Западном ее фронтах, после обнаружившейся в общественном мнении страны тревоги, вызванной этими неудачами, произошло увольнение от должности военного министра, занимавшего ее с 12 марта 1909 года генерал-ад'ютанта Сухомлинова, которому, и общественное мнение, и государственная дума приписывали значительную долю вины в этих неудачах, а 13 июня заместителем его в этой должности был назначен я.

Исполнение мною в течение шести лет, с весны 1906 и до весны 1912 г., обязанностей помощника военного министра, причем на мою долю выпала деятельная роль по восстановлению и усовершенствованию боеспособности наших вооруженных сил, в корне нарушенной неудачами в войне 1904—1905 гг. с Японией, и вместе с тем, впервые еще в нашей истории, работа над этим делом и путем выступления в законодательных учреждениях,—то и другое сделали мое имя в общественных кругах известным и доставили мне уже давно, в тех же кругах репутацию желательного кандидата на должность военного министра.

Но ген.-ад. Сухомлинов пользовался исключительным к нему расположением Николая II и Александры Федоровны; я же был уволен в 1912 г. от должности помощника военного министра после обострившихся моих с Сухомлиновым отношений и после его доклада Николаю II о моей политической „левизне". Таким образом, замена Сухомлинова мною могла рассматриваться, как уступка общественному мнению, подобно состоявшейся несколько ранее замене излюбленного министра внутренних дел Н. А. Маклакова кн. Н. С. Щербатовым.

Справедливость этого соображения подтверждается нижеследующим текстом собственноручного письма Николая II к Сухомлинову и помещенным далее извлечением из письма Александры Федоровны:

„Ставка 11 июня.

Владимир Александрович,

После долгого раздумывания, я пришел к заключению, что в интересах России и армии ваш уход необходим в настоящую минуту. Поговорив с вел. кн. Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом.

Пишу вам это, чтобы вы от меня первого узнали. Мне очень тяжело сказать вам об этом, тем более, что я вчера только вас видел. Сколько лет мы с вами работали и никогда между нами не было недоразумений. Благодарю вас, что вы положили столько труда и сил на благо нашей родной армии.

Беспристрастная история будет более снисходительна, чем осуждение современников.

Передайте вашу должность генералу Вернандеру [1]).

Господь с вами.

Уважающий вас

Николай".

В том же порядке вынужденной уступки Николай II должен был согласиться и на увольнение вслед за сим еще двух министров, имевших в стране репутацию приверженцев реакции,—министра юстиции И. Г. Щегловитова и обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера, с заменой их А. А. Хвостовым и А. Д. Самариным.

Для того, чтобы осуществить эти перемены, Николаю II надо было временно уйти из-под надзора Александры Федоровны, и потому он их произвел, находясь в Ставке Верховного Главнокомандующего (в Барановичах), куда отбыл для сего из Царского Села 11 июня.

Отрицательное отношение Александры Федоровны к состоявшимся переменам не замедлило выразиться в ее письмах к супругу.

Относительно меня она писала:

„Прости меня, мой друг, но мне не нравится назначение нового военного министра; разве ты не помнишь, как ты был против него. Ему нельзя довериться. Дай бог, чтобы я ошиблась, и твой выбор был бы удачным, но я сильно сомневаюсь. Удалил ли он Гучкова [2]), не враг ли он нашего друга [3])—а это всегда приносит несчастье. Попроси почтенного старика Горемыкина [4]) поговорить с ним и нравственно повлиять на него"...

Николай II, по свойству своего характера, никогда не забывал вынужденных у него общественным мнением уступок, дабы, при первой возможности взять их обратно и, если дело касалось реформ, возвратиться к до-реформенному положению, а если оно касалось лиц, то этих лиц удалить, коль

---

[1]) Заменил Поливанова в должности помощника военного министра. *Ред.*

[2]) Это очень характерно: как и куда я мог бы удалить совершенно независимого от меня человека, избранного в то время председателем частной организации—Центр. Военно-Промышленного Комитета.

[3]) Надо подразумевать Распутина.

[4]) Был в ту пору председателем совета министров.

скоро за ними нет поддержки Александры Федоровны и стоявшего за ней „нашего друга“.

Трудно поэтому было бы ожидать, чтобы должность военного министра могла быть мне предоставлена на продолжительное время, и действительно я был освобожден от нее 13 марта 1916 года, в ту пору, когда острота в недостаточности военного снабжения армии, так возмущавшая страну, была устранена, и когда моему преемнику оставалось лишь наблюдать за постепенным развитием предпринятых уже мероприятий.

Прежде нежели перейти к изложению очерка управления мною военным министерством в течение девяти месяцев войны, нахожу необходимым привести во введении главные данныя, касающиеся подготовки нашей к этой войне, по тем сведениям, коими я мог располагать, состоя с 28 июня 1905 г. по 15 апреля 1906 г. в должности начальника Главного Штаба, с 15 апреля 1906 г. по 27 апреля 1912 г. в должности помощника военного министра и с 27 апреля 1912 г. до 13 июня 1915 г. в должности члена государственного совета [1]).

---

[1]) В черновых бумагах А. А. Поливанова имеется еще следующая редакция предисловия к его мемуарам:

Я был призван к управлению военным министерством в ту пору войны, когда армия наша, обессиленная потерями в личном составе и недостатками боевого снабжения, отступала, и когда необходимо было быстро организовать и источники для ее укомплектования миллионами обученных людей, и изготовления в стране, со скудной промышленностью, многочисленных технических средств борьбы.

В течении девяти месяцев, направленной к этим двум основным целям напряженной деятельности, осложненной тяжелыми условиями нашего политического бытия, у меня, за весьма редкими исключениями, не было досуга вести дневник, но, впоследствии, отметки в частольном календаре, сохранившаяся переписка, вырезки из газет, помогли мне восстановить в памяти все наиболее яркие впечатления данного периода и изложить их письменно, что мною было исполнено, главным образом, еще в 1916 году. *Ред.*

ВВЕДЕНИЕ.

По мере повторения неудач наших в войне с Японией, в стране нашей, потрясенной этими неудачами, стала крепнуть мысль о несовершенстве нашего государственного управления, приведшего нас к нелепой войне, и о несовершенстве у нас военной системы, при которой подобные неудачи могли иметь место.

Первым признаком того, что власть желает предпринять в области государственной обороны нечто новое, было появление 5 мая 1905 года рескрипта на имя великого князя Николая Николаевича, с поручением особому совещанию, под его председательством, выработать „Положение" о постоянном Совете Государственной Обороны.

Великий князь Николай Николаевич занимал в это время должность генерал-инспектора кавалерии и, пройдя в свое время курс наук Академии Генерального Штаба, расширив приобретенные там познания при помощи личного опыта на войне 1877—78 гг., обладая верными стратегическими и тактическими взглядами, способностью быстро распознавать обстановку на маневрах по карте и по движениям войск, был из числа строевых начальников того времени весьма незаурядным и, если бы не отвращение к книге и более уравновешенный характер, то из него мог бы к тому времени выработаться вполне авторитетный руководитель для разрешения крупных военных вопросов [1]).

Близким к нему по служебным делам лицом стоял начальник его штаба ген.-лейт. Ф. Ф. Палицын, вдумчивый мыслитель в области тактики и стратегии, добросовестно изучавший всякую заметную по военной литературе книгу и старавшийся держать своего начальника в курсе новейших идей по военному делу [2]).

---

[1]) Когда после неудачи в 1904 году под Ляояном решено было вместо одной в Манджурии армии сформировать три, то возникла мысль—главнокомандующим над тремя армиями назначить вел. кн. Николая Николаевича, но придворным влияниям, бывшим против Николая Николаевича и, главным образом, против всего, что могло бы создать ему популярность, удалось доказать, что преимущественное право на пост главнокомандующего имеет Куропаткин.

[2]) Ф. Ф. Палицын был с должности Начальника Штаба генерал-инспектора кавалерии назначен первым начальником генерального штаба русской армии. *Ред.*

8 июня того же 1905 года „Положение о Совете Государственной Обороны“ было утверждено. Совет должен был состоять из председателя, шести постоянных членов, назначаемых ежегодно 1 января, и непременных членов по занимаемым ими должностям, к которым были отнесены: военный министр, управляющий морским министерством, начальники главного и главного морского штабов и генерал-инспекторы; на правах членов, кроме того, могли быть приглашаемы министры и высшие начальники армии и флота.

К ведению совета должны были относиться: а) обсуждение общих мероприятий военного и морского ведомства, намеченных ими к исполнению на известный период для развития военного могущества государства, соответственно его политическим задачам; б) наблюдение за последовательным исполнением этих мероприятий; в) обсуждение главнейших предположений военного и морского ведомств о применении всех средств государства на случай войны, в целях об‘единения и должного направления подготовительных к войне работ; г) наблюдение за осуществлением утвержденных мер, до обороны страны относящихся; д) обсуждение и согласование междуведомственных разногласий по вопросам государственной обороны.

Совету, кроме того, предоставлено было право возбуждения предположений, к вопросам государственной обороны относящихся, и представления их на утверждение верховной власти.

Председатель совета, согласно „Положения“ имел личный доклад у государя, а по делам совета мог обращаться к министрам с запросами; министры же военный, морской и иностранных дел должны были своевременно извещать его о важнейших начинаниях и предположениях, имеющих связь с государственной обороной.

Председатель, равно как и постоянные члены, могли предпринимать осмотры войск, крепостей, сооружений и учреждений военного и морского ведомств.

Принимая во внимание все изложенные выше полномочия совета, надлежит признать, что *по идее* образование его несомненно могло способствовать устранению наблюдавшейся до той поры раз‘единенности в мероприятиях по государственной обороне со стороны военного и морского ведомств, а также и согласованию этих мероприятий с интересами гражданских ведомств, хотя самостоятельность в действиях военного и морского министров в значительной мере, вследствие зависимости их от совета, умалялась.

Как сложилась деятельность совета *на практике* видно будет из последующего изложения.

Председателем его 8 июня был назначен вел. кн. Николай Николаевич [1]), а первыми постоянными членами на 1905 год [2]): члены военного совета—числящийся по артиллерии ген.-лейт. Костырко, большой знаток техники артиллерийского дела, числящийся по инженерным войскам ген.-лейт. Случевский—неудачно командовавший на войне 10 корпусом; числящийся по генеральному штабу заслуженный профессор военной администрации ген.-лейт. Газенкампф, числящийся по генеральному штабу ген.-лейт. Мылов, оставивший по болезни командование на войне 8 корпусом, и член государственного совета ген. от инфант. Гродеков, командовавший до войны войсками Приамурского Округа; сверх всего от флота—известный адмирал Дубасов, командовавший до войны эскадрой на Дальнем Востоке. Членами Совета по занимаемой должности делались: военный министр ген.-ад. Сахаров, управляющий морским министерством ген.-ад. Авелан, генерал-инспекторы: пехоты—ген.-ад. Гриппенберг, оставивший после боя под Сандепу командование 2 армией; кавалерии—ген.-лейт. Остроградский; артиллерии—вел. кн. Сергей Михайлович, по инженерной части—вел. кн. Петр Николаевич и, кроме того, исправлявшие должность начальников главного и морского штабов. Начальником же канцелярии совета был назначен профессор военной администрации генерального штаба полк. Гулевич. Из этого перечня членов, вошедших в первый состав совета государственной обороны, видно стремление привлечь к занятиям совета лиц, знакомых с условиями жизни и деятельности армии и флота на Дальнем Востоке.

Дошедшее до Петербурга 15 мая известие о гибели эскадры адмирала Рождественского под Цусимой произвело потрясающее впечатление. Хотя появление после сдачи Порт-Артура и уничтожения судов Порт-Артурской эскадры на театре войны эскадры Рождественского не имело уже смысла, тем не менее у многих существовала еще надежда, что Рождественскому удастся иметь успех в борьбе с японским флотом. И когда эта надежда не сбылась, то появилось сознание, что продолжение войны бесцельно, ибо от главнокомандующего Линевича, обладавшего на Сипингайских позициях многочисленной армией, но уклонявшегося от перехода в наступление и требовавшего все новых и новых подкреплений, успеха не ожидали. Вскоре появились сначала слухи, а потом определенные известия о готовности воюющих сторон вступить в мирные переговоры, при чем со стороны России главноуполномоченным для этих переговоров был избран С. Ю. Витте.

---

[1]) С назначением вместо него генерал-инспектором кавалерии, его помощника, ген.-лейт. Остроградского.

[2]) Прик. 18 июня 1905 г.

Совету Государственной Обороны, еще до своего окончательного сформирования, пришлось взяться за проверку наших сил и средств на случай необходимости продолжения войны с Японией.

Вместе с тем инициатор реформ в установлении мероприятий по обороне государства, генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын, опираясь на вел. кн. Николая Николаевича, добивался проведения в жизнь должности независимого от военного министра начальника Генерального Штаба. Против этого, однако, энергично восставал военный министр генерал-ад. Сахаров, указывая на связанные у нас с такой должностью неудобства в управлении военным ведомством и признавая для себя невозможным, при наличности неподчиненного ему начальника Генерального Штаба, оставаться во главе министерства. Тем не менее, невзирая на личное расположение Николая II к ген.-ад. Сахарову [1]), он на создание должности независимого от военного министра начальника Генерального Штаба из'явил согласие.

Согласно „Положения" об этой должности, об'явленного 21 июня 1905 г. [2]), начальник Генерального Штаба, будучи „непременным членом Совета Государственной Обороны", должен быть сделаться „ближайшим исполнителем высочайших указаний по службе Генерального Штаба и по разработке вопросов, относящихся до подготовки к войне"; „в действиях своих он подчинялся непосредственно верховной власти, имея, по делам, к кругу ведения его относящимся, личный доклад у е. и. в.".

21 же июня в управлении военным ведомством произошли крупные перемены личного характера: 1) военный министр, числящийся по Генеральному Штабу, генерал-ад'ютант Сахаров уволен от должности министра; 2) числящийся по Генеральному Штабу, начальник канцелярии военного министерства, заслуженный профессор военной администрации ген.-лейт. Редигер назначен управляющим военным министерством и 3) числящийся по Генеральному Штабу, начальник Штаба генерал-инспектора кавалерии генерал-лейтенант Палицин—начальником Генерального Штаба.

Должность начальника Главного Штаба была предложена генералом Редигером мне, и 28 июня состоялось назначение меня с места генерал-квартирмейстера Генерального Штаба исправляющим должность начальника Главного Штаба.

---

[1]) В бытность наследником Николай II командовал эскадроном в л.-гв. Гусарском полку, а полковник Сахаров был тогда начальником штаба 2 Гвард. кав. дивизии, пользуясь известностью, как отличный офицер генерального штаба, обладавший к тому же блестящим остроумием.

[2]) Пр. по в. в. 25 июня № 438.

Реформы и личные перемены во главе управления произошли и по морскому ведомству. 2 июня был уволен от должности главного начальника флота и морского ведомства великий князь Алексей Александрович, а 29 июня состоялось увольнение бывшего при нем управляющим морским министерством адмирала Авелана. 29 же июня, вместе с упразднением должности генерал-адмирала, морским министром и высшим руководителем морского ведомства назначен командующий флотом в Тихом Океане вице-адмирал Бирилев, с преподанием ему в рескрипте от 29 июня программы для его деятельности, в числе мер коей было поставлено: „первейшая священная обязанность морского ведомства безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр". Программа эта создалась не без участия Совета Государственной Обороны, который, продолжая находиться еще в периоде сформирования, входил уже в дела, связанные как с заключением мира, так и с предстоящими реформами в военном и морском ведомствах.

А. Ф. Редигер, занимая с 1880 г. кафедру военной администрации в Академии, а с 1884 года проходя свою службу неизменно в канцелярии военного министерства, на разработке вопросов организационных и военно-хозяйственных, естественно должен был, по вступлении на высшую административную должность по военному ведомству, взяться за реформы в области ему близкой, тем более, что все „стратегическое" отошло к начальнику Генерального Штаба. Очень скоро им была намечена программа таких реформ, и хотя состоявшаяся 1 октября ратификация мирного договора с Японией отвлекала в значительной мере внимание министерства в сторону демобилизации личного состава и тыла манджурских армий, представлявшей, и по дальности расстояний, и по затруднительности сообщений с Россией, величайшие затруднения [1]), тем не менее уже в декабре 1905 года, был

---

[1]) Внутренние волнения, возникшие в России с начала 1905 года и обострявшиеся по мере проявления неудач в войне, среди народных масс непопулярной, не могли быть устранены манифестом от 6 августа, об учреждении законосовещательной думы и привели к манифесту от 17 октября, обещавшему дарование стране различных свобод. Настроение внутри государства не могло не отозваться и на армии, с половины октября разведенной в Манджурии по зимним квартирам, и вынужденной наблюдать неизбежную медленность, с которой совершалась обратная перевозка войск в Россию, прерываемая к тому же железнодорожными и почтово-телеграфными забастовками.

3 февраля 1906 г. в командование войсками, оставленными на Дальнем Востоке, вступил ген. от инфант. Гродеков, об'явив в приказе о расформировании управлений трех манджурских армий, и этот срок приблизительно совпал с концом демобилизации.

об'явлен ряд мер, существенно влиявших на внутренний быт армии [1]).

В конце февраля 1905 г. учрежден комитет по образованию войск [2]).

О предстоящих более крупных организационных реформах, входивших в программу военного министра, а именно: 1) о сокращении срока действительной службы, 2) о разделении солдат запаса на два разряда, 3) о принятии мер к постепенному освобождению войск от выполнения своим попечением постройки обмундирования и обуви, дабы солдаты при сокращаемом сроке службы возможно менее отвлекались от строевого дела, — обо всем этом армия была оповещена посредством обнародования 7 марта 1906 года рескрипта на имя военного министра, а одобренный Государственным Советом закон о сокращении сроков службы и о разделении запаса об'явлен 26 апреля 1906 года.

Рядом с мероприятиями по омоложению солдатского состава армии, по улучшению его обучения и снабжения разными видами довольствия, были предприняты меры и к улучшению качественного состава начальствующих лиц. 6 апреля 1906 года при Совете Государственной Обороны была учреждена высшая аттестационная комиссия, на обязанность которой возложено всестороннее рассмотрение аттестаций на генеральских чинов армии, выяснение степени их пригодности к службе и представление достойных к зачислению в кандидаты на должности: командующих войсками в округах, их помощников, командиров корпусов, комендантов крепостей, начальников дивизий и отдельных бригад. Председателем этой комиссии был председатель Совета Государственной Обороны, членами ее—военный министр, начальник Генерального Штаба, генерал-инспекторы, начальник Главного Штаба, а также могли привлекаться в комиссию и командующие войсками в округах.

Исходя из мысли, что в соответственном разрешении вопроса о подготовке начальников кроется основа подготовки армии к успешному ведению боевых действий, военный министр требовал, чтобы корпусные командиры были близко знакомы со степенью подготовки к войне начальников дивизий и бригадных командиров, а те, в свою очередь с подготовкой своих подчиненных, и предложил командующим войсками в округах установить соответственные занятия высшего командного состава, начиная с командиров отдельных частей до командиров корпусов включительно.

Для того, чтобы облегчить положение командного состава, признанного не отвечающим своему назначению и потому

[1]) Прик. по в. в. 6 декабря № 769.
[2]) Прик. по в. в. 27 февраля 1906 г. № 123.

долженствующего для пользы службы оставить ряды армии, было испрошено у Государственного Совета установление такого порядка добавочных пенсий, который значительно увеличивал их, по сравнению с размерами, кои были приняты до той поры [1]).

Незадолго до открытия 1-й Государственной Думы председатель Совета министров, граф С. Ю. Витте, потребовал от всех министров представления ему программы их ближайшей деятельности [2]), каковая от военного ведомства была представлена 10 апреля 1906 г.

Из вышеизложенного видно, что реформированное военное министерство, лишенное возможности касаться по своему почину вопросов государственной обороны, перегруженное заботами о демобилизации армии, происходившей в исключительно трудных условиях, и участием в создании законодательств для нового государственного строя, тем не менее все же в течение первых девяти месяцев своего существования успело провести в жизнь ряд крупных мероприятий, направленных к качественному улучшению личного состава армии и к давно назревшему улучшению снабжения солдата.

К этому же сроку независимое от военного министра главное управление Генерального штаба еще не успело проявить своей деятельности в создании чего-либо.

---

[1]) Прик. по воен. вед. 7 мая 1906 г. № 280.

[2]) Не озаботившись подготовкой для внесения в Государственную Думу законопроектов, стражавших на себе свободы, возвещенные в манифесте от 17 октября 1905 г., граф Витте до ее открытия оставил должность председателя совета министров, на которую был назначен И. Л. Горемыкин.

1-я Государственная Дума была открыта 27 апреля 1906 г. и распущена 9 июля того же года, при чем ни одного законопроекта по военному ведомству в нее представлено не было.

Для облегчения военному министру возможности справляться со своими сложными обязанностями при новом строе, требовавшем участия главы ведомства в заседаниях об'единенного правительства (совет министров) и в заседаниях Государственных Думы и совета (а равно и в комиссиях при них) была учреждена должность помощника военного министра, на которую был назначен я, с заменою меня на должности начальника главн. штаба начальником 1-й манджурской армии ген.-лейт. Эвертом (пр. по в. в. 14 апреля 1906 г. № 237).

ГЛАВА I.

Вызов в ставку верховного главнокомандующего и назначение на должность управляющего военным министерством.

В мае 1915 года на мою долю выпал целый ряд поездок в районы армий по должности моей состоящего при е. и. в. верховном начальнике санитарной и эвакуационной части, принце Александре Петровиче Ольденбургском.

Только 8 июня мы переехали на дачу в Старый Петергоф, которая была избрана, как ближайшая ко дворцу принца, чтобы иметь более возможности получать в Петергофе какие-либо спешные и неожиданные распоряжения из походной канцелярии принца.

В четверг, 11 июня, я, по обыкновению, был с утра в Петрограде у е. в., затем участвовал в заседании комитета по оказанию помощи увечным воинам, под председательством великой княгини Ксении Александровны, и возвратился на дачу к обеду. Перед началом заседания сидевший рядом со мной вел. кн. Георгий Михайлович сообщил мне, как слух, что военный министр уходит, но кто предназначается на его место, пока неизвестно.

Едва мы успели пообедать, как по телефону от принца сообщили, что там расшифровывают для доклада е. и. в. депешу, только что полученную от верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, в которой великий князь обращается к принцу с просьбой немедленно выслать меня в ставку и притом, если нельзя с обычным вечерним поездом, то с экстренным.

Едва замолкла эта передача по телефону, как вслед за ней последовал по телефону же ряд указаний от принца, как осуществить скорейший от'езд. Прежде всего было сказано, что ко мне придет автомобиль из Петергофского дворца его высочества, а, затем, что будет прислан более сильный автомобиль из Петрограда, из числа военных, состоящих при управлении принца, дабы я мог успеть прибыть на нем в Петроград, заехать к его высочеству и оттуда проследовать на Варшавский вокзал, где меня должен был ожидать экстренный поезд, отбытие которому назначено в $11^1/_4$ час. вечера.

Времени оставалось всего около трех часов для того, чтобы выполнить эту программу.

Внезапность назначения от'ездов для сопровождения принца в частых его служебных путешествиях приучила уже собираться в несколько минут. Автомобиль из Петрограда не опоздал; путь из Петергофа был выполнен при хорошей погоде ускоренным ходом, и потому за полчаса до отхода поезда я был уже во дворце Александра Петровича, который ожидал меня с нетерпением в помещении своей походной канцелярии. Прощаясь, но не высказывая никаких предположений о цели моего вызова, взволнованно благословил меня и дал для сопровождения меня на вокзал своего ад'ютанта.

На Варшавском вокзале ожидал меня экстренный поезд из одного служебного вагона и одного вагона I класса, в котором я и поместился. Провожающих, кроме ад'ютанта принца и лиц ближайшей железнодорожной службы, никого не было.

В пятницу 12 июня, вскоре после полудня, поезд прибыл на ст. Барановичи, вблизи которой в ту пору была расположена ставка верховного главнокомандующего.

В ставке я бывал уже неоднократно и ранее, сопровождая принца А. П. Ольденбургского и являясь по его поручению к великому князю верховному главнокомандующему. Последний раз был в двадцатых числах мая с докладом о применении германцами удушливых газов на позициях 2 армии, к западу от Варшавы.

Через 10 минут езды в автомобиле, следуя сначала по улице местечка Барановичи, обставленной низенькими домиками местных жителей, приблизились к поставленным среди остатков хвойного леса деревянным зданиям, которые до войны были заняты батальоном железнодорожной бригады, а с начала войны в них разместилось управление штаба верховного главнокомандующего. На тупиках стояли поезда: огороженный забором поезд верховного главнокомандующего и несколько в стороне поезд для чинов штаба.

В поезде верховного главнокомандующего имели пребывание только его императорское высочество, начальник его штаба генерал-от-инфантерии Янушкевич, великий князь Петр Николаевич и лица ближайшей свиты, а также протопресвитер о. Г. Шавельский и иностранные военные агенты. Вагон великого князя находился между вагоном начальника штаба с одной стороны и вагоном-столовой с другой. Против этих трех вагонов виднелся одноэтажный деревянный домик, хранилище военных тайн, управление генерал-квартирмейстера генерала-от-инфантерии Данилова, где верховный главнокомандующий ежедневно по утрам выслушивал доклад о ходе военных действий за истекшие сутки.

В этот раз на станции Барановичи меня встретил ад'ютант верховного главнокомандующего и передал, что его императорское высочество меня ожидает, при чем о цели вызова меня не упомянул. От него я узнал, что государь прибыл в ставку вчера 11 июня. Императорский поезд стоял на особом тупике, отделенном от поезда верховного главнокомандующего рощей хвойных деревьев, в которой были проведены дорожки.

Когда наш автомобиль остановился против вагона верховного главнокомандующего, меня попросили войти в вагон-столовую, чтобы подождать, пока великий князь меня пригласит. Здесь некоторые из лиц свиты его императорского высочества меня поздравляли, а французский генерал, маркиз Лагиш, поздравляя меня, прибавил: „je felicite la Russie“ [1]). Мне оставалось благодарить и отвечать, что причины поздравления я не знаю.

Вскоре меня пригласили к верховному главнокомандующему. Великий князь встретил меня словами, выражавшими его удовольствие по поводу того, что государь император пожелал меня видеть. Ему неизвестно, что именно его величеству благоугодно будет мне сказать, и после представления моего его величеству, которое воспоследует вслед за окончанием приема находящегося в данную минуту у его величества статс-секретаря Кривошеина, он продолжит свой разговор со мной. Пока же дает мне совет, если были в прошлом какие-либо неясности в создавшихся отношениях, при представлении государю императору их откровенно выяснить. Затем разговор получил направление на более обыденные темы и продолжался еще несколько минут до доклада, что „дежурный флигель-ад'ютант прибыл за генералом Поливановым“.

Я вышел и на автомобиле с дежурным флигель-ад'ютантом доехал до императорского поезда. Войдя на площадку вагона, где находился его величество, я услышал голос государя, назвавший мою фамилию, и вошел в отделение вагона, которое мне показалось кабинетом. Государь стоял близ двери и, подав мне руку и поздоровавшись, после короткой паузы произнес:

— Военный министр уходит, и я решил, посоветовавшись с великим князем, назначить вас на его место.

Поклонившись и поблагодарив, я сказал, что считаю себя счастливым благодарить за милостивое доверие, особенно потому, что мне казалось, что этого доверия в 1912 году я был лишен.

На это его величество изволил ответить, что ему действительно не нравилась моя близость с Гучковым, о которой

---

[1]) Поздравляю Россию.

тогда говорили, приписывая мне подчинение взглядам Гучкова.

В этих словах я узнал мысли правой печати и некоторых лиц, близких ко двору, которые распространялись вслед за увольнением меня в апреле 1912 года с должности помощника военного министра. Эти же мысли, как предполагалось, доложенные его величеству Сухомлиновым, знавшим, что государь не любит Гучкова, послужили весьма вероятно и причиной моего тогда увольнения.

Я ответил, что не мог не иметь деловых сношений с Гучковым, как с председателем Государственной Думы и Комиссии Государственной Обороны, подобно тому, как их не могли не иметь и все министры, но что никакого подчинения моего взглядам Гучкова места не имело, а Государственная Дума, по моим докладам, отпускала всегда все кредиты на надобности военного министерства.

Сказав это, я прибавил, что, может быть, среди старших генералов армии нашелся бы кто-нибудь, более достойный меня, стать во главе министерства. На это государь ответил, что они этот вопрос обсуждали с великим князем и ни на ком из лиц в армии не остановились. Тогда я еще раз благодарил его величество за милостивое доверие и сказал, что приложу все силы оправдать его. В ответ на это государь изволил меня поцеловать и затем расспрашивал об обстоятельствах, при которых был убит мой сын, о деятельности моей при принце, о том, где я видел лейб-гвардии Гренадерский полк, и закончил прием словами: „до свидания за обедом".

Тем же порядком с дежурным флигель-ад'ютантом, я возвратился к великому князю, который, услышав от меня о последовавшем назначении, крепко меня обнял, опять посадил и в общих чертах говорил о недостатках снабжения в армии. Доложили о приходе статс-секретаря Кривошеина, который, увидя меня, посмотрел вопросительно и великий князь на это сказал ему о совершившемся, а затем, поговорив еще немного, отпустил нас обоих, сказав, что верно нам найдется многое о чем переговорить.

В соседнем вагоне я застал кроме Н. Н. Янушкевича также и Ю. Н. Данилова и, сообщив им о моем назначении, просил их найти время для подробных со мной разговоров о нуждах армии.

Затем я отправился в вагон А. В. Кривошеина, поставленный по соседству с моим вагоном, против поезда чинов штаба. Получив от него горячие поздравления и рассказав ему подробно о приеме меня государем, я услышал от него изложение современного нашего внутреннего положения.

Волнение общества, вызванное отступлением на всех фронтах нашей армии, лишенной необходимейших боевых средств,

побудило правительство пойти навстречу желаниям общества, клонившимся к удалению из состава министерства тех из лиц, присутствие которых в составе правительства служило причиной раздражения. Прежде всего министр внутренних дел Маклаков был заменен кн. Н. Б. Щербатовым, затем сегодня совершилась замена Сухомлинова мною, и остается еще удалить министра юстиции И. Г. Щегловитова и обер-прокурора св. синода В. К. Саблера. Завтра приезжает в ставку статс-секретарь Горемыкин со всем советом министров, кроме Щегловитова, Саблера, графа Игнатьева и кроме морского министра ген.-ад. Григоровича, который находится на Черном море, и вопрос о дальнейших переменах в кабинете может получить свое разрешение уже завтра. Наша беседа была прервана приходом кн. Орлова, который искренно меня приветствовал. Я понял, что А. В. Кривошеин играет главную роль в установлении такой примирительной по отношению к обществу политики.

До обеда я успел сделать визит министру двора генерал-ад'ютанту графу Фредериксу, который говорил мне много любезных слов, истинный удельный вес коих я определить затрудняюсь. Успел также послать телеграммы о моем назначении принцу Александру Петровичу и жене.

Обед был в $7^1/_2$ час. под открытым навесом; собравшиеся к обеду меня поздравляли. С правой стороны государя сидел в. к. Николай Николаевич и затем ген. Янушкевич; с левой—в. к. Петр Николаевич, и затем принц Петр Александрович Ольденбургский. Напротив государя—граф Фредерикс, правее его—я, левее—А. В. Кривошеин. Обед, как всегда, из трех скромных блюд, на металлических тарелках; перед обедом—закуска. После обеда некоторое время общий разговор.

Утро в субботу 13 июня я начал с посещения дежурного генерала ген.-лейт. Кондзеровского, начальника Военных Сообщений ген.-лейт. Ронжина и протопресвитера о. Шавельского; первых двух не видел, а о. протопресвитер дружественно благословил меня иконой св. Сергия Радонежского.

По принятому в ставке порядку ежедневно в 10 час. утра верховный главнокомандующий шел в домик, занятый управлением генерал-квартирмейстера, и там, в комнате генерал-квартирмейстера, выслушивал доклад генералов Янушкевича и Данилова о ходе военных действий и донесениях, поступивших в течение истекших суток. Когда государь император присутствовал в ставке, то в этот же час и там же доклад происходил в присутствии его величества и, затем, кроме поименованных лиц, при подобных докладах, ради соблюдения военной тайны, обыкновенно никто больше не присутствовал. Мне сказали, что в тех случаях, когда в ставку прибыл воен-

ный министр генерал-ад'ютант Сухомлинов, и он к присутствованию на таковых докладах приглашения не получал.

Это последнее обстоятельство, об'ясняемое, может быть, недоверием вел. кн. Николая Николаевича к генерал-ад'ютанту Сухомлинову, было однако способно лишить военного министра возможности в тех относительно редких случаях, когда он мог бы получить подробную осведомленность о расположении наших армий и внести на основании такой осведомленности поправки в свои соображения о сроках и размерах подготовки для армии сил и средств в подведомственном ему районе внутри империи. Особенно важно было мне, как лицу, вступающему в управление военным министерством в обстоятельствах исключительных, окунуться сразу в первоисточник наших стратегических соображений и известий. Поэтому все эти мысли я высказал еще накануне генералу Янушкевичу и получил через него указание великого князя быть к 10 час. утра у домика, где помещалось управление генерала Данилова, на случай, если его величество, по докладе о сем великого князя, соизволит на допущение меня к слушанию доклада.

К назначенному часу я пришел на аллею, которая тянулась вдоль поезда верховного главнокомандующего, и великий князь, следуя к крыльцу домика для встречи государя, приближавшегося от своего поезда, подтвердил мне, что он доложит его величеству о моем присутствовании на докладе, и тут же посоветовал, если у меня имеются вопросы к его величеству, то обратиться с ними после доклада, и государь, охотно делающий в эту пору прогулку по аллее, вероятно выслушает меня во время прогулки. Государь подошел к крыльцу, был встречен великим князем и генералами Янушкевичем и Даниловым, и я тотчас же получил приглашение войти вместе с ними.

В кабинете ген. Данилова на длинном столе была разложена 10-верстная карта с размеченным на ней расположением наших и неприятельских войск к вечеру 12-го июня; на стене бросалась в глаза медная доска с вырезанной на ней надписью, гласившей, что в этой комнате его величество изволит принимать доклады по генерал-квартирмейстерской части [1].

Его величество занял место за столом, рядом сел великий князь, а затем я. Начальник штаба, стоя, по рукописи, которая у него была в руках, упоминал о том, что произошло в истекшие сутки на наших фронтах, начиная с севера, с Шавельского района и закончив на юге Днестровско-Прутским

[1]) Лицу, поспешившему в начале первого года войны поставить эту доску для увековечения памяти о свершавшемся в скромном домике, очевидно не приходила в голову возможность, что Барановичи могут быть уступлены неприятелю.

районом, при чем тут же попутно сообщал и о замеченном у неприятеля. После перечня фактов на нашем Европейском театре войны, таким же образом было доложено и о случившемся на фронте Кавказской армии. Генерал Данилов, в то же время, следя за докладом по карте, указывал карандашом те пункты местности, о которых упоминалось в докладе начальника штаба.

Так как никаких крупных событий за 12-е июня на фронтах не произошло, то доклад, продолжавшийся около часу, свелся к длинному ряду коротких определений: в таком-то корпусе без перемен, в такой-то дивизии две роты сделали то-то, в такой-то дивизии перестрелка, против такого-то корпуса замечен такой-то неприятельский полк, который по прежним сведениям считался на французском фронте, и т. п.

После выхода государя из домика, я испросил разрешение доложить несколько вопросов, на что воспоследовало согласие, и его величество прошел затем в моем сопровождении несколько раз по аллее вдоль поезда великого князя.

Прежде всего я доложил, что затрудняюсь сохранить на должности помощника военного министра инженера-генерала Вернандера, который настолько старше меня, что был моим преподавателем в училище, и прошу об отчислении его в Государственный Совет, членом коего он уже состоит, на что согласие последовало [1]). Затем я испросил принципиальное одобрение мерам по привлечению к службе в военном министерстве лиц, пробывших долго в действующей армии и преимущественно из раненых или ослабевших в здоровьи, упомянув, что намерен начать с замены таким путем секретаря при военном министре известного его величеству по скрепке подписей на копиях Зотимова, достигшего в короткое время чина действ. статск. советн. и награждения орденом св. Анны I ст., при каковых отличиях он должность секретаря уже

---

[1]) А. П. Вернандер, прежде всего, стремился угождать начальству, делалось это умело, применяясь к обстоятельствам, и потому слыл умным человеком. Имея большой опыт в возведении крепостных построек, он застыл на старых формах фортификации, не усваивал себе значения военно-технических усовершенствований, их не искал и, в общем, на должности начальника главного инженерного управления и генерал-инспектора по инженерной части (1897—1912) не поднял до уровня современности ни военно-техническую подготовку офицеров инженерного корпуса, ни материальную часть инженерных войск. Как помощник военного министра при ген.-ад. Сухомлинове, держал себя весьма осторожно, дабы не возбудить его ревности и в этих видах устранил себя от всякой инициативы в деле подготовки к войне; его мудрая осторожность привела к исходатайствованию ему накануне войны звания члена государственного совета. *Примеч. автора.*

А. П. Вернандер заменил в 1912 г. ген. Поливанова на должности помощника военного министра. Мнение о Вернандере пристрастное во всех отношениях. *Примеч. редактора.*

перерос [1]. Наконец, последнее, что я испросил, это—разрешение в первом же заседании военного совета об'явить от имени его величества благодарность членам совета за усиленные труды в последнее время по рассмотрению различных мероприятий для армии. Таким способом я хотел поднять в глазах членов военного совета их значение, как бы несколько упавшее со времени издания 7-го июня „Положения об особом совещании для об'единения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения". Весь мой доклад был выслушан весьма милостиво при хорошем расположении.

За завтраком было такое же размещение лиц, как и вчера, и мне показалось, что к моему появлению вблизи начинают привыкать, чего я не сказал бы еще вчера.

Вскоре после завтрака должен был прибыть поезд с министрами; я пошел к тому месту на тупиках, куда поезд направлялся, и вскоре увидел спускающихся из вагона на полотно дороги, одетых в белые кителя с орденами: П. А. Харитонова, П. Л. Барка, С. Д. Сазонова, С. В. Рухлова, кн. В. Н. Шаховского и кн. Н. Б. Щербатова. Я сообщил им о моем назначении и получил приветствия весьма дружественные. И. Л. Горемыкин со станции Барановичи проехал в экипаже к вагону великого князя; мы все туда также отправились пешком и в ожидании, пока великий князь окончит прием председателя Совета Министров, разместились на скамейках, поставленных на аллее близ вагона. Появились фотографические аппараты, следившие за образованием групп.

После выхода великого князя, в сопровождении И. Л. Горемыкина, последний тоже выразил мне удовольствие по поводу моего назначения [2]), и мы вскоре все пошли в его вагон для совещания перед докладом его государю.

На совещании прежде всего остановились на вопросе о замещении новыми лицами должностей министра юстиции вместо И. Г. Щегловитова, уход которого считался решенным, и обер-прокурора Святейшего Синода вместо В. К. Саблера, уход которого признавался необходимым, хотя согласия его величества на сие еще не имелось.

Вместо Щегловитова предполагались А. А. Хвостов и сенатор Милютин, при чем обсуждение сопровождалось внима-

---

[1]) О таком, сравнительно, малозначущем обстоятельстве, как перемена личного секретаря, я упомянул потому, что на пути удаления доверенного при ген.-ад. Сухомлинове лица, д. с. с. Зотимова, предвидел некоторые затруднения, что потом и оказалось справедливым.

[2]) Зимой 1914 года И. Л. Горемыкин вызывал меня к себе на квартиру и, собираясь отправиться в Ставку, спрашивал меня, согласился бы я принять должность Варшавского генерал-губернатора; я не отказался, но великий князь тогда мою кандидатуру отклонил и был назначен генерал кн. Енгалычев.

тельным, но безрезультатным по последствиям просмотром списка членов Государственного Совета и сенаторов. Так как за А. А. Хвостова стоял И. Л. Горемыкин, знавший его по прежней совместной службе, то на этом выборе и остановились.

Вместо В. К. Саблера единогласно остановились на А. Д. Самарине, признав, что это лицо, кроме общего уваженин, имеет за собой в частности и симпатии Москвы и дворянства.

Затем, остановились на мысли, что, после тех перемен в составе правительства, которые имеют целью успокоить взволнованное общественное мнение, необходимо еще в тех же видах обнародование такого обращения со стороны верховной власти, которое, ободряя общество, призывало бы его в то же время к совместной с правительством работе для подготовки победы и указало бы на предстоящий созыв Государственной Думы, после продолжительного перерыва в ее деятельности. Такое обращение А. В. Кривошеин предложил сделать в форме высочайшего рескрипта на имя председателя Совета Министров, проект которого он тут же и прочитал и который и был одобрен.

После совещания И. Л. Горемыкин отправился с докладом к государю и, по возвращении его с доклада, сделалось известным, что избрание Хвостова и Самарина не встретило возражений и что заседание Совета Министров, под председательством его величества, назначено на завтра в 2 часа.

В $7^1/_2$ часов состоялся обед в присутствии государя, с участием всех прибывших министров, при чем мне пришлось сидеть по левую сторону графа Фредерикса (по правую сидел И. Л. Горемыкин). За обедом разговор государя коснулся истории, и я рассказал о П. Я. Дашкове, скончавшемся так рано для русской истории и о его знаменитом собрании рукописей и гравюр, причем в этом разговоре принимал участие и великий князь Николай Николаевич, знавший покойного Дашкова.

После обеда князь Орлов советовался со мной, как составить указ об отчислении ген. Вернандера, и из его слов я узнал, что в указе о моем назначении будет сказано, что я назначаюсь „Управляющим Военным Министерством", а не военным министром, как можно было бы думать, принимая во внимание, что я около шести лет (1906 — 1912) был помощником военного министра и в течение этого периода многократно получил высочайшую благодарность за успешное выполнение обязанностей военного министра.

Вечером я был у Н. Н. Янушкевича и у Ю. Н. Данилова и выслушал от них заявления о тех нуждах армии, которые Военное Министерство должно удовлетворить прежде всего и размер которых, как оказалось, громаден, особливо в винтов-

ках и пушечных снарядах. Говоря с ними о необходимости мне избрать себе не одного, вероятно, а двух помощников, я услышал от них благоприятные отзывы о деятельности и. д. начальника Генерального Штаба ген.-от-инф. Беляева и и. д. начальника Канцелярии Военного Министерства ген.-лейт. Лукомского. В тот же день я получил добрую ответную телеграмму от принца А. П. Ольденбургского: „Радуюсь за государя, радуюсь за Россию и со всеми кто вас любит и глубоко уважает".

В воскресенье 14 июня в 10 часов утра я опять прибыл к домику управления генерал-квартирмейстера для присутствования при докладе его величеству.

Напор австро-германцев продолжался и на левом берегу Вислы и в Галиции, но доклад носил такой же, как и вчера, характер выслеживания по карте с севера на юг отдельных эпизодов, без всякой попытки связать общей мыслью предшествовавшее с настоящим и тем более высказать предположения о будущем.

Не было никакой речи о задачах фронтов и армий, поставленных им главнокомандующим, не было речи и о вероятных действиях групп неприятельских армий. Получалось впечатление, что есть длиннейшая линия русских корпусов и дивизий и против них линия неприятельских войск и между отдельными точками этих линий происходят столкновения, не связанные ни с той ни с другой стороны какой-либо руководящей мыслью,—хаос военных событий, управляемых случайностью. Если еще принять во внимание, что не упоминалось ни о размере наших потерь, ни о деятельности тыла в смысле обеспечения наших армий боевыми и материальными средствами, то я не сделаю ошибки, если скажу, что из обоих прослушанных мною вчера и сегодня докладов я не вынес никаких отправных положений для моей будущей деятельности по снабжению армий, и таковые отправные положения были мною получены, безотносительно к оставшемуся мне неизвестным плану военных действий, вчера от генералов Янушкевича и Данилова.

Разумеется, эти общие руководящие мысли могли быть проявлены в одном из предшествовавших докладов, на которых я не присутствовал.

По случаю воскресного дня все отправились к обедне в церковь жел.-дор. бригады; богослужение совершал о. протопресвитер Шавельский с каким-то великолепным диаконом [1]) и небольшим, но хорошим хором певчих. В храме виднелись старинные иконы, нарочно сюда доставленные. Государь стоял на клиросе, так что его не было видно. В числе молящихся

[1]) Протодиакон Л.-Гв. Егерского полка. *Ред.*

впереди виднелся французский генерал маркиз Лагиш, посещающий, по его словам, нашу церковь во все праздничные дни.

По выходе из церкви и перед завтраком в роще опять работали фотографы, пожелавшие на этот раз снять меня отдельно.

После завтрака его величество соизволил сделать заседание Совета Министров под тем же открытым навесом, который служил столовой, чему благоприятствовал ясный, солнечный день.

Государь занял место в центре стола; с левой стороны от его величества сел председатель Совета Министров, с правой великий князь верховный главнокомандующий, имея правее себя начальника Штаба генерала Янушкевича, а еще правее сел я. За этим же столом разместились прочие министры, а на левом краю сел главноначальствующий в Москве и командующий войсками московского военного округа, генерал-ад'ютант князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон, который сегодня прибыл в Ставку для доклада о беспорядках, имевших недавно место в Москве.

Заседание началось с его доклада. Подробно сопровождая свое изложение чтением документов из толстой папки лежавших перед ним бумаг, волнуясь и жестикулируя, князь Юсупов передавал свои впечатления о московских событиях, заняв своим рассказом около двух часов, прерываемым иногда вопросами министров. Доказывая, что беспорядки развились, благодаря бездействию малочисленной и неудовлетворительной московской полиции, он, однако, оставил впечатление, что корень этих беспорядков в его личном, невольном может быть, натравливании населения и рабочих на немцев. После ухода князя Юсупова, Совет Министров перешел к обсуждению вопросов, связанных с необходимостью подготовить укомплектования для армии, ныне весьма в своем составе ослабленной. Результат этих суждений был на другой день (15 июня) изложен мною в памятной записке, посланной и. д. начальника Генерального Штаба [1]).

После этого было испрошено согласие его величества на обнародование в рескрипте на имя председателя Совета Министров тех обращений, имевшие целью вселить бодрость в общественное настроение, о котором говорилось вчера.

Вслед за сим, его величество изволил удалиться к себе в вагон, а министры просили верховного главнокомандующего прослушать проект упомянутого рескрипта, при чем великий князь внес несколько метких редакционных замечаний. Тут же А. В. Кривошеин и еще некоторые министры высказали великому князю свое мнение о пользе такого рода

---

[1]) Записка от 15 июня 1915 г. Арх. Гл. Упр. Ген. Штаба. *Ред.*

об'единений „Ставки с правительством", какое было впервые сегодня, когда общие для армии и для страны мероприятия подвергались совместному обсуждению верховного управления армии и Совета Министров и получали немедленное решение, согласованное с интересами армии. На основании такого целесообразного опыта высказывалась мысль о желательности повторения в будущем таких же собраний в Ставке.

Рескрипт был подписан его величеством в тот же день [1]).

Государь изволил выйти к собравшимся еще раз, чтобы дать свое изображение на фотографической группе вместе с лицами, принимавшими участие в заседании.

Великий князь высказал мне, что предоставление ген.-ад'ютанту князю Юсупову командования войсками московского округа [2]) он признает нецелесообразным по его малой опытности в управлении войсками (командовал только Кавалергардским полком и то несколько лет тому назад), среди которых громадное количество запасных батальонов, требующих особого умелого руководства в их обучении. Поэтому предлагается со своей стороны оставить за князем Юсуповым обязанности главноначальствующего в Москве, а военную часть передать состоящему в распоряжении великого князя генералу-от-инфантерии Ольховскому.

Разделяя вполне справедливость этого указания, я подошел к его величеству, доложил эти соображения и получил согласие.

В ожидании часа обеда опять разошлись по вагонам, при чем фотографы неустанно выставляли свои аппараты на группы следовавших министров. Сделалось известным, что от'езд министров в Петроград назначен сегодня вечером.

Мне надо было наладить свой квартирный вопрос. К 1 августа квартиру нашу на Пантелеймоновской улице мы должны были очистить, а дом военного министра на Мойке, после выезда из него ген.-ад'ютанта Сухомлинова, требовал, конечно, некоторого ремонта. Езда же из Петрограда на дачу в Старый Петергоф особливо во время пребывания его величества в Царском Селе была бы сопряжена с большой потерей во времени. Поэтому я, переговорив ранее с дворцовым комендантом св. е. в. ген.-м. Воейковым, обратился к министру Двора с просьбой, не найдет ли он возможным отвести мне какое-нибудь помещение в Царском Селе. Граф Фредерикс охотно из'явил на это согласие, оговорившись очень любезно,

---

[1]) Рескрипт на имя председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина из Ставки от 14 июня 1915 г. *Ред.*

[2]) Он был назначен в Москву после ген.-от-инф. Сандецкого, деятельностью которого бывший военный министр ген.-ад'ютант Сухомлинов был недоволен и который был отчислен в распоряжение верховного главнокомандующего.

что он сожалеет лишь об одном, что помещение, которое имеется свободным, находится в третьем этаже и может быть не так удобно, как бы это было ему желательно. После обеда он мне передал, что государь император соизвол на предоставление мне этого помещения со столом от Двора.

За обедом в высочайшем присутствии находились: ст.-секретарь Горемыкин и все министры и после обеда его величество, прежде чем проститься с от'езжающими, с ними разговаривал; меня государь напутствовал пожеланиями успеха в предстоящей деятельности.

Откланявшись великому князю, разошлись по вагонам, и поезд тронулся, когда уже стемнело. В соседнем вагоне с моим оказался управляющий министерством внутренних дел князь Н. Б. Щербатов. Я зашел к нему, рассчитывая услышать от него что-нибудь по части наших „внутренних дел", но он быстро перевел разговор на свои впечатления о конских запасах при армии, которые он осматривал в должности главноуправляющего государственным коннозаводством, по просьбе верховного главнокомандующего, потом на свои впечатления о поставке лошадей по военно-конской повинности и, наконец, на состояние лошадей в запасных эскадронах, причем очень неодобрительно относился к деятельности инспектора ремонтов, известного „балетомана" ген. Винтумова.

Утром в понедельник 15 июня ко мне в вагон зашел А. В. Кривошеин, мы долго беседовали по вопросам и военного и гражданского характера,

При поезде оказался вагон-ресторан, в котором все собрались к завтраку не задолго до прибытия в Петроград.

ГЛАВА II.

Вступление в Управление Военным Министерством.

Еще из ставки я распорядился, чтобы никто из чинов министерства не трудился меня, по приезде в Петроград, встречать на станции, а потому, по выходе на вокзале Варшавской жел. дор. из вагона я увидел только назначенного при мне дежурного офицера фельд'егерского корпуса и начальника этого корпуса.

Я просил также предварить секретаря при военном министре д. ст. сов. Зотимова, что я имею в виду заместить его другим лицом, а пока ему надлежит, еще до моего приезда, передать свои обязанности помощнику своему. Упомянутый Зотимов, будучи генерал-ад'ютантом Сухомлиновым, в качестве его доверенного лица, награжден вне всяких правил, в период между моим уходом из военного министерства в 1912 году и возвращением в 1915 году, обратился из статского советника в действительного статского с двумя орденскими звездами, заработал не малое число тысяч на прогонных деньгах, но все это, усилив его важность перед младшими и услужливость перед сильными, не расширило умственных горизонтов бывшего писаря и едва ли возвысило его нравственные побуждения. Поэтому сохранить его при себе меня не привлекало, тем более, что я считал целесообразным иметь на должности секретаря при себе лицо с таким образованием, которое могло бы облегчить мне мои личные труды, доставляя разнообразные справки, докладывая второстепенные бумаги и исполняя устные и письменные, в том числе и на иностранных языках [1]).

---

[1]) Чтобы закончить упоминания о д. с. с. Зотимове, прибавлю, что вскоре я получил письмо от министра двора с приложением собственноручной всеподдан. записки ген.-ад. Сухомлинова, в которой он излагал, что „достойного секретаря, служившего пяти министрам“, ген. Поливанов выгоняет на улицу и потому ходатайствует о назначении ему пенсии по 3/т. руб. в год; я ответил гр. Фредериксу, что д. с. с. Зотимова я удаляю с должности, но не выгоняю со службы, так как он будет числиться в резерве чинов армии и получать содержание, что делает преждевременным решение об определении ему размера пенсии.

13-го июня в газетах был помещен обративший на себя общее внимание приказ по военному министерству, в котором ген.-ад. Сухомлинов об'явил о передаче им по высочайшему повелению управления министерством своему помощнику генералу Вернандеру.

Обстоятельства сему предшествовавшие были таковы: в пятницу 12 июня генерал-ад'ютант Сухомлинов, присутствуя в заседании совета министров, получил от государя письмо, которое тут же и показал некоторым министрам.

Текст этого письма, если верить присланной мне известным кн. Андронниковым [1]) уже в день моего приезда в Петроград копии таков:

Ставка 11 июня.

Владимир Александрович.

После долгого раздумывания, Я пришел к заключению, что в интересах России и армии ваш уход необходим в настоящую минуту. Поговорив с вел. кн. Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом.

Пишу вам это, чтобы вы от меня первого узнали. Мне очень тяжело сказать вам об этом, тем более, что я вчера только вас видел.

Сколько лет мы с вами работали и никогда между нами не было недоразумений. Благодарю вас, что вы положили столько труда и сил на благо нашей родной армии.

Беспристрастная история будет более снисходительна, чем суждение современников.

Передайте вашу должность генералу Вернандеру.

Господь с вами.

Уважающий вас

Николай.

---

[1]) Кн. Михаила Михаиловича Андронникова, упоминание о котором встретится, вероятно, и у других лиц, составляющих записки о событиях 1905—6 годов, сделался мне впервые известным, когда я был начальником Главного Штаба при военном министре ген. Редигере. В ту тревожную эпоху он проник к председателю совета министров графу Витте и, приняв деловой вид, с портфелем в руках ездил от графа Витте к министрам и к градоначальнику; появился он у меня, как у начальника Главного Штаба, привез мне собственноручную записку графа Витте, адресованную А. Ф. Редигеру с просьбой дать денежную помощь газете, издаваемой рабочим Ушаковым для рабочих. В бытность мою помощником военного министра А. Ф. Редигера (1905—1909 гг.) кн. Андронников старался посещать меня; являясь посланником из Мраморного дворца или от королевы Эллинов, или от ген. Павла Егоровича Кеппена, находившего какой-нибудь предмет заботы по деятельности главного начальника военно-учебных заведений вел. кн. Константина Константиновича и по условиям жизни в Туркестане вел. кн. Николая Константиновича. При всех этих посещениях ад'ютант господа бога, не искавший для себя ничего, ибо все, что нужно ему—щи и каша у него имеются", говорил о тех обменах мысли, кои ему доступны по отношению

Побывав в Александро-Невской лавре [1]), я приехал в канцелярию военного министра к и. д. начальника канцелярии ген.-лейт. А. С. Лукомскому, чтобы подписать приказ о вступлении в должность и условиться о ближайшем порядке моих занятий. Делать визиты генерал-ад'ютанту Сухомлинову и генералу Вернандеру я признал излишним, ибо мое посещение ни тому, ни другому приятно быть не могло, а в служебном отношении мне пользы бы не принесло, ибо течение дел мне становилось ясным из докладов старших чинов министерства.

к высшим особам, пылал ненавистью к П. А. Столыпину, отчасти к А. В. Кривошеину, и заявлял, что он очень рассчитывает на успех во вверенных мне делах. Так продолжалось до конца лета 1909 г.; в течение этого лета я исполнил обязанности военного министра, за отсутствием А. Ф. Редигера, отбывшего с молодой женой в заграничный отпуск. Совершенно для всех неожиданно государь прислал мне для напечатания рескрипт председателю Совета Государственной Обороны вел. кн. Николаю Николаевичу с освобождением его от этой должности и с упоминанием, что указания о необходимейших для военного дела мероприятиях даны военному министру. Появление этого рескрипта в печати вызвало письмо ко мне А. Ф. Редигера из-за границы с просьбой выяснить создавшуюся обстановку в управлении военным министерством, а вслед за ним появился у меня и кн. Андронников с такой же просьбой, дабы он со своей стороны мог успокоить А. Ф. Редигера. На это сие лицо получило от меня ответ, что все, что нужно я сам напишу военному министру. Неудовлетворенное любопытство имело последствием обвинение меня кн. Андронниковым в „генеральском бюрократизме" и угрозу с его стороны пожаловаться на меня А. Ф. Редигеру. После этого я уклонялся от приемов кн. Андронникова, который проник впоследствии и к военному министру ген. Сухомлинову, сделался близким лицом в его доме, и неоднократно пытался обратить внимание его на мою недоступность. В апреле 1912 года, когда после отчисления моего от должности помощника военного министра в Государственный Совет, я был с визитом у графа Витте; граф мне сказал, что ему было известно ранее о моем предстоящем увольнении, ибо у него был кн. Андронников и передал ему, что он едет с военным министром в Ливадию, когда оттуда вернутся, то „генерала Поливанова в военном министерстве не будет".

После всего здесь изложенного не лишено интереса содержание письма ко мне кн. Андронникова от 15 июня 1915 года:

„Осенив себя крестным знамением, приношу вам мое сердечное поздравление с назначением вас военным министром. Никогда еще справедливость так не торжествовала, как в данном случае. Дай вам господь силы и здравия для вашей плодотворной творческой деятельности на испытанном уже вами поприще и, главным образом, для искоренения государственных преступлений, наделанных вашим бесславным предшественником, с которым я в течение целого последнего года вел самую упорную борьбу на жизнь и на смерть, разоблачая даже перед самым престолом его гнусные проделки.

Правду можно распять, но не уничтожить, ибо она всегда воскреснет".

При письме была приложена копия приведенного выше рескрипта на имя ген.-ад. Сухомлинова и выражалось „нетерпение повидать меня хотя бы на одну минутку".

Принят мною кн. Андронников не был после этого письма ни разу.

[1]) В ней похоронен единственный сын А. А. Поливанова, убитый на войне. *Ред.*

Из будущих сотрудников я сделал визиты: главному интенданту генералу Д. С. Шуваеву [1]), узнав, что он чувствует себя не совсем хорошо и, имея в виду в ближайшем же будущем ознакомиться с ходом дела по интендантскому снабжению армии, и начальнику главного управления военно-учебных заведений генералу А. Ф. Забелину, с которым у меня издавна были добрые личные отношения. В тот же день я попросил себе приема у е. и. в. принца А. П. Ольденбургского, где был встречен, как самим принцем, так и окружающими его, самым теплым образом.

Заезжал также к морскому министру ген.-ад. Григоровичу, от которого получил приветственную телеграмму.

Заехав перед вечером на автомобиле за министром финансов П. Л. Барком, который также жил на даче в Петергофе, отвез его на его дачу и затем отбыл к себе.

Утром 16 июня письменный мой стол в канцелярии военного министерства был буквально загромождён пакетами, письмами и телеграммами, поступившими в усиленном размере после ослабления за ближайшие дни деятельности во главе министерства.

Важнейшее, что мне представлялось необходимым сделать прежде всего, это личный призыв к усиленной деятельности ближайших сотрудников по снабжению армии, после ознакомления из их докладов с характером и об'емом того, что уже делается.

У меня всецело сохранилось в памяти впечатление той неподготовленности к согласованной работе по заготовлению материального снабжения армии, которую я застал в главных управлениях министерства в конце 1907 года, когда на мою долю выпало руководство мероприятиями по восстановлению военных запасов и по обеспечению армии необходимыми средствами после утраты таковых во время русско-японской войны. Только в течение нескольких лет при деятельной помощи Государственной Думы, удалось тогда много разнообразных затруднений на этом поприще преодолеть, и 13 апреля 1912 года, в последней речи моей в закрытом заседании Думы, я мог сказать и доказывать, что дело по фактическому выполнению заготовлений наконец пошло в ход, при чем отсталость усматривается главным образом в изготовлении артиллерийских снарядов.

---

[1]) В 1909 году, по личному выбору ген. Сухомлинова, знавшего его в качестве заботливого по хозяйству начальника 5 пех. дивизии был назначен главным интендантом с должности командира 2 Кавказского корпуса и надо признать, что ген. Шуваеву удалось вывести интендантское ведомство из того бесхозяйственного и недоброкачественного тупика, в котором оно находилось (Впоследствии Шуваев заменил Поливанова на посту военного министра).

Ред.

Свершившийся в том же апреле 1912 года мой уход из военного министерства не повлек за собой введения в упомянутое большое и сложное дело дальнейшего увеличения энергии, ибо склонность главных управлений к рутине осталась, а руководство ими ослабело. Громадные шаги вперед, которые делала на западе военная техника, отражались на нашей армии не так быстро, как это требовал бы урок, нанесенный нам русско-японской войной, и происходило это, не только вследствие слабого развития у нас соответственных отраслей промышленности, но, главным образом, вследствие недостаточного проникновения в руководящую военную среду значения техники на войне.

Военно-декоративная часть заслоняла военно-техническую, и выбор цвета сукна для мундира нового гусарского полка мог привлечь к себе больше внимания нежели вопрос о целесообразности беспроводного телеграфирования на войне, или о применении в бою дымной завесы [1]). Образованный в 1910 году Комитет Генерального Штаба, который по идее, в него положенной, должен был побуждать к разработке главными управлениями мероприятий по подготовке к войне, не давал со своей стороны толчков в вопросах боевого снабжения армии.

Картина происходившего в военном министерстве, в смысле подготовки к войне, после 1912 года, мне в главных чертах

---

[1]) Характерен для подтверждения мысли о том направлении, которое создалось у старших войсковых начальников, приказ по гвардейскому корпусу, об'явленный в период лагерных сборов, а именно 29 июня 1910 года.

„В виду возбужденного вопроса, имеют ли право офицеры брить или коротко стричь усы, по моей просьбе, я получил от прокурора С.-Петербургского Окружного Суда следующее указание на действующие ныне законы.

Ст. 885 кн. VII Св. В. Пост. гласит: все генералы, штаб и обер-офицеры и нижние чины всех родов войск, равно и все чиновники военного ведомства должны носить усы.

Относительно ношения бороды постановлено: а) все генералы, штаб и обер-офицеры и военные чиновники могут носить бороду по желанию; б) могут также носить бороду и все нижние чины; в) нижним чинам войск гвардии и гренадер бород не брить.

Примечание. В 1901 году высочайше повелено юнкерам военных и юнкерских училищ разрешить носить усы, бороду и бакенбарды.

От себя добавлю, что мода не должна пересиливать закон, тем более, что в данном случае мода не носить усов идет от весьма вредного источника, желающего войска отрешить от их рыцарских традиций и довести их до степени милиции.

Российская императорская старая гвардия, стойкая в своих традициях, сумеет уберечь себя от вредных течений моды и останется на высоте ограждающего ее закона“.

Над этим приказом смеялись младшие офицеры; старшие же чины, стоящие на верху, улыбались, но внутри себя сочувствовали тому, что корпусный командир „подтягивает“.

была видна из рассмотрения поступавших в финансовую комиссию Государственного Совета законопроектов об отпуске кредитов на нужды снабжения армии. По принятому, однако, в Государственном Совете порядку, который особенно поддерживался правой группой и в том числе лидером ее П. Н. Дурново, а также А. Ф. Редигером, никакая критика мероприятий военного ведомства не допускалась. При рассмотрении же секретных законопроектов по снабжению армии в ближайшие годы, когда возраст П. Н. Дурново дал себя заметно почувствовать, уклонялись даже от пред'явления вопросов, способных пояснить степень возрастания нашей боевой готовности, а, если кто-либо таковые пред'являл, то получались замечания: „это не наше дело, зачем нам в это входить".

В конце 1913 года военные приготовления Германии сделались весьма заметными, а тон немецкой печати возрастал в своей воинственности. Появившаяся в номере вечерних „Биржевых Ведомостей" от 27 февраля 1914 года статья под заглавием „Россия хочет мира, но готова к войне", с указанием на авторитетный источник ее происхождения, ошеломляла легкомысленной хвастливостью, доказывая, что у нас, в случае войны, недостатка в предметах снабжения армии быть не может. К сожалению, эта статья соответствовала действительному в ту пору взгляду на этот предмет военного министерства, ибо назревшие события не поставили на очередь безотлагательную подготовку к усилению производства боевых средств. Милый и талантливый профессор военного

При таком выдвижении на первый план в военном деле второстепенного понятно, что при появлении у нас в войсках аэропланов, некоторые старшие начальники прежде всего были озабочены возможностью пропустить их на воздухе при равнении их между собой, вслед за церемониальным маршем войск на параде.

Примечание Ред.: Занимая в описываемый период (1908—1912 г.г.) пост командира 1 бр. 1 гв. пех. див., я свидетельствую, что автор дневника в данном случае безусловно утрирует. Упомянутый секретный приказ действительно был отдан к-ром гв. к-са ген.-ад. В. Н. Даниловым, назначенным на этот пост, в виду его дутой репутации в японскую войну. В описываемое время три четверти старших войсковых начальников войск гвардии были из лиц с высшим военным образованием, прошедшие на ответственных местах боевую страду японской войны. Разумеется, сочувствовать таким приказам Данилова мы не могли и принимали все дозволенные и недозволенные меры к тому, чтобы нам дали другого командира корпуса. Поливанов, продукт канцелярий, всегда был очень далек от войск, чем и можно об'яснить, что на единичном уродливом факте, он строит несправедливую картину работы целой массы строевых начальников, чувствовавших на себе японскую пощечину. К сожалению, сам А. А. Поливанов, игравший в то время большую роль, как помощник военного министра и имевший голос в Высшей Аттестационной Комиссии, не годнял голоса об увольнении Данилова. Существование такого корпусного командира в известной доле ложится и на совесть автора мемуаров.

хозяйства ген.-лейт. Н. Н. Янушкевич [1]), сделавшийся весной 1914 года неожиданно и для себя, и для всей нашей армии начальником Генерального Штаба, мог успеть до войны изучить кое-какие планы, касающиеся боевого фронта, т.-е. дело совсем не по его прежней специальности, а до практических забот об устройстве тыла, чему он ранее посвятил много теоретической работы, дойти не успел.

На втором месяце войны мы потерпели тяжелые неудачи в Восточной Пруссии: были разбиты армия генерала Самсонова, потерявшая XIII и XV корпуса, и армия ген.-ад. Ренненкампфа, с потерей около 100 тыс. человек и 150 орудий. Длившаяся около 3 недель Галицийская битва, отдавшая в наши руки всю Галицию, потребовала громадного расхода боевых средств. Удачное вслед за тем оттеснение германцев от р. Вислы вселило в нашем верховном управлении армиями радужные надежды, которые вылились в реляции от 25 октября 1914 г. следующими словами: „Расширяя в течение 18 дней наш успех по всему 500-верстному фронту, мы сломили повсюду сопротивление врага, который находится в полном отступлении.... Одержанная победа позволяет нашим войскам перейти к новым задачам, с приступом к которым начнется новый период кампании".

Эти надежды, однако, не оправдались, и мы постепенно вступили в самый тяжелый период войны.

Подвезенные германцами подкрепления вынудили нас отойти в начале декабря на фронт р. Бзуры, р. Равки до Опочно, р. Ниды и р. Дунайца и втянуться в позиционную войну [2]).

В конце декабря мне пришлось, исполняя поручения е. и. в. верховного начальника санитарной и эвакуационной части, быть в 1 армии (ген. Литвинова) на р. Бзуре и в 5 армии (ген. Плеве) на р. Равке для личного ознакомления с ходом заболеваний, и я слышал там горькие жалобы на малое количество снарядов. Пехота, привыкшая в начале войны к мощной поддержке огнем артиллерии, это поддержки в прежнем размере уже не видела, и это действовало угнетающим образом на дух наших бойцов.

9 марта нам сдался Перемышль, а через месяц после этого начались наши неудачи и на Галицийском фронте [3]). 14 апреля

---

[1]) Помощник н-ка канцелярии воен. министерства ген. Янушкевич 20-го января 1913 г. получил назначение быть начальником рассадника службы и работы генерального штаба нашей военной академии, а 5 марта 1914 г., едва успев в академии кое-что переделать из военно-практичного, занесенного туда молодыми талантливыми профессорами из Франции, вновь на военно-книжное, он уже был начальником Генерального Штаба, т.-е. руководителем государственной обороны.

[2]) Пользоваться картой масштаба 40 в. в дюйме. (*Ред.*).

[3]) Как следствие прорыва на Карпатах Мекензеном 3-й русской армии. *Ред.*

германцы начали наступление в Прибалтийском крае, а 18 апреля в Галиции, т.-е. на оба фланга нашего стратегического фронта. Сильно потеснив в Галиции, они вынудили нас к отходу с Карпат, занятие коих перед этим потребовало от нас больших жертв людьми и боевыми средствами, и вынудили очистить 21 мая Перемышль и затем 9 июня Львов (с потерями только на Ю.-З. фронте около 300 тыс. в периоде с 15 апреля по 15 мая).

В последних числах мая я был, опять-таки по поручению е. и. в. принца А. П. Ольденбурского, для ознакомления со средствами, принятыми против применения немцами удушливых газов, в Седлеце у главнокомандующего армиями северо-западного фронта ген. Алексеева и в Холме у главнокомандующего армиями юго-западного фронта генерал-ад'ютанта Иванова. Оба главнокомандующих заявляли, что замечается недостаточно упорная оборона нашими войсками своих позиций против наступающих немцев и что причина этому—невозможность состязаться с артиллерийским огнем наступающего при недостатке у нас снарядов, а также совершенно неудовлетворительная подготовка присылаемых из России пополнений, которые, не умея действовать из винтовки, не вынося адского огня неприятеля, на который наша артиллерия может отвечать лишь слабо, нередко в большом количестве сдаются в плен.

В половине июня немцы, оттеснив наши войска в Галиции к реке верхнему Бугу и к р. Днестру, наносили сильные удары на направление Люблин—Холм и на средний Нарев между Пултусском и Ломжей с ясной целью заставить нас отойти от Вислы и очистить Варшаву. Неприятельские армии находились [1]) в 120 верстах от Риги, в 30 верстах от Ковны, в 50 верстах от Гродны, в 15 в. от Ломжи, в 40 в. от Новогеоргиевска, в 50 в. от Варшавы, в 60 в. от Иван-Города и в 60 в. от Люблин-Холма. Настроение общества было тревожное, так как ни для кого уже не составляло секрета, что армии наши вынуждены были отступать от своих позиций по недостатку снарядов, и что таковое отступление неизбежно продолжится и впредь.

Вот была та обстановка, которую я в связи с указаниями, полученными в Ставке, должен был иметь в виду при начале деятельности по управлению военным министерством.

16 июня мною были приглашены начальники всех главных управлений военного министерства, которые занимаются заготовкой снабжения, в том числе и недавно назначен-

---

[1]) Карта 40 в. в дюйме.

ный начальник артиллерийского снабжения ген. Маниковский [1]).

Сравнение того, что нужно армии по артиллерийской части и что имеется, привело к выводам весьма безотрадным: артиллерийские парки в армии почти пусты и для того, чтобы их пополнить при ежедневном большом расходе снарядов надо было бы посылать в армии не менее 100 парков в месяц, в мае же было послано 33 и на июнь увеличения можно было ожидать ничтожного. Винтовок требуется один миллион единовременно для пополнения утраченного до сего времени и 100 тысяч ежемесячно, а наши заводы дали в мае 55 тысяч; винтовочных патронов требуется в месяц не менее 100 миллионов, а в мае послано $63^1/_2$ миллиона.

По военно-технической части громадная нужда в колючей проволоке, а ее посылается очень немного.

По интендантской части—Д. С. Шуваев, не говоря много слов, показал компактную раскрашенную табличку, из которой было видно, что все нужное для армии имеется почти в достаточном количестве. Надо оговориться, что впоследствии неоднократно приходилось встречаться с фактами, что данные таблички изображали не то, что „имеется фактически", а то, что „должно было бы иметься", но на самом деле поступлением к сроку от поставщиков запоздало. И еще надо сделать вторую оговорку—снабжение армии провиантом, фуражем и мясным довольствием выпало в эту войну на долю Главного Управления Земледелия и Землеустройства, и главному интенданту в этой важной отрасли снабжения армии осталась лишь роль контролера, которая, как мне казалось впоследствии, при оптимизме Д. С. Шуваева, перешла даже на роль благородного свидетеля.

В очень тяжелом положении находилось устройство пополнения армии нижними чинами. Громадные потери, понесенные армиями в весенних боях, были отчасти пополнены высылкой в мае 1454 рот, составленных из людей, не прошедших и 4-х недельного обучения, и малая подготовка коих вызывала в войсках большие нарекания. Поступило требование о немедлен-

---

[1]) Ген.-лейт. Маниковский (энергичный и знающий свое дело артиллерист) был назначен на эту должность с должности коменданта Кронштадта в текущем году, заменив собой прекраснодушного, но не авторитетного генерала от артил. Д. Д. Кузьмина-Караваева, административные дарования и специальные познания которого высоко ценил только вел. кн. Сергей Михайлович.

Примечание редактора. Сергей Михайлович, сам выдающийся артиллерист, хорошо понимал Кузьмина-Караваева и ценил в нем не познания, а исключительно мягкость характера, которая давала возможность властному великому князю быть одному хозяином в артиллерийском деле. Поливанов за 6 лет начальствования над великим князем и Кузьминым-Караваевым или не понимал этого, или не хотел понять.

ной высылке на оба фронта еще 1440 маршевых рот (360 тысяч нижних чинов), но требование это не представлялось возможным выполнить за полным истощением запасных пехотных батальонов.

Таким образом, программа ближайшей деятельности по снабжению армии, намечая ее в порядке особливой важности, приводилась к необходимости приступить безотлагательно к увеличению подачи в армию: 1) артиллерийских снарядов, 2) винтовок и патронов и 3) нижних чинов, получивших более основательное, чем до ныне обучение, 4) разных технических средств, в числе которых я считал необходимым дать для поднятия настроения в армии все то, чем неприятель наносит вред нам и чего у нас мало, как напр., ручные гранаты и колючая проволока, или совсем нет, как напр., артиллерийские снаряды с удушливыми газами и баллоны для выпуска таковых же газов.

Эта программа была положена в основу моей дальнейшей деятельности, и за выполнением ее я принял за правило лично следить неустанно.

В моих воспоминаниях я не имею в виду дать очерк деятельности военного министерства под моим руководством— это сделают другие и в другом месте, а потому на вытекающих из моей программы мероприятиях будут останавливаться лишь по исключительным, связанным с ними, обстоятельствам.

В $2^1/_2$ часа дня было очередное заседание Совета Министров, который пока собирался еще в Мариинском Дворце, так как болезнь супруги председателя А. И. Горемыкиной препятствовала пока переезду его на казенную дачу на Елагинском острове.

Из дел военного министерства, назначенных к слушанию, два имели весьма большую важность: 1) по вопросу о введении военно-продовольственной повинности и 2) о порядке призыва и назначения ратников государственного ополчения 2-го разряда.

Очевидно, я не имел никакой возможности углубиться в оба эти весьма сложных вопроса, а потому охотно пошел навстречу предложению, сделанному А. В. Кривошеиным,— первый из них обсудить предварительно в особом совещании под моим председательством, при участии заинтересованных министров и представителей ведомств; что же касается второго, предусматривавшего ближайшее пополнение армии посредством призыва ратников 2 разряда, то, признавая, что, при современном состоянии умов внутри империи, призыв новобранцев, явление обычное в глазах населения, предпочтительнее призыва ратников 2 разряда, которого население не ожидает (что уже отмечено было и в заседании 14 июня в Ставке) постановили: прежде чем Совету Министров при-

нять окончательное решение, ведомству военному и внутренних дел обсудить, какой порядок надо установить, чтобы призыв новобранцев был осуществлен не после обычных подготовительных к нему работ, требующих почти год времени, а в срок весьма краткий. Достижением таковой краткости срока устранена была бы побудительная причина к оказанному военным ведомством предпочтению призыва ратников 2 разряда, подготовка к которому уже была сделана.

В газетах, сначала столичных, а затем провинциальных появились статьи с выражением сочувственных отзывов по поводу моего назначения. Эти отзывы перешли потом и в заграничную печать союзных государств. И в Петроград, и на дачу в Петергоф приходило много приветственных писем и телеграмм.

Из приветствий, полученных мною от частных лиц, особенно приятно мне было получить телеграмму со словами: „горячо приветствую ваше назначение“ от вдовы незабвенного, доблестного борца за благо родины, П. А. Столыпина, расположением которого ко мне я так дорожил в период нашей совместной работы в 1906—11 годах.

17 июня, среда. По мере ознакомления с положением дела и с характером работы министерства во время войны, я имел в виду вносить и поправки в организацию управления им.

Совершенно новым для меня, но весьма крупным фактором в деятельности министерства по снабжению армии явилось образование в ту пору, когда недостатки снабжения уже ярко обнаружились, а именно в мае, особого совещания под председательством военного министра, с участием председателя Государственной Думы, членов Государственного Совета и Государственной Думы и представителей промышленности.

Это совещание с 14 мая имело только семь заседаний, и мне уже было сообщено, что члены желали бы назначения собрания в скорейшем времени, вследствие чего я и назначил ближайшее заседание на субботу 20 июня.

Но и теперь мне было уже ясно, что первую организационную меру, т.-е. передачу от себя части работы помощнику, надо провести безотлагательно [1]) и притом передать эту работу, совершенно определенную, а именно—согласование заявленных Ставкой потребностей в снабжении армии с направлением деятельности тех главных управлений министерства, кои снабжением ведают.

---

[1]) Приезжая в Петроград из Петергофа ранее 10 часов и оставаясь там до семи, когда я уезжал на дачу, я, кроме прочей работы, занимался разбором бумаг и в вагоне по пути, и вечером на даче, но видел, что этого всего времени было недостаточно для выполнения всей ежедневной работы.

Уже чуть ли не с зимы 1914 года в Ставке пришли к убеждению, что если желательно добиться результата от обращения в военное министерство по поводу высылки в армию разных видов снабжения, то надлежит обращаться к и. д. начальника Генерального Штаба ген.-от-инф. Беляеву, который не только передаст таковое обращение в соответствующее главное управление, но и присмотрит за сроком его исполнения, хотя это в его прямые обязанности и не входит. И теперь, в бытность мою в Ставке, мысль об избрании именно его на должность помощника военного министра встречала полное сочувствие и у начальника Штаба верховного главнокомандующего, и у генерал-квартирмейстера. По существу же дела начальник Генерального Штаба, на управление которого в военное время выпадает организация и высылка в армию и вновь формируемых частей, и пополнений для покрытия убыли в войсках на фронте, заботясь о скорейшем выполнении этих задач, не должен быть чужд и забот о том, чтобы разнородное снабжение всех этих воинских частей совершалось без замедления. Кроме того, обязанность Главного Управления Генерального Штаба поддерживать сношение с союзниками и нейтральными государствами и с их представителями в Ставке и в Петрограде неизбежно включала в себя и сношения по поводу многочисленных заказов военного материала, сделанных за-границей. Все эти соображения побудили меня окончательно избрать генерала-от-инфантерии Беляева на должность помощника военного министра с сохранением за ним обязанностей начальника Генерального Штаба, что обещало дать мне вполне надежного, ближайшего сотрудника [1]).

---

[1]) С М. А. Беляевым меня связывали уже давно служебные интересы: в 1892—93 году, будучи в старшем классе Николаевской академии Генерального Штаба, он находился в руководимой мною по тактическим занятиям партии; в 1897—98 г. он был столоначальником 2 отделения Главного Штаба, начальником коего в ту пору был я; в бытность мою помощником военного министра он был начальником 2 отделения Главного Штаба, затем генерал-квартирмейстером Главного Штаба и начальником отдела службы по устройству и службе войск Главного Управления Генерального Штаба; после отчисления моего в 1912 году в Государственный Совет я встречался с ним в Финансовой Комиссии, особенно часто в 1914 году, когда через Государственный Совет проходил законопроект об усилении армии; наконец уже во время войны я имел с ним дела по Красному Кресту и по воздушному флоту. На всех этих разнородных встречах он обнаруживал основные свои качества: тщательность и изучение дела, вдумчивость в его разработке, прекрасную память на факты и уменье их сопоставить, неутомимость в работе и точность в исполнении данных указаний; подчиненные считали его педантом, и педантизма в своей работе не отрицал и он сам.

Примечание редактора. У большинства лиц, служебно соприкасавшихся с Беляевым, впечатление о нем было несколько иное и отрицательные его качества, слегка только намеченные Поливановым, в их глазах были несколько шире. Это был человек, мертвящий всякое живое дело, почему, может быть, в товарищеской среде и называли его „мертвой головой“.

Главный интендант генерал-от-инфантерии Д. С. Шуваев, заявляя мне, что его сверстники командуют армиями, намекал мне о своем желании быть помощником военного министра, но это не отклонило меня от принятого уже решения.

К 12 час., как было условлено, я поехал завтракать к принцу А. П. Ольденбургскому. Был встречен очень ласково и, перед завтраком, введен в залу, где были собраны все сотрудники по управлению е. и. в., не исключая и нижних чинов, и там принц, взволнованный дружественным настроением, вручил мне от лица всех присутствовавших икону св. Алексея, митрополита московского, с надписью на обороте: „А. А. Поливанову от верховного начальника санитарной и эвакуационной части, его сотрудников и чинов управления благословение. 13 июня 1915 года".

За завтраком было подано шампанское и е. и. в. провозгласил тост за меня с пожеланием успеха в предстоящей деятельности, на что я ответил тостом за его здоровье, отметив его великие труды на благо родины.

Четверг, 18 июня. Заседание общего присутствия Военного Совета в этот день имело торжественный вид, так как я, по традициям, чтобы „представиться Военному Совету", явился в ленте; ленты же надели и члены Совета. Приветствовав членов Военного Совета, еще до заседания, в соседней зале, я открыл заседание об'явлением благодарности от имени его величества за усиленные труды последнего времени.

Учреждение, прекрасное по идее—оказывать помощь военному министру обсуждением и решением важнейших хозяйственных и законодательных вопросов. Военный Совет не давал той пользы, которой от него должно было ожидать, по причине нахождения в его составе не малого числа членов, мало подготовленных к такой работе. В силу этого обстоятельства, а также медленности работы Военного Совета, все заготовки на армию во время войны, со времени учреждения в мае Особого Совещания, отошли от Военного Совета в это совещание, и, таким образом, высшее военное учреждение по хозяйственным вопросам в ту пору, когда его деятельность должна была бы достигнуть наибольшего напряжения и плодотворности, требованиями жизни было в своих прямых обязанностях ограничено.

В $2^1/_2$ часа заседание совета министров в Мариинском дворце. Назначений нового министра юстиции и нового обер-прокурора Св. Синода еще не последовало. Предложил, в виду волнующих всех событий на театре войны, делать на каждом заседании совета министров краткие доклады о ходе военных действий; это мое предложение было принято с благодарностью и с заявлением, что уже давно чувствовалась потребность в авторитетном ознакомлении с совершающимися воен-

ными событиями. У меня была с собой карта, на которой обозначены линии расположения неприятельских армий и их численная группировка и линия расположения наших войск, и 19 июня я положил начало таким докладам, которые продолжались, примерно, до осени, когда обе воюющие стороны от больших передвижений перешли к периоду позиционной войны, не выносившей перемен в общее положение.

К заседанию Особого Совещания, назначенного мною в 2 часа в субботу 20 июня, надо было ознакомиться с историей возникновения и об'емом действий новых при военном министерстве учреждений по снабжению армии, появившихся в 1915 году, после признания, что организация военного министерства, существовавшая в мирное время не может достигнуть удовлетворения потребностей армии в области артиллерийского снабжения.

1 января было повелено учредить особую распорядительную комиссию по артиллерийской части; председателем этой комиссии по представлению верховного главнокомандующего был назначен великий князь Сергей Михайлович, а помощником его—ген.-лейт. Маниковский.

Положение об этой комиссии было рассмотренно Военным Советом 12 февраля и высочайше утверждено 15 февраля [1]).

Согласно „Положению" особая распорядительная комиссия по артиллерийской части учреждалась на время войны для установления действительной связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества; образование комиссии не должно было изменять установленного законом порядка направления всех заготовительных вопросов через Военный Совет [2]).

Таким образом руководство артиллерийским снабжением армии было почти из'ято из рук военного министра и, если бы не был сохранен порядок направления всех заготовительных вопросов через Военный Совет, председателем которого состоит военный министр, то можно было бы признать, что рядом с должностью военного министра учреждена еще должность министра артиллерийского снабжения, замещенная великим князем.

Но уже через три месяца появилось новое учреждение, дававшее исключительные права в области снабжения военному министру и построенное на началах привлечения в состав оного представителей законодательных учреждений и представителей торговли и промышленности.

---

[1]) Подробное положение смотр. Архив Воен. Сов. *Ред.*

[2]) Великий князь Сергей Михайлович желал предоставления комиссии прав Военного Совета.

Учреждение это появилось после поездки в первых числах мая председателя Государственной Думы М. В. Родзянко с представителями промышленности в Ставку [1]). Посетив в мае великого князя Сергея Михайловича еще в пору нахождения моего при верховном начальнике санитарной части, я услышал от него рассказ, как его в телефон спрашивал военный министр, не знает ли он чего-нибудь про вновь учрежденный „Комитет Обороны" и, получив отрицательный ответ, посоветовал обратиться за раз'яснениями к М. В. Родзянко, который будто бы этот Комитет организует. Тогда великий князь, по его словам, обратился по телефону к М. В. Родзянко, и услышал от него, что действительно таковое Особое Совещание, с участием представителей от законодательных учреждений и от промышленности учреждено будет, так как это есть единственный путь, который может заставить артиллерийское ведомство работать надлежащим образом, но что относительно подробностей великому князю следовало бы спросить военного министра, который вполне в курсе дела.

14 мая, под председательством генерал-ад'ютанта Сухомлинова, состоялось первое заседание Особого Совещания—как озаглавлено в журнале—„образованного по высочайшему повелению по усилению артиллерийским снабжением действующей армии".

7 июня последовало высочайшее утверждение, изданного в порядке 87-й статьи Основных Государственных Законов „Положения об особом Совещании для об'единения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения [2]).

Совещание это утверждено под председательством военного министра. В состав его должны были войти председатель государственной думы и, по высочайшему назначению, по четыре члена от Государственного Совета и от Государственной Думы, четыре представителя от торговли и промышленности, представители министерств морского, финансового, путей сообщений и торговли и промышленности, а также государственного контроля и чины военного ведомства.

Совещание подчинялось непосредственно верховной власти, и никакое правительственное место или лицо не могло давать ему предписаний и требовать от него отчетов.

В соответствии со столь высоким значением вновь созданного учреждения и председателю его были предоставлены

---

[1]) По мнению А. И. Путилова, при первом министре следовало образовать совещание из представителей крупной промышленности, которые, получив от военного министерства заказ, распределяли бы его между собой, привлекая к деятельности большие заводы и малые заводы, способные изготовлять второстепенные предметы в помощь большим заводам.

[2]) Об'явлено в „Собрании Узаконений" от 15 июня 1915 г.

обширные права и, между прочим, „разрешать производство заготовлений всеми способами и на всех, признанных им соответствующими условиях без ограничения суммы“.

Это новое „Положение“ об учреждении, подчиненном непосредственно верховной власти, не отменяло существования „Положения“ о распорядительной комиссии великого князя Сергея Михайловича, подчиненной непосредственно верховному главнокомандующему, и, таким образом, в деле артиллерийского снабжения армии, важнейшей в данную минуту заботы, существовало два полномочных и независимых одного от другого распорядитля.

Открывая заседание, я обратился к председателю Государственной Думы с просьбой высказать свое мнение по поводу истекшей деятельности особого совещания. Отвечая на мое предложение, М. В. Родзянко высказал, что деятельность совещания, в виду уже вполне определившегося порядка проведения его постановлений путем тесного сотрудничества правительства с общественными силами, должна быть признана безусловно жизненной и обещающей полный успех. Но в условиях своей работы совещание встречается и с затруднениями, происходящими: 1) от сохранения в артиллерийском ведомстве укоренившейся там рутинности в ведении дел, способной затормозить всякое общественное начинание; 2) от существования до последнего времени особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, которая в силу ее особых полномочий может затруднять приведение в исполнение постановлений особого совещания; 3) от отсутствия в артиллерийском ведомстве до сей поры надлежащего сближения с торгово-промышленными кругами, что затрудняет дружную совместную работу правительства с об‘единенной промышленностью, положенную в основание деятельности особого совещания.

Был рассмотрен затем целый ряд текущих вопросов, и в числе утвержденных мною по журналу этого заседания постановлений, значилось: „просить заключения начальника штаба верховного главнокомандующего о том, не представляется ли ныне, при наличии особого совещания и при предстоящем об‘единении руководства снабжением армии в руках помощника военного министра и и. д. начальника генерального штаба деятельность особой распорядительной комиссии по артиллерийской части излишней“.

Принято было также решение—особому совещанию собираться дважды в неделю—по средам и по субботам.

Среди непрестанной вереницы приемов пришлось уделять время и представителям более влиятельных газет для ответов на их вопросы о предстоящей программе моей деятельности.

Князь Орлов писал мне из Ставки:

„Я очень настаивал здесь перед великим князем, чтобы первый ваш доклад государю был бы именно в Ставке; это необходимо для утверждения главных линий, да кроме того, очень бы хотелось, чтобы вы помогли осуществить идею военного совета в вашем присутствии, пока государь еще здесь. По моему скромному убеждению это будет многозначительно для армии и, может быть, недурно было бы подумать после этого о каком-нибудь высочайшем приказе по армиям, указывая на необходимость вооружиться терпением до момента удара по неприятелю. Но это вам лучше видно".

Мысль о необходимости обсудить на созванном для сего в Ставке военном совете под председательством государя создавшееся тяжелое военное положение и принять вытекающие из него решения была мною высказана в разговоре, который имел место 13 июня в вагоне А. В. Кривошеина между А. В., мною и князем Орловым. Главнокомандующие фронтами имели с самого начала войны поводы жаловаться на то, что их мнения доходят до верховного главнокомандующего только через призму докладов генерала Янушкевича и, что великий князь не приглашает их обоих вместе для общего обмена мнений. При том обороте, который приняла война, на очереди должны были стоять решения, не разработанные в предположениях и расчетах мирного времени, а потому и устный обмен мнений главных руководителей военных действий был бы весьма полезен.

Но о моей поездке в Ставку в ближайшие дни не могло быть и речи, ибо за неделю я едва мог выяснить себе лишь главные черты тех наслоений, которые выросли за время войны сверх деятельности военного министерства в мирное время, мне хорошо известной, и едва начал намечать более крупные шаги для моей программы. В конце же месяца, по слухам, можно было уже ожидать возвращения государя в Царское Село.

В высочайшем приказе 23 июня об'явлено о назначении ген. Беляева помощником военного министра с оставлением его на время войны при исполнении обязанностей начальника генерального штаба. Усматривая крайнюю необходимость установить согласование требований по снабжению армии, поступающих из Ставки, а равно и нужд войск и укомплектований, расположенных внутри империи, с деятельностью довольствующих главных управлений военного министерства, я возложил работы по этому согласованию на ген. Беляева, указав его обязанности в приказе по министерству (26 июня 1915 г. № 30).

В числе довольствующих управлений, деятельность коих должна подчиняться направлению помощника военного ми-

нистра, было упомянуто в приказе и главное интендантское. Это обстоятельство повлекло за собой появление у меня Д. С. Шуваева, просившего с обиженным видом об освобождении его от личных докладов генералу Беляеву, которого он называл: „формалист и больше ничего". Я ответил готовностью принимать лично доклады по интендантскому снабжению армии, но в присутствии ген. Беляева.

Получил 26 июня длинное письмо от А. Н. Куропаткина, которое содержало в себе привет по случаю моего назначения, совет для моей деятельности и просьбу о содействии к принятию его в армию.

В высочайшем рескрипте, подписанном в Ставке 14 июня, было признано необходимым приблизить время созыва законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли русской—не позднее августа".

Так как в пределах этого времени определение дня созыва Государственной Думы предоставлялось правительству, то совет старейшин Государственной Думы решил отправиться в полном составе к И. Л. Горемыкину, не желавшему созывать Думу ранее начала августа. Депутация была принята 24 июня и прочитала постановление совета старейшин о скорейшем опубликовании указа о созыве. Горемыкин ответил, что он лично ставит определение дня созыва Думы в зависимость от подготовки правительственных законопроектов и обещал обсудить этот вопрос в ближайшем заседании совета министров, т.-е. 26 июня.

В этом заседании было намечено день открытия Государственной Думы наметить на 19 июля—годовщину об'явления войны.

ГЛАВА III.

К первой годовщине войны.

Я упоминал уже, что в первом под моим председательством заседании Особого Совещания по обороне, имевшем место 20 июня, было постановлено просить заключения начальника штаба верховного главнокомандующего не представляется ли деятельность особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, состоящей под председательством великого князя Сергея Михайловича, и учрежденной по представлению верховного главнокомандующего, ныне уже излишней.

Постановление это не могло остаться неизвестным великому князю, и он приехал ко мне вечером на дачу в Старом Петергофе, чтобы выяснить мой взгляд на его дальнейшее служебное положение.

Я высказал ему, что сохранение деятельности его комиссии, при наличности прав и обязанностей особого совещания, невозможно, но, что его опыт и знания в артиллерийском деле могли бы принести пользу в направлении фактической на местах поверки артиллерийского снабжения действующей армии [1]), что не противоречит и положению о генерал-инспекторе артиллерии (прик. по в. в. 1910 г. № 664), но требует, конечно, согласия на то верховного главнокомандующего. Поэтому я советовал ему, не теряя времени, испросить для себя разрешения приехать в ставку и там выяснить этот вопрос.

Тот же мой взгляд я сообщил и в письме начальнику штаба верховного главнокомандующего, от которого получил ответ:

„Письмо ваше доложил великому князю. Верховный признал необходимым дать совет великому князю Сергею Михайловичу принять решение по вашему совету.—Я уже доложил великому князю Сергею Михайловичу, что вы в письме

---

[1]) При создавшейся обстановке дальнейшее пребывание великого князя Сергея Михайловича в Петрограде было бы неудобно.

подняли вопрос о трудности совместить работу двух совещаний и о необходимости закрыть совещание великого князя Сергея Михайловича, что вполне одобряется верховным.

Сейчас самый больной вопрос винтовки, офицеры. Со всех сторон доносы, что их (т.-е. офицеров) тысячи в тылу, гуляющих и говорящих: „мы свое сделали, очередь за другими".

Будьте милостивы ускорить переосвидетельствование всех уклонившихся (нижних чинов) с 20 июля 1914 года. Их много, 100—250 тысяч. Они тоже вызывают жалобы.

Великий князь Сергей Михайлович уезжает с намерением установить живую, личную, связь Петрограда с фронтами и ставкой по части артиллерии".

По возвращении своем из ставки, великий князь Сергей Михайлович опять посетил меня вечером на даче и говорил, что полученные им там указания относительно его дальнейшей деятельности не были вполне определенны.

По мере занятия неприятелем наших областей, местное население с остатками имущества на подводах, со скотом, начинало отходить от границ в соседние губернии и их стихийно заполняло. Совет министров постановил поручить министерству внутренних дел внести в это явление порядок и кн. Щербатов пригласил некоторых министров, в том числе и меня, приехать к нему утром на занимаемую им на Аптекарском острове казенную дачу (рядом с тем местом, на котором находилась дача министра внутренних дел, уничтоженная взрывом при Столыпине), чтобы обсудить главнейшие в этом направлении меры. В основу соответствующего законопроекта решили положить учреждение двух управлений главноуполномоченных, одного в тылу северо-западного фронта, другого в тылу юго-западного фронта.

28 июня, в воскресенье, государь возвратился из ставки в Царское Село.

30 июня, во вторник, состоялся мой первый личный доклад в Царском Селе. Он был первым в должности управляющего военным министерством, но в 1907—12 г.г., занимая должность помощника военного министра, я был много раз с личным докладом, замещая военных министров Редигера и Сухомлинова, во время их отсутствия, и потому все „обряды", связанные с личными докладами, мне были хорошо известны.

Прибывший к назначенному часу с докладом министр встречался „скороходом" и вводился в приемную комнату перед кабинетом, где ожидал появления из двойных дверей кабинета дежурного камердинера с фразой: „его величество вас просит".

В правом углу приемной стояло знамя сводного полка дворцовой охраны, посредине комнаты—длинный стол с аль-

бомами; по стенам висели небольшие картины, из которых выделялись с одной стороны ярко написанная „жатва", а с другой — сумрачный вид кладбища в Финляндии; кое-где этажерки с вазочками на них, несколько фаянсовых статуэток дополняли скромное убранство комнаты.

Государь встречал стоя посреди кабинета, небольшой комнаты в два окна, где, кроме письменного стола, дивана, нескольких маленьких столов и стульев ничего не было и, после нескольких слов общего характера, медленно шел к креслу перед своим письменным столом, садился, вслед за чем и я садился на кресло перед особым столиком для докладчика, приставленным к письменному столу [1]) с правой его стороны.

Сознавая, что мое назначение на должность состоялось не по свободному выбору, а как бы под давлением обстоятельств, при чем мною заменен вполне „угодный" Сухомлинов, умевший сохранить расположение к себе в течение более 5 лет и в 1912 году заявивший о необходимости меня удалить с поста помощника военного министра за хорошие отношения с Государственной Думой (каковые не поощрялись), сознавая все это, я должен был приготовиться к тому, что на личных докладах я буду находиться в атмосфере подозрительного ко мне отношения.

Первым вопросом доклада [2]) явился вопрос одновременно и личный и организационный: за смертью 2 июня великого князя Константина Константиновича освободилась должность генерал-инспектора военно-учебных заведений, должность, главным образом, почетная, созданная несколько лет тому назад для великого князя, чтобы освободить его от обязанностей Главного Начальника военно-учебных заведений, с которыми ему справляться было трудно и которые были переданы ген. Забелину; я просил эту должность упразднить и получил на это согласие.

Верховный главнокомандующий ходатайствовал о назначении ген.-ад. Рузского, здоровье которого, после отчисления от должности главнокомандующего Северо-Западным фронтом, восстановилось,—главнокомандующим 6 армией (имевшей назначение оборонять подступы к Петрограду). По этому поводу я обратил внимание, что необ'явление в печати даже

---

[1]) На письменном столе—портреты, письменные и курительные принадлежности, разложенные в большом порядке. Государь сам курил много, но докладчику курить не предлагалось.

Предлагалось после доклада, когда начинался частный разговор. Ред.

[2]) Я не имею в виду приводить полного перечня личных докладов, а останавливаюсь лишь на более крупном. В прежнее время государь бывал обыкновенно одет во время докладов в малиновой шелковой рубашке, форма стрелков императорской фамилии, а с начала войны он носил рубашку защитного цвета.

о назначении главнейших вождей нашей армии ведет к тому, что для неприятеля имена наших полководцев не остаются секретом, как и для нас имена полководцев неприятельских, а Россия о своих не знает, а между тем об'явление о возвращении к армии столь популярного генерала, как Рузский, и притом известие о возложении на него обороны путей к Петрограду, как к нервному центру страны, произвело бы на общество успокаивающее впечатление. И на это новшество согласие было дано. Затем было дано согласие на следующие меры: 1) на упразднение особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, состоявшей под председательством великого князя Сергея Михайловича, при чем соображения мною по этому поводу высказанные (и приведенные неоднократно выше) никаких возражений не встретили; 2) на подчинение Офицерской кавалерийской школы, которая до сей поры подчинялась непосредственно военному министру, генерал-инспектору кавалерии. Надо пояснить, что ген.-ад. Сухомлинов был в свое время сам начальником этой школы и, сделавшись военным министром, принял ее в свое непосредственное ведение; эта школа была как бы его любимой воинской частью, и он лично начал носить гусарскую форму обмундирования, присвоенную школе, говоря, что исполняет это по особому повелению государя, предпочитавшего видеть его в форме гусарской, а не в форме Генерального Штаба, на которую в высоких сферах сохранился еще взгляд, как на нечто, связанное с понятием о „нестроевом", „ученом" и даже, пожалуй, вредном. Тема для такого доклада, касавшегося, в сущности, меры, значения весьма второстепенного, по обстоятельствам превходящим, могла оказаться стоящей на скользком пути, но я на ней не споткнулся, указав, что я совсем не кавалерист, и потому генерал-инспектор кавалерии более меня будет в состоянии охранить кавалерийские традиции школы.

В тот же день в 3 часа состоялось заседание Совета Министров в Мариинском дворце. Из более крупных вопросов было рассмотрено и разрешно представление по военному министерству о призыве в ускоренном порядке на военную службу лиц, родившихся в 1896 году. Продолжительным прениям подвергнуто было определение срока их призыва; интересы армии, страдавшей некомплектом в своих рядах, требовали скорейшего осуществления призыва, дабы, после необходимого обучения в запасных частях, выслать в армию укомплектование молодыми солдатами. Интересы населения требовали сохранения среди него возможно большего числа рабочих рук до окончания полевых работ. Совмещая по возможности удовлетворение этих двух противоположных требований, и учитывая тот факт, что, при недостатке пока вин-

товок, скорая посылка в армию укомплектований в большом числе не принесла бы пользы, остановились на избрании сроком призыва 7 августа, имея в виду, что к этому сроку в большинстве наиболее хлебородных губерний уборка хлебов будет закончена, а ко времени окончания обучения призванных удастся разными мерами накопить и винтовок, хотя далеко, конечно, не в полном, в мере надобности, количестве. Остановились также продолжительно и на соображениях, вытекавших из необходимости не уменьшать личного состава рабочих на тех предприятиях, кои несут труд на оборону (что, к сожалению, до сей поры не привлекало к себе достаточного внимания), а потому постановлено включить в указ о призыве „призываемым, кои состоят служащими или рабочими на угольных копях Донецкого бассейна, равно как изготовляющим предметы государственной обороны в казенных и частных учреждениях и заведениях, и немедленный прием коих на военную службу мог бы неблагоприятно отразиться на успешности изготовления означенных предметов, а также служащим в полевых почтово-телеграфных учреждениях и по телеграфной части на железных дорогах, предоставляется отсрочка поступления на военную службу“.

Получил письмо от ген. от инф. Палицына (от 30 июня). Как бывший начальник генерального штаба (оставил эту должность в 1908 году), он с об‘явлением войны никакого определенного назначения в армии не получил, не взирая на свою личную близость к великому князю Николаю Николаевичу. В настоящее время он находится в распоряжении главнокомандующего северо-западным фронтом ген. Алексеева. Я его видел в Седлеце, в штабе ген. Алексеева, во время моей майской, по поручению принца Ольденбургского, поездки, и тогда он только что возвратился после посещения Шавельского района. В его письме, в котором он рекомендует мне военного инженера генерала Величко для „соответствующего назначения в области военно-технической“, между прочим, говорится: „за эти 2 месяца я был в больших раз‘ездах, главным образом, по осмотру крепостей и подготовленных позиций. Как главнокомандующему, так и вам могу засвидетельствовать о чрезвычайно большой работе, местами талантливой, наших военных инженеров. К сожалению, их очень мало, но работают много и хорошо. Ковно, Брест, Ново-Георгиевск и Ивангород усиливаются. Каждая из них усиливается и каждая в своем усилении имеет свои особенности. Много проявлено там творчества, но недостаток в рабочих, в материале и во времени не позволили и не позволят дело довести до конца. Но за эти 11 месяцев сделано, что было возможно. Сделали бы больше, но крепостные силы и зимою и теперь отвлечены в поле, в армию“.

„В безотрадном положении вопрос о гарнизонах. Нарушенное вначале теперь не исправлено [1]). Наше положение вы знаете. Будем бороться. На вас надежда, что дадите людей, оружие и боевые припасы. Теперь надо развязать тот узел, который был завязан раньше. С какими жертвами мы его развяжем—это известно господу богу. Михаил Васильевич (Алексеев) напрягает все данные ему господом силы, чтобы развязать его. Он работает много, но он один. Вначале я думал, что могу помочь ему, но, увы, — для близкого даже, но постороннего от дела, такая помощь может только повредить. В советах Михаил Васильевич не нуждается, и я помогаю ему, когда он прикажет".

Ген. Янушкевич в письме от 1 июля между прочим сообщал: „Пишу вам по поручению великого князя после посещения Сергея Михайловича. Вопрос о снабжении боевыми припасами—самый кошмарный. Получив за июнь 24—26 парков, мы вошли в сферу улучшения, но уже начавшиеся бои у Прасныша-Хоржеле стоят черным призраком. Сергей Михайлович обещал уменьшение на июль, так как израсходованы будто все 12″ трубки".

„Великий князь Сергей Михайлович немного упрямо смотрит на усиление производства ружей, гранат. Верховный поручил просить вас взять это в свои руки и непременно „приказать" сделать (просьба не поможет). Раз задержка с дистанционными трубками—надо давать гранаты: они будут срывать немецкие окопы... Нужно готовиться к зимней кампании (сапоги, валенки, полушубки, фуфайки)".

С прекращением деятельности особой распорядительной комиссии по артиллерийской части производство артиллерийского снабжения выходило из области руководства ею великим князем Сергеем Михайловичем и, оставаясь под контролем особого совещания, моим и моего помощника, передавалось в ближайшее ведение энергичного и опытного по технической части ген. А. А. Маниковского. — Приведенные же выше, в письме ген. Янушкевича, опасения великого князя о неуспешности в дальнейшем ходе заготовления некоторых предметов артиллерийского снабжения не оправдались.

---

[1]) В 1909 г., когда Сухомлинов решил, сокращая число крепостей на западной границе, расформировать крепостную пехоту, цель которой была, располагаясь постоянно в крепостях, практиковаться в способах их обороны, ген. Палицын написал письмо государю, где, между прочим, возражал против этой меры. На одном из моих личных докладов, когда я в качестве помощника военного министра замещал Сухомлинова, государь показал мне это письмо, но когда я сказал, что нахожу упразднение крепостей пехоты недостаточно обсужденным, в виду того, что мы избежать оборонительной войны не можем, и что я, в этом смысле смотрю на дело одинаково с ген. Палицыным, то на это последовал ответ: „я знаю, знаю, что вы против этого"... и письмо было спрятано в стол.

„Обещанного“ в июле уменьшения не последовало, а в августе принятые без участия великого князя меры дали себя знать усилением высылки уже до 48 парков, после чего это количество увеличилось и далее.

2) Наши заводы изготовили винтовок: в июне—59.000, в июле—66.000 и далее число это повышалось и сверх того винтовки стали поступать и из других источников.

3) Гранат было изготовлено в июне: 141.000 и 70.000 взрывателей к ним, в июле 132.000 и 81.000 взрывателей к ним, а далее в добавок к обычному изготовлению гранат стали поступать еще гранаты так называемого французского способа изготовления (организация ген. Ванкова).

4) При разговорах с Д. С. Шуваевым о теплой одежде на зиму он уже показывал мне прекрасно расчерченную в красках схему, из которой, по его мнению, было видно, что в этом деле все благополучно.

Сам великий князь Сергей Михайлович 16 июня, за три дня до созыва Государственной Думы отбыл на Юго-Западный фронт для проверки на месте состояния там артиллерийского снабжения. На этом же фронте, в распоряжении главнокомандующего ген.-ад. Иванова, находился великий князь Николай Михайлович, там же руководил авиационным делом великий князь Александр Михайлович, в одном из госпиталей в тылу фронта сестер милосердия была великая княгиня Ольга Александровна, а в самом Киеве деятельностью на пользу раненых занимались великие княгини Анастасия и Милица Николаевны.

В газетах появилось официальное сообщение „От Управления Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной части“ с изложением отчета о деятельности за истекшую половину 1915 года.

Деятельность эта происходила на моих глазах, как лица состоявшего в ту пору в распоряжении принца Ольденбургского, и в некоторых отдельных случаях при моем участии.

В отчете о борьбе с газами говорилось о „привлечении к изготовлению противогазовых повязок ряда правительственных, общественных и частных организаций, горячо отозвавшихся на этот призыв. К общему делу примкнули и широкие слои населения; рука об руку с другими работали женщины и дети, и первая острая нужда в ограждении наших защитников от отравы, беззаконно пускаемой в ход врагом, была удовлетворена в наикратчайший срок. Работы в этой области продолжаются с неослабевающей энергией“.

Действительно, принц А. П. Ольденбургский схватился за это новое дело со свойственной ему исключительной энергией [1]),

---

[1]) Нижеследующая телеграмма, одна из многих подобных, служит тому доказательством. „Минск, 1-го июля. Во всех городах губернии организовано

но затем, как всегда и во всех его новых начинаниях вместо того, чтобы внимательно следить за применением нового средства и на основании опыта нашего и наших союзников вводить в него подсказываемые практикой улучшения, упрямо остановился на своем, раздражался, когда узнавал, что в общественных организациях вырабатываются другие типы противогазовых средств, и в конце концов из армии понеслись заявления, что снабжение ее противогазовыми средствами неудовлетворительно, особливо сравнивая таковые же средства, появившиеся у германцев.

Стремление принца с неукротимой быстротой браться за новые начинания выходило за пределы области военно-санитарного и эвакуационного дела, которым он вообще руководил без системы и без ровной настойчивости; а посредством случайных взрывов своей, исключительной для его возраста энергии, дробивший одновременно и рутину и действительный порядок, который устанавливался вследствие сего, не столько по существу дела, сколько по наружной видимости, способной отвлечь от исполнителей щедро рассыпаемые аресты с исполнением служебных обязанностей [1]).

Зимой и весной он, при участии известного изобретателя „непробиваемых панцырей" подполковника Чемерзина, занимался конструкцией подвижных на колесах щитов для стрелков, затем ракетами, предложенными гв. Преображенского полка шт.-кап. Бенуа. Щиты были испытаны стрельбой на полигоне в Ораниенбауме, оказались неудовлетворительными, ракеты испытывались на Гореловском стрельбище и затем, в присутствии верховного главнокомандующего, его штаба и союзных военных агентов, в Барановичах, и также оказались неудовлетворительными. После этого то и другое было принцем забыто, отняв, однако, у него много времени от

изготовление масок для предохранения от действия удушливых газов. Широкое участие в работах приняли земства, городские учреждения, учащиеся, дамские кружки и местные комитеты общеземского союза. Некоторые земства решили привлечь к участию сельскую интеллигенцию, а также крестьянских девушек. Призыв к работе для помощи воинам против варварства неприятеля всюду встречает горячий отклик и готовность к пожертвованиям трудом и денежными средствами.

[1]) В 1914 и в первой половине 1915 г. принц еще вникал в вопросы военно-санитарного порядка в действующих армиях, и потом от них отошел, ограничиваясь некоторыми частностями в роде противогазовых повязок, и более или менее наблюдал за теми же вопросами внутри страны, привлекая к этому опять-таки (за исключением „Царско-Сельской губ." как он выражался, намекая на власть императрицы Александры Федоровны в Царско-Сельском лазарете), без всякой системы главного военно-санитарного инспектора, д. т. с. Евдокимова, который, однако, не мог предпринимать по своему ведомству никаких новых мер без ведома принца и должен был изыскивать возможность быть им выслушанным, а это было нелегко при склонности принца интересоваться не тем, что было нужно, а тем, что ему в данную минуту нравилось.

забот по прямому делу. Возил он также в ставку профессора химии Горбова с чертежами изобретенного им совместно с военным инженером капитаном Лихониным бомбомета; бомбометы эти впоследствии в присутствии принца испытывались стрельбой на Охтенском полигоне. Принц их тогда забраковал, а на самом деле они по заявлениям с фронта оказались одними из лучших по конструкции, были заказаны в большом количестве и до ныне требуются армиями. Узнав зимой о недостатке в армии снарядов, принц задумывал взяться и за руководство изготовлением снарядов, но на этом пути он не нашел поддержки ни у верховного главнокомандующего, ни, повидимому, и у государя, и дело это, как было мною изложено выше, попало в январе 1915 года в руки великого князя Сергея Михайловича.

В данное время принц занимался уже не санитарной борьбой с вредом от удушающих газов противника, а созданием у нас возможности нападать на противника с помощью таковых газов, т.-е. тем, чем, по моему приказанию, должно было заниматься Главное Артиллерийское Управление. Он образовал у себя в Управлении особый отдел для этого, привлек туда артиллерийских офицеров и требовал приездов к себе ген. Маниковского, отнимая у него время от его сложных обязанностей. Мало этого, он предпринял поездку для осмотра тех заводов, где с великими трудностями налаживалось небывалое еще у нас производство жидкого хлора, отстранил полковника, военного инженера, приставленного к наблюдению за одним из этих заводов и направил его сидеть на гауптвахте в Харькове, о чем мне с пути прислали телеграмму.

Уже ранее я давал понять принцу через его приближенных, что это дело я считаю моим делом; приближенные, разумеется, представили ему такой мой взгляд, как мое нежелание ему помогать и, таким образом, способствовали назреванию конфликта. Сознавая, однако, необходимость отнюдь не уступать случайному капризу, грозившему запутать выполнение мер по снабжению армии средствами для борьбы с противником его же способами, стремясь достигнуть скорейшей высылки на фронт этих средств, дабы поднять настроение войск, падавшее при всяком проявлении технического превосходства неприятеля [1]), я решил не уступать и на одном из личных докладов сказал об этом государю.

Принц уже достаточно наскучил ему своими появлениями до и после поездок с разными требованиями и жалобами, а

---

[1]) У меня остались в памяти жалобы обожженных газами наших солдат, виденных мною в мае в лазаретах под Варшавой,—„почему же у нас нет таких газов и снарядов; у нас нет, нас он бьет, а сам цел“.

потому на сей раз со мною согласились. Что между ними произошло, мне осталось неизвестным, но однажды утром я был приглашен к принцу во дворец и, после нескольких незначущих фраз, сказанных в кабинете без свидетелей, он, волнуясь, заявил мне, что отказывается от наблюдения за изготовлением удушливых газов. В ответ на это я, молча, поклонился и, после некоторой паузы, получил приглашение идти завтракать. За завтраком, где обыкновенно принц являлся радушным хозяином и интересным собеседником, на сей раз чувствовалось какое-то стеснение и впоследствии я узнал, что и принц и его приближенные ожидали, что, выслушав упомянутый его отказ в кабинете, я буду его просить сохранить полюбившееся ему занятие под его руководством.

Это событие вызвало собой разрыв на некоторое время моих добрых отношений с принцем и начало борьбы за пределы влияний в военно-санитарных вопросах, борьбы подогреваемой его приближенными, искавшими найти в критике моих действий способ для укрепления своего личного положения на такой шаткой, впрочем, основе, каковой являлось личное расположение этого человека, в котором причудливо соединялось высокое научное образование, доброта, бескорыстная, нелицеприятная любовь к общему благу с привычкой к грубой дрессировке ему подведомственного по строевому обряду времен Николая I. В эту привычку, к сожалению, потомок Павла I вкладывал преимущественно и свой неукротимый темперамент.

4 июля, в субботу, мой очередной личный доклад в Царском Селе. Из вопросов по личному составу получено разрешение на увольнение от службы начальника управления по ремонтированию армии ген. от кавалерии Винтулова, отяжелевшего, добродушного балетомана, совершенно не справлявшегося с делом. Затем (без видимых осложнений) дано согласие на зачисление в резерв Петроградского военного округа знаменитого секретаря при ген.-ад. Сухомлинове [1]) и его доверенного приближенного действительного статского советника Зотимова.

При докладе сведений о состоянии к 3 июня отправки в армию артиллерийских парков, в тоне моих слов о достигнутом в последнее время увеличении числа изготовленных снарядов проскользнуло чувство удовольствия, на что я получил в ответ: „это и ранее имелось в виду“.

---

[1]) Некоторые лица видели на-днях ген.-ад. Сухомлинова с супругой на вокзале в Царском Селе, радостных, повидимому, после представления во дворце. Один из младших придворных передавал, что Сухомлинов говорил ему во дворце: „кто бы мог ожидать такой перемены, давно ли меня здесь принимали с докладами, и кого же вместо меня назначили—Поливанова, которого я не мог держать у себя помощником“.

5 июля состоялось, наконец, давно ожидавшееся увольнение Владимира Константиновича Саблера (Десятовского) от должности обер-прокурора св. синода и назначение на его место Московского губернского предводителя дворянства А. Д. Самарина. Задержанный делами в Москве, он прибыл к исполнению своих новых обязанностей лишь через несколько дней и потому в ближайших заседаниях Совета Министров участия не принимал.

6 июля состоялось и другое, также ранее предрешенное, назначение члена Государственного Совета А. А. Хвостова управляющим министерством юстиции вместо И. Г. Щегловитова.

Таким образом, все перемены в личном составе Совета Министров, возникшие под давлением общественного мнения в июне, в течение истекшего месячного периода были закончены, и правительство могло явиться перед Государственной Думой, созыв которой решено было приурочить к 19 июля—годовщине со дня об'явления войны—в составе, из которого были удалены такие раздражающие элементы, как Маклаков, Сухомлинов, Саблер и Щегловитов.

Оставался еще не замещенным пост председателя Государственного Совета. После смерти неуступчивого в своей крайней правизне, грубоватого, но честного М. Г. Акимова, последовавшей в 1914 году, в самом начале войны, обязанности председателя Государственного Совета исполнял вице-председатель, всеми уважаемый, И. Я. Голубев. Утвердить его в должности председателя, повидимому, не решались, опасаясь его „конституционности", и потому к 1 января 1915 года „сферами" был придуман кандидат на эту должность, несомненно правый и весьма приятный Булыгин. Был даже подписан указ о его назначении председателем Государственного Совета, но он, занимая уже должность главноуправляющего ведомством императрицы Марии и будучи, по характеру, склонен к спокойной и уютной жизни, прикрылся желанием императрицы-матери и от угрожавшей ему новой хлопотливой обязанности успешно и благовидно отказался, а другого вместо него придумать из правых не могли, и потому Государственный Совет вступил в 1915 г. опять возглавленным вице-председателем И. Я. Голубевым.

Теперь в Совете Министров пришли к убеждению, что, при новых веяниях, в председатели Государственного Совета может пройти кто-нибудь и из умеренных, но, дабы не раздразнить крайних правых, усмотревших бы в назначении И. Я. Голубева государственную опасность, решено было выставить кандидатуру А. Н. Куломзина, близко известного государю в качестве управляющего делами бывшего под его председательством Комитета по постройке Сибирской железной дороги, ныне председателя Романовского Комитета, искусно прими-

рявшего в себе готовность к политическому прогрессу с приемами придворной куртуазии.

Назначение это было одобрено и состоялось 15 июля.

Вступление германцев в Курляндию поставило на очередь вопрос об эвакуации из Риги огромных и важных в смысле обороны промышленных предприятий. Посетивший меня Рижский генерал-губернатор ген. Курлов получил от меня указания о необходимости и своевременности такой эвакуации. Была сформирована для сего 6 июля особая эвакуационная комиссия, имевшая в своем составе представителей общественных организаций и поставившая к выводу первую очередь наиболее нужные нашим снарядным и оружейным заводам станки и металлы, вес которых исчислялся сотнями тысяч пудов.

В течение месяца, с 6 июля по 6 августа, было вывезено грузов 15.531 вагон и, кроме того, свыше 300.000 пудов водным путем; под рабочих с семьями было за то же время подано около двух тысяч вагонов [1]).

Надо было как-нибудь смягчить настроение главного интенданта ген. Шуваева, не перестававшего носить обиду на то, что не он избран на должность моего помощника, и это тем более было своевременно, что, намечая уже новую организацию управления военным министерством, в которую должен был войти второй помощник, стоящий непосредственно у заготовительных операций, я опять-таки ген. Шуваева кандидатом на эту новую должность в виду не имел. Между тем, на роли главного интенданта он, при всем своем прекраснодушном оптимизме, был несомненно полезен. Мне подсказали, что, будучи безукоризненно честным человеком, он, при большой семье, нуждается в деньгах, а потому будет доволен, если на время войны содержание его довести до размера, присвоенного помощнику министра. В этом смысле и был составлен доклад о назначении ему на время войны дополнительного вознаграждения по 6.900 руб. в год; отказа для него—избранника Сухомлинова—конечно, быть не могло и к моим похвалам деятельности Шуваева, как главного интенданта, последовало добавление: „я знаю, знаю, и помню эти таблицы, которые он мне показывал“ [2]).

В числе докладов, о которых интересно еще упомянуть, был доклад о постройке казармы для двух рот железнодорожного полка в Царском Селе. В последние годы гарнизон Царского Села усиливался, гвардейские стрелковые батальоны были обращены в полки 2-х батальонного состава, к ним был

---

[1]) Сравнить с мемуарами Курлова, в которых эвакуация Риги рисуется совершенно не в таких розовых тонах. *Ред.*

[2]) Это воспоминание относилось к тем случаям, когда Сухомлинов возил Шуваева с собой на личные доклады, чтобы демонстрировать свое руководство интендантской частью.

добавлен гвардейский стрелковый артиллерийский дивизион, усилен состав Сводного полка и соответственно этому возводились постепенно и новые казарменные сооружения. Для этих новых построек был принят, после празднования 300-летнего юбилея дома Романовых и после поездки государя в Кострому, так называемый „Костромской стиль". Вблизи Федоровского собора [1]) появились построенные в этом стиле: „ратная палата", которую полковник кн. Путятин—знаток русских древностей—подготовлял к приему трофеев и воспоминаний текущей войны, станция „царской ветки", офицерское собрание конвоя и казармы, возводимые в другой части города. Старые Екатерининские и Александровские постройки, носившие на себе отпечаток архитектурного рококо и ренесанса, оказались окруженными строениями, напоминавшими издали кремли, с их башнями и зубчатыми стенами. Императрица Александра Федоровна приняла живое участие в этом зодчестве, а государь говорил, что после затей иноземного вкуса он оставит после себя в Царском архитектурные памятники чисто руского творчества. Федоровский собор получил наименование „государева собора" и, отделанный снаружи и внутри под формы и краски древней Руси, сделался новым местом молитвы царской семьи, мистически настроившейся в идеях отжившего самодержавия и считавшей собор при Екатерининском дворце памятником невзлюбленной ими поры привоза вкуса и идей с Запада.

Казармы по этому новому вкусу обходились дороже казарм нормального типа и разницу в стоимости государь приплачивал из собственных средств:—мой доклад о постройке еще казарм для двух рот в „Костромском" стиле заключался, главным образом, в доведении до сведения суммы, подлежавшей военному ведомству к доплате из сумм Двора.

На заседании в этот день Совета Министров (в $2^1/_2$ час. в Мариинском дворце) сделалось известным, что завтра утром состоится заседание Совета Министров в Царском Селе под председательством государя по вопросам, связанным с возобновлением занятий Государственной Думы и по некоторым другим из числа намечавшегося в последнее время в Совете Министров.

7 июня, после дневных занятий, я поехал уже не к себе на дачу в Старом Петергофе, а в Царское Село на отведенную мне квартиру в здании Лицея. Сообщение с Петроградом и в смысле личного ежедневного передвижения и в смысле доставки из министерства бумаг, было гораздо удобнее из Царского, нежели из Старого Петергофа, особливо в период пребывания государя в Царском.

---

[1]) В Царском (ныне Детском) Селе. *Ред.*

Квартира эта в 3-м этаже по числу комнат была для меня весьма обширна; полная тишина благоприятствовала занятиям, а длинный светлый корридор, соединявший над улицей этаж Лицея с дворцовым Собором, был удобен для комнатной прогулки. Все продовольствие подавалось от Двора.

8 июля, на площадке перед Федоровским Государевым Собором, куда пришли крестные ходы из всех местных церквей, было совершено, в присутствии государя и царской семьи, молебствие о даровании победы над врагами.

К 11 часам утра министры с'ехались в Александровский дворец, где жил государь и где было назначено заседание Совета Министров. До начала заседания Горемыкин представил к подписанию государя Именной Указ Правительствующему Сенату о возобновлении занятий Государственного Совета и Государственной Думы с 19 июля сего года.

В заседании, которое происходило в малой гостиной, смежной с залой, говорилось сначала о выступлении правительства в первом заседании Государственной Думы, при чем Горемыкин сказал, в весьма общих чертах, о чем он полагал бы уместным говорить ему (все усилия для победного окончания войны); Сазонов—тоже по вопросам внешней политики. Я заявил, что нахожу необходимым выступить и мне, коснувшись главным образом тревожащих все общество вопросов снабжения армии; Барк заявил, что даст об'яснения по нашему финансовому положению.

Затем, перешли к вопросу, которого неоднократно касались в последнее время в Совете Министров, а именно о двоевластии в столице. Находясь в районе театра военных действий, Петроград во всех отношениях был подчинен главнокомандующему 6 армией, но в то же время и центральная гражданская власть, в лице министров, не считала возможным устранить себя совсем от всякого влияния на жизнь и порядок в политическом центре страны. Поэтому предлагалось образовать в Петрограде особый, под председательством главнокомандующего армией, Комитет, в состав которого ввести представителей министерств, в том числе товарища министра внутренних дел, и таким путем установить связь между взглядами правительственной и военной власти.

Все предположения сопровождались, конечно, полным одобрением.

После окончания заседания министрам был предложен завтрак за накрытым в соседнем зале круглым столом, за которым хозяином был граф Фредерикс.

Получил еще письмо от генерал-ад'ютанта Куропаткина с просьбой поддержать его ходатайство относительно приступа к формированию резервной армии и привлечении его к этой работе.

Мне оставалось ему ответить, что главнейшая задача данного времени заключается в том, чтобы совершенно ослабленную в личном составе армию пополнить офицерами, обученными укомплектованиями, винтовками и боевым снаряжением и что о формировании резервной армии, за отсутствием к тому средств, не может быть и речи.

Меня разновременно посетили два московских деятеля П. П. Рябушинский и М. В. Челноков по поводу возникавшей деятельности по снабжению армии со стороны союзов, земского и городского, в добавок к установившейся ранее деятельности на том же пути военно-промышленных комитетов [1]). Оставляя в значительном большинстве случаев производство сложных артиллерийских и иных военных предметов на долю военно-промышленных комитетов, союзы земский и городской ставили для себя в первую очередь собирание распыленных технических сил, организацию средней и кустарной промышленности в уездах и городах, об'единение их в одно целое и распределение ведомственных заказов соответственно силам и средствам каждого района. В таком порядке могла бы быть отчасти достигнута и разгрузка крупных промышленных центров от массы мелочей шанцевого, обозного и интендантского снаряжения. На этих основных положениях пока остановились, предоставляя времени определить дальнейшее.

Как известно, начало войны ознаменовалось для нас крупным погромом, понесенным нами в первом же серьезном столкновении с германцами, имевшем место 15—17 августа в Восточной Пруссии. Еще до получения подробных известий об этом событии можно было уже придти к выводу, что причиною его является та же причина, которая не дала нам ни одного заметного стратегического успеха в течение всей Русско-Японской войны, а именно неподготовленность наших старших военных начальников к ведению боевых действий против хорошо обученных войск, руководимых генералами, умеющими осуществлять это руководство.

Почему же теперь и после печального опыта Русско-Японской войны из наших старших генералов, не лишенных высшего военного образования и боевой практики, оказались все же лишенные уменья управлять в военное время крупными соединениями войск. Ответом на это является соображение, их не оправдывающее, но об'ясняющее положение дела. Наша высшая военная власть, очень скоро забыв тяжкие уроки Русско-Японской войны и увлекаясь все более

[1]) Центральный военно-промышленный комитет с отделениями в главнейших центрах России был образован в Петрограде в мае 1915 г., имея задачей мобилизовать промышленность для военных целей. Деятельность его в эту пору еще не дала результатов.

и более декоративной стороной жизни войск в мирное время, не давала себе отчета в истинных задачах подготовки к большой войне. Ревниво оберегая в то же время в своих руках судьбу приятных ей старших начальников, хотя бы способность их управлять корпусами в бою и учить войска сражаться с опасным противником и подлежала сомнению, тем самым еще более подталкивала многих, многих „забыть о войне и помнить о параде".

На этом была построена вся система обучения войск, в которой кое-какое обучение к бою собственно оканчивалось дивизией, так как корпуса, а тем более группы корпусов сложным действиям, выпадающим на долю массы войск, уже не обучались; специальные же занятия со старшими начальниками и со штабами, имеющие целью подготовить их к планомерной деятельности массою в военное время, и получившие широкое развитие в иностранных армиях, у нас велись шаблонно и без интереса к делу. Не было хороших руководителей и не было твердого сознания, что это необходимо, коль скоро для подготовки корпуса к бою оценки не существует, а награды и продвижение по службе зависят от успеха представления части на параде [1]).

Было распространено в последние годы справедливое само по себе мнение, что главное условие для успеха на войне, это создание благоприятного для войны духа войск и любви своей части офицером и солдатом. Но на этом пути не шли далее воспроизведения в памяти войск их былых подвигов, и далее обмундирования их теми мундирами и головными уборами, которые были современны этим подвигам или которые просто казались более красивыми нежели прежние.

Закончив такие перемены в формах одежды, решили, что, подняв, таким образом, дух армии, нельзя более бояться войны с немцами и должно говорить, что единственный для нас приемлемый способ войны с ними—это наступление на них [2]); одновременно считалось, что в уменьи нашем насту-

---

[1]) В течение 6 лет наиболее энергичной боевой подготовки армии (1906—1912 гг.) автор мемуаров занимал высоко ответственные места и должен был оказать влияние на обучение начальствующих лиц. Мною лично с ним по этому поводу велись многочисленные разговоры, не приведшие ни к чему. *Ред.*

[2]) „Мы получили из безупречного источника сведения, не оставляющие сомнений, что Россия, по воле своего верховного вождя, поднявшая боевую мощь армии, не думает о войне, но готова ко всяким случайностям"...

Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, совершенно забудет понятие „оборона", которое так упорно прививали ей в течение предпоследнего периода нашей государственной жизни. Русская армия, уже в мирное время выросшая на одну треть, состоящая из полков однородного состава, с улучшенным корпусом офицеров и нижних чинов, является первой в мире и по количественному отношению состава кавалерии, и с пополненной материальной частью. Ко-

пать не может быть сомнения, и что, следовательно, наши старшие начальники и по умственному труду, и по испытанности характера, и по количеству практики в поле, не уступают полководцам германским [1]).

И в этой печальной для нашей армии странице жизни роковую роль сыграл Сухомлинов, не только не пытавшийся бороться с поверхностным к военному делу отношением Николая II (что в некоторых случаях честно делал его предшественник Редигер, не имевший, однако, такого строевого авторитета), но всемерно утверждавший его в стремлении смотреть на перспективу великой войны столь же беззаботно, как на канун „смотра в высочайшем присутствии".

После поражения, понесенного 2-й армией (ген. Самсонова) в боях под Сольдау и Нейденбургом, расследование деятельности старших войсковых начальников в этих боях было возложено на пользовавшегося всегда особенным доверием государя,—ген.-ад. Пантелеева.

Из представленного мне, весьма обстоятельного, отчета можно было установить нижеследующие главнейшие причины нашей неудачи.

1) Неисполнение ген. Самсоновым основной директивы главнокомандующего Северо-Западным фронтом ген. Жилинского, вследствие чего фронт наступления получил непомерную длину и разорвался;

2) сильное утомление войск, вызванное неудовлетворительной организацией наступления;

3) пользование искровым телеграфом для секретных распоряжений, которые вследствие этого становились известными неприятелю;

4) приказание ген. Самсонова о продолжении наступления 14 августа, когда уже было известно, что I и VI корпуса, обеспечивавшие фланги армии, отошли назад;

5) распоряжение ген. Самсонова о снятии телеграфа в штабе армии (Нейденбург), вызвавшее с 15 августа окончательную потерю управления армией.

Ген.-ад. Пантелеев, прислав мне экземпляр своего отчета, просил меня сообщить ему вполне откровенно мой критический анализ этого отчета.

Я написал ему в ответ нижеследующее мое мнение.

нечно, если какая-нибудь держава питает агрессивные замыслы против России, то наша новая боевая мощь ей неприятна, ибо никто уже теперь не может питать вожделений о какой бы то ни было части русской земли. („Россия хочет мира, но готова к войне" Биржев. вед. 27/II—1914 г.")

[1]) Было бы правильнее если бы автор в данном случае говорил от себя лично или от группы своих немногочисленных единомышленников, а не приписывал бы всему командному составу армии то, что ему и в голову не приходило. *Ред.*

„Вполне разделяя ваш взгляд на главные причины тяжелой неудачи, постигшей нашу 2-ю армию при наступлении в Восточную Пруссию, я все-таки не могу не добавить к высказанным вами причинам нашей неудачи еще некоторые, на мой взгляд, также весьма существенные.

Самая идея операции, зародившаяся в генерал-квартирмейстерской части штаба верховного главнокомандующего, не была в достаточной степени соображена с теми взглядами на возможные операции в Восточной Пруссии, которые существовали в германском генеральном штабе. Эти взгляды были нам известны по имеющемуся в нашем распоряжении отчету о военной игре противника в 1905 году. В указанном отчете имеется нижеприводимая фраза, которая должна была, казалось бы, заставить призадуматься инициаторов несчастной операции.

Почти все, кому приходилось до сих пор руководить русской стороной, наступали неманской армией в вышеуказанном направлении (между Инстербургом и Ангербургом), наревской же армией в обход Мазурских озер с юга и далее в северном или северо-западном направлении с радостною уверенностью, что они будут в состоянии уничтожить этим концентрическим наступлением немцев, которых предполагали сосредоточенными за линией Мазурских озер или за рекой Алле. Но они постоянно ошибались. Немцы, не ожидая этого маневра, отступали, но пользовались предоставляемым им случаем атаковать левый фланг наревской армии в наиболее опасном для нее направлении.

„Но, видимо, как в штабе верховного главнокомандующего, так и в низших штабах не были учтены планы противника, столь ярко выраженные в приводимом отчете.

„Затем не могу не высказать удивления, что нашими штабами не была принята во внимание громадная провозоспособность немецких железных дорог, дававшая возможность быстрому и широкому маневрированию германской армии, о чем также мы были хорошо осведомлены еще в мирное время.

„Обращает также на себя внимание разрозненность действии 1-й и 2-й армий и отсутствие какой-либо связи между ними, что не могло не отразиться на успехе всей операции. В то время как 1-я армия дерется, 2-я медленно наступает и приходит в соприкосновение с противником только тогда, когда 1-я армия окончательно теряет связь с ним“.

После этой крупной неудачи главнокомандующий северо-западным фронтом ген. Жилинский был сменен и на его место назначен ген.-ад. Рузский. Главный же виновник, как тогда считалось, ген. Самсонов пропал без вести в лесу, при отступлении остатков его армии и лишь зимой 1915 года,

вдова его, посетившая в качестве сестры милосердия наших военно-пленных в Пруссии, нашла, при помощи германских военных властей, его могилу, вблизи поля сражения, и перевезла затем гроб его в Россию.

На этой же неудаче проявилось с очевидностью то, что я приводил выше об отсутствии у нас всякого внимания к столь важному делу, как подготовке вождей к управлению на войне большими массами войск. Ген. Самсонов умный, честный и спокойного характера человек во время русско-японской войны командовал сибирской каз. дивизией и имел с нею несколько небольших успехов; в 1905 — 7 г.г. он был начальником штаба варшавского округа и в этом периоде, конечно, мог войти в курс оперативных соображений, долженствовавших обнимать собой и вероятные действия наши в Восточной Пруссии, но с 1907 года он занимал должности военно-административные, а именно с 1907 до 1909 г.—войскового наказного атамана Войска Донского, а с 1909 г. — туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками туркестанского округа, причем обе эти должности отвлекали его внимание, главным образом, в сторону вопросов гражданского характера.

После об'явления войны, его, отставшего за 7 лет от работ оперативного характера, на случай войны в Германии, не имевшего практики в управлении даже корпусом, вызывают из Туркестана, дают ему армию из пяти неизвестных ему корпусов, с неизвестным ему штабом и торопят наступлением в Восточную Пруссию, оборона которой давно и методично изучалась прусскими генералами, и на обдуманно проводимых маневрах и на военной игре и постепенно совершенствовалась, путем усиления ее техническими способами.

В результате, если идея наступления, данная главнокомандующим, уже отвечала той комбинации, к которой германцы особенно основательно подготовились и которую они находили потому для себя особенно желательной, то исполнение ее в том виде, как это было предпринято ген. Самсоновым, превзошло вероятно все их расчеты на неподготовленность русского командования.

Вслед за этой первой нашей неудачей, постигшей одну из армий, попытавшихся вторгнуться в Пруссию, последовали неудачи и другой армии, находившейся под начальством ген.-ад. Ренненкампфа и начавшей военные действия оттеснением первоначально передовых войск неприятеля довольно далеко вглубь его страны.

Если Самсонов не имел практики в командовании крупными войсковыми частями и в последние годы перед войной был отвлечен от задач европейской войны в сторону забот о благоустройстве азиатской окраины, то ген.-ад. Реннен-

кампф, имя которого, как энергичного генерала, выдвинула борьба с плохо вооруженными китайскими войсками в 1900—1901 г.г. и совершенно не выдвинула война 1904—5 г.г. с превосходной японской армией, в течение года командовал корпусом в Сибири, затем в течение 6—7 лет командовал корпусом, расположенным на германской границе, и, наконец, за два года до войны получил в командование войска виленского округа, сделавшись, таким образом, законным кандидатом на командование армией в случае войны с Германией, и притом армией, составленной из войск его же округа, т.-е. ему хорошо известных по их составу. Следовательно, в данном случае были, повидимому, соблюдены многие условия для надлежащей подготовки лица, поставленного во главе армии. Но среди этих многих условий, к несчастью, не было одного военного дарования, необходимого полководцу, и это было заранее столь очевидно, что даже Сухомлинов, при всем его придворном оппортунизме, относился отрицательно к пожеланиям сверху дать дальнейшее продвижение по службе командиру 3 армейского корпуса „энергичному" Ренненкампфу. Назначение его командующим войсками виленского округа состоялось не устным распоряжением, а посредством присылки военному министру записки из поезда, на котором удалялись из Петербурга. Такой способ заочных распоряжений практиковался вообще в тех случаях, когда желали избегнуть повторения возражений, казавшихся скучными. Легенда об „энергии" Ренненкампфа поддерживалась не столько быстроходной погоней за китайцами в 1900—01 г.г., сколько усиленным продвижением карательного отряда, который, следуя в 1905 г. на особом поезде под начальством Ренненкампфа, восстановил сообщение армии Линевича с Сибирью, поборов революционное движение вдоль Манчжурской ж. д., в то время, как другой отряд, под начальством бар. Меллера-Закомельского, исполнял ту же задачу, двигаясь из России на поезде навстречу Ренненкампфу. Но может быть более всего „в сферах" производила впечатление „энергии" самая фигура ген. Ренненкампфа с его великолепной военной выправкой, быстрыми движениями и короткими отрывочными ответами.

Тем не менее по поводу неудачи его армии и личной его при этих неудачах растерянности было назначено еще весной, особое расследование, возложенное на генерал-ад'ютанта Баранова. Сам же ген. Ренненкампф был распоряжением верховного главнокомандующего устранен от командования.

Я не был еще ознакомлен с результатами этого расследования, как уже убедился, что к ген. Ренненкампфу существует другое отношение нежели к ген. Самсонову. Кн. Орлов писал мне из ставки (в бытность еще там государя): „Мне кажется, что

отчет ген.-ад. Баранова относительно ген.-ад. Ренненкампфа, не очень удачно составлен, то-есть немного легкомысленно и кроме того, в нем чувствуется как бы рука Сухомлинова, который во что бы то ни стало хотел его потопить; по крайней мере на меня и на Дрентельна этот отчет производит впечатление, что у Баранова сложилось недостаточно ясное понятие о деле".

Посетил меня и сам ген.-ад. Ренненкампф с вопросом о возможности его реабилитации, на что я мог ответить, что предоставление ему вновь командования зависит, конечно, от ставки, но мое личное мнение таково, что доверие к нему войск и общества потеряно. Такой мой ответ основывался не только на известиях, появившихся уже в печати, но и на подробной по поводу действий Ренненкампфа беседе, которую я имел с главнокомандующим северо-западным фронтом ген.-ад. Рузским еще в декабре 1914 года.

Вслед за сим я получил уже из „сфер" большой снаряд в виде письма от графа Фредерикса с приложением отчета ген.-ад. Баранова и с просьбой сообщить мое заключение о дальнейшем направлении службы ген.-ад. Ренненкампфа.

Ответ мой был таков:

„Генерал-ад'ютант фон-Ренненкампф обладает большой энергией, при крайне ограниченных военных дарованиях и при отсутствии хорошего нравственного воспитания.

Качества эти появлялись в нем все с большей очевидностью по мере расширения на служебном поприще его прав и обязанностей.

Прекрасный младший офицер кавалерийской части, в должности командира полка он навлекает уже на себя тень неправильных отношений к полку и к полковому хозяйству.

Во время русско-китайской экспедиции 1900 года его личная энергия и выносливость, при отсутствии серьезного противника, давала ему возможность совершать с отрядом быстрые передвижения и занимать почти без выстрела китайские города, донося с преувеличением о своих военных успехах.

В течение русско-японской войны он командовал отрядом из трех родов оружия, обыкновенно на флангах боевого расположения армии, и действия его, на сей раз против стойкого врага, по бесцветности своей и безрезультатности, не выделили его в число заметных по удаче и искусству вождей, а тень неправильных отношений к казенному интересу сгустилась над ним еще больше.

Во время смуты, последовавшей за войной, имя генерала Ренненкампфа пришлось связать с энергичным командованием боевым поездом, пробившим среди мятежного края путь из Манджурии в Сибирь навстречу такому же поезду под началь-

ством генерала барона Меллер-Закомельского в Сибирь из Европейской России.

Наступившая отечественная война вывела генерал-ад'ютанта фон-Ренненкампфа на широкую деятельность командующего армией, и в первое время великолепная гвардейская кавалерия, которую он расходовал без соответствия с величиной задачи, а также превосходство в силах над оборонявшимся противником дали ему возможность широко рекламировать свою личную энергию и продвижение армии вперед.

Но тотчас же, как только неприятель усилился и стал маневрировать, военная ограниченность командующего армией сказалась во всей силе, превратилась в растерянность, а растерянность уже в панику, и по России в августе разнеслась молва: „Ренненкампф бросил армию и бежал".

В такой же обстановке и с еще худшими последствиями для войск сложились его личная растерянность и паника в ноябрьские дни.

Войска видели и чувствовали на себе бестолковость управления военачальника, а его оставление армии в критические минуты и приближенность к нему дельцов из евреев создали вокруг него тяжкие легенды.

Появление генерал-ад'ютанта фон-Ренненкампфа среди действующей армии, после создавшейся там около его имени молвы и при настоящих тяжелых условиях войны, почитаю совершенно невозможным.

Ему, по мнению моему, надо ожидать окончания войны и тогда выступить с защитой себя против этой молвы и против той, основанной на документах критики, которая возникнет впоследствии по поводу его действий, как командовавшего армией" [1]).

По поводу этого письма никто со мной впоследствии не говорил, и ген.-ад. Ренненкампф в армию не возвратился.

На состоявшемся 10 июля в Мариинском Дворце заседании Совета Министров, говоря об общих вопросах, признали необходимым испросить помилование возвращающемуся в Россию эмигранту Бурцеву.

На очередном личном докладе в субботу 11 июля отклонено ходатайство отставленного от командования корпусом и уволенного в отставку генерала от инфантерии Епанчина о предоставлении ему вновь должности в армии. Как офицер Генерального Штаба, в молодые годы Епанчин имел очень хорошую репутацию, принадлежа к группе тех офицеров, которые крепко держались службы именно в Петербургском военном округе и были, так сказать, на гвардейском счету. Затем он был директором Пажеского корпуса, после этого

---

[1]) От 11 июля 1915 г. № 1623. *Ред.*

6—7 лет командовал дивизией в Киеве и на войне корпусом. Ему приписывалась вина в одной из крупных неудач его корпуса, а, следуя принятому верховным главнокомандующим порядку, старший начальник войск, потерпевших поражение, отчислялся от должности.

На основании выработанного в свое время плана общество „Красного Креста" должно было отправить на театр войны 118 собственно-лечебных полевых учреждений со штатным числом кроватей—13.100 и сверх того 10 передовых отрядов, что и было „Красным Крестом" выполнено несколько ранее намеченных сроков. Ближайшая деятельность, однако, тотчас же показала необходимость дальнейших формирований. Постепенно все расширяя и совершенствуя дело оказания помощи больным и раненым воинам, общество „Красного Креста" в настоящее время имеет на всех фронтах 44.400 кроватей в 71 госпитале, 65 этапных и 55 подвижных лазаретов и 9 санитарных поездов, и кроме того, имеет 61.247 кроватей в 1.329 эвакуационных лазаретах. Сверх того, „Красным Крестом" содержится на театре войны целый ряд учреждений, оказывающих перевязочно-питательную помощь, санитарно-эпидемических отрядов, дезинфекторских, летучих хирургических, рентгеновских отрядов, поездов-бань и т. д. А крайне сложная и тяжелая обязанность по эвакуации и лечению душевно-больных воинов всецело возложена военным ведомством на „Красный Крест". Всего обществом „Красного Креста" сформировано и содержится за его счет на всех театрах военных действий—558 полевых учреждений, а вместе с эвакуационными лазаретами — 1.887. Все перечисленные учреждения обслуживают 1.500 врачей, 8.268 сестер, около 200 фельдшеров и 750 студентов и свыше 15.000 санитаров. Во всех полевых и эвакуационных собственно лечебных заведениях „Красного Креста" западного фронта по 1-е мая сего года перебывало 434.741 раненых и больных офицеров и нижних чинов. Расходы общества „Красного Креста" по главному управлению, за время с начала военных действий по 15-е июня сего года составили в общем 47,9 милл. руб.

Обнародован именной высочайший указ (12 июля) Правительствующему Сенату об образовании, под покровительством императрицы Александры Федоровны, Кустарного Комитета, имеющего целью доставление подсобных заработков увечным и раненым воинам и пострадавшему во время войны населению.

Приближалось 19 июля—день годовщины начала войны и день, назначенный для возобновления занятий Государственной Думы.

Годовщину эту в сознании и страны и армии должна была отметить Государственная Дума, но сверх этого требовалось

сделать что-либо в смысле обозначения этого дня и распоряжением военного министерства.

Ген. Янушкевич писал мне:

„Подходит 19 июля—год войны. Хотя побед нет, нет даже успеха, но „армия"—„окопы" в этом не виноваты. Дух падает, так как не видят „просвета". Нет винтовок, мало патронов, мало артиллерии и плохие по обучению пополнения. Во всем этом „окопы" не виноваты, да не виновата и вообще армия. Казалось бы необходимо с высоты престола отметить „год войны".

„Я докладывал великому князю. Как всегда, верховный идет навстречу всякому почину поощрений".

По тому же вопросу, т.-е. по поводу обозначения для армии дня 19 июля, писал мне и князь Орлов:

„При сем препровождаю копию приказа по армии и флоту 1905 года. Мне кажется, что вероятно были в этом роде приказы Александра I после пожара Москвы, а может и после Бородина. Об'являть теперь какие-либо милости вперед армии, по моему, не момент, но, конечно, если бы вышел теперь, т.-е. ко дню годовщины войны, приказ по армии и флоту, бодрящий и за подписью государя,—это было бы хорошо. Война исключительная по своей тяжести для страны и народа, а до сего ни разу государь лично не обращался к войскам. Именно в тяжелые минуты Варшавы, а, может быть, и Риги, такой приказ от царя, проникнутый благодарностью за подвиги российского воинства, твердостью—не кончать войны до конечной победы, итти на дальнейшие жертвы для славы страны, по примерам предков, и стремлением влить новую струю бодрости в ряды армии и флота, а на ряду с этим в само население, во все круги от мала до велика—по моему будет кстати".

Война вступала, очевидно, в оборонительный с нашей стороны период, где, подобно тому как и в 1812 году, огромное пространство нашего тыла обещало одновременно с последовательной уступкой частей его противнику, дать время для восстановления сил армии и для снабжения ее средствами для борьбы; эти же условия предуказывали и затяжку войны на долгий срок. Поэтому приурочивать к первой годовщине какие-либо исключительные льготы ее участникам, подобно предположенному статс-секретарем Кривошеиным наделению их землей, было бы преждевременно, тем более, что мера эта и не была еще разработана. Частичные же мероприятия для улучшения бытия армии надлежало проводить при всякой к этому возможности.

В заседании Совета Министров 14 июля [1]) рассматривался, между прочим, законопроект об особом совещании для об'-

[1]) И. Л. Горемыкин переехал на предоставленную ему казенную дачу на Елагином острове, на которой жил в прошлом году В. Н. Коковцев; заседания Совета происходили до осени на этой даче, в нижнем ее этаже в большой комнате с террасою, выходившею в сад.

единения мероприятий по обороне государства. Законопроект этот имел в виду об'единение в Особом Совещании лишь мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения; но Совет Министров, главным образом по настоянию А. В. Кривошеина, внес со своей стороны в этот законопроект существенные изменения, полагая возложить на Особое Совещание, сверх тех задач, которые оно уже выполняло, еще принятие мер к обеспечению топливом, а равно согласование отдельных по продовольственному делу мероприятий, вызываемых временными обстоятельствами. Такое расширение задач Особого Совещания чрезвычайно их осложняло, а равно осложняло обязанность и ответственность его председателя,—военного министра, но в то же время несомненно способствовало водворению единства и цельности в мероприятиях по всем главнейшим статьям государственной обороны, вследствие чего я и не возражал против переработки законопроекта.

После рассмотрения всех назначенных по повестке дел говорили о программе речи, с которой председатель Совета Министров выступит 19 июля в Государственной Думе. Главной частью ее содержания будет указание на необходимость напречь все усилия для победы над врагом, а потому правительство вносит теперь лишь те законопроекты, которые вызваны потребностями войны. Из этих законопроектов особенно отмечается тот, где члены законодательных учреждений призываются к постоянной непосредственной работе по усилению обороны, а именно законопроект об Особом Совещании. Затем признано было необходимым испросить особое разрешение государя на подтверждение в речи тех основ свободного устройства Польши, которые были обещаны в воззвании верховного главнокомандующего при начале войны.

На личном докладе 14 июля, утром, пришлось испросить указание по поводу последовавшего зачисления наследника в списки казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища—зачислен ли он туда юнкером или офицером. В виду особенностей личного порядка в этом вопросе ответ — „офицером"—был начертан собственноручно. По фамильным традициям пользовались всяким случаем, чтобы подчеркнуть особую связь наследника престола с казачеством, независимо от того, что он уже с младенчества числился „атаманом всех казачьих войск" и как таковой принимал казачьи депутации, подносившие ему предметы вооружения и обмундирования, изготовляемые для его возраста.

Весной 1909 года, вскоре после вступления Сухомлинова в должность военного министра, он привез раз из Царского Села новость: государь не желает, чтобы казаками распоряжалось Главное Управление казачьих войск, где сидят чи-

новники, и намерен образовать для этого особый штаб при Атамане всех казачьих войск — наследнике (которому было тогда 5 лет). Мне пришлось раз'яснить Сухомлинову, что Управление это совершено казачьей конницей и артиллерией не ведает, а занимается лишь делами казачьих областей, где приходится решать вопросы, главным образом, гражданского характера, а государь, говоря о штабе малолетнего атамана, вероятно думал о каком-нибудь порядке почетного подчинения ему именно казачьей военной силы.

Я доложил также, что мою речь в Государственной Думе предполагаю составить из двух частей: в первой изложить общий ход военных событий в течение минувшего года, как на нашем фронте, так и у наших союзников, подчеркивая успех и не скрывая неудач, а во второй высказать, что успех войны будет зависеть от степени тех усилий, которые страна примет на себя для снабжения армии всем для нее необходимым. При словах моих о действиях наших войск государь достал из ящика стола лист бумаги—это было донесение командира одного из восточно-сибирских стрелковых полков о газовой атаке немцев [1]) и передал его мне для прочтения с тем, чтобы я при следующем докладе ему это донесение возвратил.

16 июля исполнился год с того дня, как раздались первые выстрелы по Белграду, ознаменовавшие собой начало великой европейской войны.

Жалобы с фронта на недостаток снарядов прекратились, но поступали жалобы на недостаток других видов снабжения.

Генерал Янушкевич писал мне (8/VII):

„Крайне желательно подтянуть Главное Военно-Техническое Управление, которое долго не присылало, что нужно для метания с аэропланов зажигательных приспособлений. Я просил до 1 июля, чтобы сжечь посевы у германцев. Опыты дали результаты (1 летчик сжег 60—70 десятин, другой тремя снарядами 20—30, 60—70 и 50—60). Это не „голод", но все же „месть" и „страх" врагам.

„Не дают они и проволоки. Ищут, точно для крепости, оцинкованную. Надо 5-8″ и возможно больше. Вот очередные нужды, о коих считаю долгом довести до вашего сведения в надежде, что вы нам поможете и поддержите. Ведь ни одна наука не учила еще этому методу ведения войны: без патронов, без винтовок, без пушек и т. д.".

На требования с фронта о высылке 1.440 рот пополнения (360 тыс.), мы должны были ответить отказом за малочисленностью состава запасных батальонов, имевших в себе к 1 июля всего 355.538 человек. Вследствие этого в июле воз-

[1]) Эта газовая атака (в ночь на 24 июня под Болимовым) показала, что повязки (мокрые) того типа, который изготовлялся по распоряжению принца Ольденбургского, приносят пользу лишь в течение очень краткого времени.

можно отправить в армию всего 470 рот, более или менее удовлетворительно обученных, и немного большее число в августе. Призыв же новобранцев, об'явленный на 7 августа, при условии упорядочения в сроках и системе обучения, мог начать давать армии пополнения в значительном размере лишь с сентября.

В следующем письме (18/VII) генерал Янушкевич сообщал мне: „Позвольте осветить вам вопрос о пополнениях. Он стоит, особенно в северо-западном фронте, столь остро, что, получив вашу ответную телеграмму, верховный повелел срочно вытянуть из юго-западного фронта по 1 роте от полка и спешно их направить в Двинск и Ригу. Поэтому 120 маршевых рот не нужно направлять в северо-западный, а в юго-западный фронт на замену выхваченных.

„Главное Артиллерийское Управление обещало в сентябре довести число высылаемых винтовок до 100 т., значит теперь мы были в надежде получить 70—80 т. [1]).

Винтовки ценнее золота. Порции в 12—15 т. иностранных образцов [2]) пригодны лишь для запасных баталионов, чтобы люди обучались не с палками.

„Великий князь Сергей Михайлович вчера передавал, что Родзянко (?) отменил на Сестрорецком заводе выделку штыков и капсюлей [3]). За 11 месяцев войны мы получили на замену лишь 180 т. штыков. Это 20% потребности.

Сейчас о штыках плачут все казаки. Они нужны им и на замену утраченных.

„Из доклада майора Ланглуа [4]) явствует крайняя необходимость теперь же (для перехода в наступление) заготовить большое количество: 1) кинжалов; 2) револьверов и 3) ручных бомб. При взятии немецких окопов борьба в них с винтовкой невозможна, так как нет места для развития удара штыком. Нужно ручное оружие. Придется им вооружить вторые линии войск (резервы), так как первая линия на плечах проскакивает за немцами, предоставляя добивать оставших в окопах—второй линии. Поэтому я позволю себе сказать так: нужно заготовить теперь до 1 миллиона кинжалов, до 1 миллиона револьверов и 500—800 тысяч (про запас) ручных бомб.

---

[1]) За июнь было послано 65 т. изготовленных на наших заводах.

[2]) В таком количестве поступали из Америки винтовки системы Винчестера под русский патрон.

[3]) Такого распоряжения Родзянко очевидно сделать не мог и очень негодовал, когда я ему показал эти строки письма.

[4]) Майор Ланглуа, сын известного французского военного писателя, играл видную роль в исполнении военного снабжения французской армии и от времени до времени появлялся в России, чтобы делиться своим опытом. Я имел с ним недавно продолжительную беседу, в течение которой он рассказал организацию французской промышленности для обороны, разделение на районы, крупные заводы в районах изготовляют более сложное, раздав более простое ближайшим мелким заводам и мастерским.

„Получаются сведения, что в деревнях, при участии левых партий, уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться. Если будет 2—3 недельное обучение, с винтовкой на 3—4 человека, да еще такое внушение, то ничего сделать с такими войсками невозможно. Уже были одобрены его величеством две меры: 1) лишение семейств лиц, добровольно сдавшихся, пайка и 2) по окончании войны высылка этих пленных в Сибирь для ее колонизации. Было бы крайне желательно внушить населению, что эти две меры будут проведены неукоснительно, и что наделы перейдут к безземельным, честно исполнявшим свой долг. Вопрос кармана (земли) довлеет над всеми другими. Авторитетнее Думы в смысле осуждения добровольной сдачи и подтверждения необходимости возмездия—нет никого.

„Не желая обращаться непосредственно по этому вопросу к Родзянко, в обход правительства, великий князь поручил мне просить Вас, не найдете ли возможным использовать Ваш авторитет в среде членов Думы, чтобы добиться соответствующего решения, хотя бы мимоходом в речи Родзянко, или лидера центра, что, очевидно, те нижние чины, которые добровольно сдаются, забывая долг перед родиной, ни в коем случае не могут расчитывать на одинаковое к ним отношение, и что меры воздействия, в виде лишения пайка и переселения их всех, после мира, в пустынные места Сибири вполне справедливы.

„Глубоко убежден, что это произведет огромный эффект. Правительство же (Министерство Внутренних Дел) могло бы, через губернаторов, перед набором и призывом тоже внушить эту мысль. Тогда на фронт приходили бы не заранее готовые сдаться элементы, а люди долга.

„Я уже просил установить радикальное сокращение сроков призыва и прибытия военно-обязанных в запасные батальоны, а равно установления такой системы, которая бы обеспечила без перерыва пополнение рядов. Во Франции достигли того, что в ряды призываются теперь лишь новобранцы 1915 года, получившие 6-месячное обучение. Правда, потери их иные, но и Россия не Франция: у них 38, а у нас 170 миллионов.

„Прошу извинить за назойливость, но как тонущий, хватающийся за соломинку, ищу спасения тяжелому положению в ряде мер. Обидно думать, что, если мы на волоске, то и немцы едва дышут и дело лишь в часах-днях“.

Один из корпусных командиров (ген. от инфантерии Зуев), описывая мне в частном письме недостатки в снабжении армии, между прочим сообщил:

„Относительно посылки укомплектований хороший пример дают немцы и австрийцы, которые посылают маршевые команды пополнения в дивизии, а те распределяют их по

полкам, держат в 10—15 верстах за боевым фронтом, обучают и ими же пополняют убыль на другой день после боя.

„Наконец, немцы выводят из боевых участков целые части на отдых, заменяя их другими, не доводя до того, как у нас, что были и оставались на боевых участках полки по 200 человек, дивизии по 3—4 тысячи и корпуса (хотя бы 29-й, состоявший одно время из 20, 45, 77 и 81 пехотных дивизий) в 11.000 штыков. Ведь это же окончательная гибель кадров, которые не должны ослабляться более чем до 600—1000 человек в полку; иначе выходит не полк, а молодой „сброд" из людей, с полком своим не имеющих никакой связи, ничего общего.

„Особенно ощущается нами большой недостаток офицеров, ибо русский солдат дерется упорно и полезет куда угодно, пока есть офицер, который его ведет. Нет офицера— и наши солдаты большей частью теряются. Значит офицер всегда впереди, отчего и убыль среди них огромная. У немцев и австрийцев офицеры все позади и оттуда управляют; их солдаты, как более развитые, не нуждаются в личном примере офицера и, кроме того, знают, что этот офицер беспощадно расстреливает всякого, кто без приказания захочет уйти назад с поля сражения".

„Немцы вспахивают поля сражений градом металла и равняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников землей. Они тратят металл—мы—человеческую жизнь. Они идут вперед, окрыленные успехом и потому „дерзают"—мы, ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим".

„Очень обидно, больно и тяжело отходить — это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех".

Командир л.-гв. Гренадерского полка ген.-майор Рыльский, описывая мне участие полка в бою 6—11 июля у с. Крупе, в котором полк понес потери в 38 офицеров и около 2.500 нижних чинов, закончил свое письмо так:

„Армия, насколько мы можем судить, ожидает какого-то события, которое должно повернуть войну в нашу пользу. Один слух, самый якобы достоверный, сменяется другим.

По последней версии к нам перевозится японская армия и тогда война решится одним ударом. Многие уже видели японцев в тылу. Массовая галлюцинация".

Приведенные выписки из этих писем и, кроме того, и сведения, получаемые мною из других источников, не оставляли сомнения в том, что неудачи в боях и продолжительные отступления, в связи с недостатками в боевом снабжении, укрепили в умах армии мысль о превосходстве противника (особенно германцев) и вызвали в войсках упадок духа. Вот тот вывод, с которым приходится подойти к первой годовщине войны.

Вопиющие недостатки в боевом снабжении устранить при помощи наших союзников и при под'еме нашей промышленности возможно, пополнить армию молодыми офицерами и солдатами так же возможно, как возможно и установить такую систему их обучения, при которой они войдут в ряды войск более подготовленными, чем это было до сих пор. Но найдется ли такая степень искусства у наших полководцев, которая позволила бы им, пользуясь молодыми войсками, достигнуть успеха над превосходно руководимыми и превосходно обученными армиями неприятеля (повторяю — особенно германскими), а главное—проникнет ли в эти наши молодые войска бодрящий дух с мест их родины, тот патриотизм, которым так сильны германцы и наши союзники.

Вот приказ, который был об'явлен 19 июля.

„Приказ армии и флоту. 19 июля 1915 г. Год тому назад Германия и Австро-Венгрия, а затем и Турция, подняли оружие против России и направили полчища свои в пределы отечества нашего.

Доблестные войска армии и флота. Ровно год вы призваны к защите чести России и благосостояния мирного населения родины нашей. В течение этого года вы явили издревле присущие вам доблесть и мужество, покрыли знамена свои новою славою и многие тысячи лучших сынов родины запечатлели жизнью своею преданность правому делу России. Подготовлявшиеся в течение десятилетий к вторжению в отечество наше враги не сокрушили мощи вашей и, попирая существующие законы войны, разбивают полки свои о гранитную твердость русского солдата.

С гордостью и умилением взирает на вас все отечество наше и с глубокой благодарностью к подвигам вашим относятся верные союзники России.

Несмотря, однако, на всю проявленную вами беспримерную доблесть, силы врага не сокрушены и много усилий и упорства потребуется еще, чтобы вновь вернуть России блага мирной жизни. Да не сокрушаются сердца ваши и да не падет дух ваш перед предстоящими новыми испытаниями и новыми жертвами. В неисповедимой мудрости своей господу богу неоднократно угодно было ниспослать отечеству нашему тяжкие испытания и каждый раз выходило оно из борьбы с новою силою и с новою мощью.

Верные долгу своему и охваченные одним общим чувством все истинные сыны России встали ныне, чтобы в духовной связи с вами содействовать достижению предстоящей задачи и облегчить вам помощью своею трудное дело одоления врага.

С непоколебимою верою и твердою надеждою в благоприятный исход тяжкой борьбы взирает на вас вместе со мною вся Россия и призывает благословение божие на предстоящие вам многие тяжелые, но и славные ратные подвиги“.

В виду политического значения такого приказа проект его был мною оглашен в Совете Министров и приведенный текст был принят после некоторых, предложенных в Совете, главным образом со стороны А. В. Кривошеина, поправок.

Не без волнения вошел я в воскресенье 19 июля в министерский павильон Государственной Думы [1]), где, в течение более пяти лет бывал так часто, принимая деятельное и, скажу прямо, полезное участие в вопросах обороны страны, встречавших всегда, и в третьей и в четвертой Думе, самый сочувственный отклик. Последний раз я был здесь в апреле 1912 года, а затем, как известно, я был удален из Военного Министерства по желанию Сухомлинова, избравшего способом для этого удаления обвинение меня перед государем в близости к Думе, при чем, конечно, самым печальным обстоятельством оказалось то, что близость к избранному Россией законодательному учреждению могла быть поставлена в вину.

Наступили тяжкие времена, вспомнили как это было и в 1905—6 г.г., что, кроме правительства, существует еще волнующаяся и потрясенная страна, и вот в виде уступки „крикунам", удалили несколько излюбленных высшей властью министров и, скрепя сердце, поставили вместо них других, о которых можно было сказать, что Государственная Дума с ними работать не откажется.

„Обновленный" (надолго ли) кабинет сегодня должен был появиться перед избранниками народа, год тому назад в единении между собой и с энтузиазмом, давшими правительству свою поддержку в защите страны, а ныне встревоженными явной неудачей этой защиты.

Все собрались сначала в Екатерининском зале Таврического дворца для молебствия. Монументальная фигура Родзянки, высившаяся вблизи аналоя, притянула к себе министров, вышедших в наполненную депутациями залу, имея впереди себя согбенного старца Горемыкина. Тут же был и новый председатель Государственного Совета Куломзин и довольно много членов Государственного Совета, принадлежавших к группам левее правой, а также генерал-ад'ютант Рузский; хоры были переполнены публикой. „Спаси господи люди твоя" было пропето всей залой.

Заседание началось во втором часу дня и окончилось в десятом вечера.

Это исключительного значения заседание полностью запечатлено стенограммами Государственной Думы.

---

[1]) Встречен был тем же чиновником Министерства Внутренних Дел Л. К. Куманиным, который с начала возникновения Государственной Думы в 1906 г. имел свой кабинет в министерском павильоне, осведомляя и устно и по телефону председателя Совета Министров и министров о том, какие в Думе имеются предположения и настроения.

ГЛАВА IV.

В Государственной Думе.

Во вторник, 21-го июля, состоялся мой очередной доклад в Царском Селе.

При входе в кабинет я был встречен словами:

— Читал вашу речь в Государственной Думе,—читал ее вместе с дочерьми; они были в лазарете и там сибирские стрелки им сказали: что „военный министр о нас говорил в Государственной Думе",—а это вы воспользовались тем донесением, которое я вам дал. „Прекрасная речь".

Так как стенограмма заседания 19-го июля еще не была готова, то, очевидно, все эти слова относились к выдержке из моей речи, помещенной вчера в „Новом Времени"—одной из трех газет, видневшихся, обыкновенно, сложенными на маленьком столике, стоявшем влево от стола докладчика,—„Новое Время", „Русский Инвалид", „Земщина". Извлечение из данного мне 14-го июля донесения о газовой атаке немцев, я в моей речи, действительно, привел, а сегодня, следуя полученному мною тогда же указанию, начал мой доклад с обратного вручения этого донесения.

Никаких вопросов по поводу состоявшихся в Государственной Думе и в Государственном Совете заседаний, приуроченных к годовщине войны, мне поставлено не было, хотя так естественно было бы спросить военного министра—как относятся избранные страной люди и государственные сановники к тем неудачам, которыми сопровождаются наши военные действия с весны текущего года. Начать обо всем этом рассказ самому—не отвечало установленному служебному порядку, в силу которого назначенное для приема короткое время должно было быть использовано прежде всего, для испрошения резолюций по письменным докладам. Да, наконец, если бы все-таки начать рассказывать, то результат был бы таков, что при первом же упоминании о критическом отношении к действиям власти по военной части было бы (как это и происходило ранее), сказано:—„я вообще не обращаю внимания на то, что говорят,—да и что они понимают",—а при упоминании о требованиях в политической жизни страны последовал бы еще более холодный ответ:—„председатель Совета Министров мне еще об этом не говорил".

В числе докладов по личным вопросам один мог встретить препятствия, а именно, мое представление об определении на службу отставного генерала-от-инфантерии Мышлаевского с назначением его состоять в распоряжении военного министра. В 1908 году начальником генерального штаба, вместо генерал-от-инфантерии Палицына назначается генерал-от-кавалерии Сухомлинов, который 11-го марта 1909 года заменяет генерала Редигера в должности военного министра и избирает вместо себя на должность начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Мышлаевского.

Отношения ко мне в ту пору и генерала Сухомлинова, и генерала Мышлаевского, были мало доброжелательны, и, по доходившим до меня слухам, оба эти лица весьма между собой сблизившиеся, придумывали способы, как меня устранить от дел военного министерства и, если ни на каком способе не остановились, то этому воспрепятствовал тот авторитет, которым я пользовался в Совете Министров и, в частности, у председателя совета Столыпина и министра финансов Коковцева.

Осенью 1909 года, по возвращении Сухомлинова из отпуска я стал, однако, замечать перемену в отношении его к Мышлаевскому, ироническое именование его словами: „наш с вами общий друг", и, наконец, однажды мне показана была издали папка с надписью на ней: „письма Мазепы", при чем было заявлено, что для дальнейшего усовершенствования профессора военного искусства и начальника генерального штаба генерала Мышлаевского в военном деле, государь император повелел предоставить ему в командование 2-й кавказский корпус, дабы, обогатив себя строевым опытом, он мог бы уже быть кандидатом на самые высокие по военному ведомству назначения. Если прибавить, что Мышлаевский был в это время за границей и такое назначение состоялось без его ведома, то, очевидно, корень этого события находился в папке с „письмами Мазепы", которые Сухомлинов охарактеризовал, однако, коротко словами, что „там документы с подкопом против военного министра".

Говорили, что Мышлаевский составил записку, в которой, основываясь на легкомыслии Сухомлинова, доказывал непригодность его к исполнению обязанностей военного министра, что эта записка была вручена принцу А. П. Ольденбургскому, а тот передал ее государю, назвав и автора; по возвращении же Сухомлинова из отпуска, государь эту записку отдал ему.

Прокомандовав с большим успехом несколько лет 2-м кавказским корпусом, Мышлаевский был повышен в звание помощника главнокомандующего на Кавказе, и с начала войны играл у престарелого и больного графа Воронцова-Дашкова главную роль в руководстве военными действиями. Зимой

1914 года турки заняли угрожающее положение на Сарокамышском направлении. В Тифлисе поднялась паника, а в Петрограде повторяли выражение Сухомлинова,—„против бедного графа Воронцова действуют и турки, и Мышлаевский",—и, хотя Мышлаевский, по его об'яснениям, дал такие войскам указания, которые повели к погрому турок, тем не менее, его положение на Кавказе поколебалось. Верховный главнокомандующий был против него, и он должен был выйти в отставку.

Подыскивая для работы по руководству снабжением армии лиц энергических и обладающих при том опытом текущей войны, я не мог не остановиться на целесообразности привлечь к этим работам Мышлаевского, хотя и предвидел, что, по причинам, изложенным выше, намерение это может быть своеобразно истолковано, как действие лично направленное к осуждению памяти Сухомлинова после тех речей, которые раздались в осуждение этой памяти, два дня тому назад в Государственной Думе.

Может быть, однако, по той причине, что эти речи не были еще известны, может быть потому, что и вся эта история о „письмах Мазепы" не сохранилась в памяти достаточно ярко, но согласие было дано без видимых признаков неудовольствия.

21 июля в Государственной Думе происходили знаменательные выборы в комиссию военных и морских дел. На сей раз оппозиция в полном составе не только не была устранена от вопросов обороны, но председателем комиссии был выбран А. И. Шингарев, принадлежавший к партии кадет и по своей деятельности за время 3-й и 4-й Думы в бюджетной комиссии близко знакомый с деятельностью военного министерства. В ближайшие затем дни комиссия выработала обширную программу вопросов по снабжению армии, которую я от нее получил для последовательного представления в комиссии устных по этой программе об'яснений.

23 июля в заседании соединенных комиссий по военным и морским делам и бюджетной в Государственной Думе приступили к рассмотрению внесенного мною 18 июля законопроекта об Особом Совещании для об'единения мероприятий по обороне государства.

Заседание, назначенное в 11 ч. утра, в зале общего собрания, привлекало к себе многих членов Думы и правительства.

24 июля после рассмотрения в заседании Совета Министров назначенных по перечню дел следовало бы перейти к обсуждению тех выводов, какие можно было извлечь из речей, произнесенных в Государственной Думе и в Государственном Совете 19 июля, во всей их широте, т.-е. начиная

с вопроса, представляет ли прежде всего кабинет в его современном составе то правительство, которое пользуется доверием страны. Но этот щекотливый вопрос был (при неодинаковом отношении к нему министров) обойден и сразу перешли к частному выводу из тех же речей, а именно к необходимости удовлетворить общественное мнение, назначив расследование о причинах неудовлетворительного снабжения армии. И. Л. Горемыкин заявил, что он уже имеет согласие государя на привлечение ген.-ад. Сухомлинова к такому расследованию[1]), и надлежит лишь установить состав следственной Комиссии.

Обсуждая этот вопрос, решили прежде всего ввести в Комиссию, назвав ее „Верховной Комиссией для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии", членов Государственного Совета и Государственной Думы при председателе из состава Государственного Совета.

Перебирая имена членов Государственного Совета, наметили пользующегося общим уважением известного ученого техника инженер-генерала Петрова в председатели Комиссии, высокоопытного юриста вице-председателя Государственного Совета И. Я. Голубева и выборного земского деятеля А. Н. Наумова в члены, а от Государственной Думы по аналогии с И. Я. Голубевым—старшего товарища председателя[2]) и еще, как военного, принимавшего участие в текущей войне, графа Бобринского. Кроме того, в состав той же комиссии наметили доверенного у государя генерал-ад'ютанта Пантелеева и еще из сенаторов—Постникова.

Председатель Совета Министров взял на себя завтра же представить этот список государю[3]) с тем, чтобы в ближайшем затем заседании Государственной Думы от правительства могло бы быть сделано заявление об образовании такой Верховной Комиссии.

В субботу 25 июля состоялся мой личный доклад в Царском Селе. Получено согласие на назначение вице-адмирала Угрюмова главноначальствующим г. Архангельска и водного района Белого моря; это начало того об'единения власти на

---

[1]) После 19 июля он, вероятно, имел личный доклад в Царском, на котором, несомненно, счел лишним придать какое-либо существенное значение речам, раздававшимся по поводу необходимых перемен во внутренней политике.

[2]) Первоначальное предположение наметить из товарищей Государственной Думы не старшего, а младшего А. Д. Протопопова, как бывшего офицера, отпало, когда вспомнили, что он был в близких отношениях с Сухомлиновым.

[3]) Этот состав Комиссии был утвержден 25 июля.

обширной территории, заваленной драгоценными для обороны материалами, которое так необходимо по суждениям в Особом Совещании.

В этот же день пришлось быть и на дневном заседании соединенных комиссий Государственной Думы, продолжавших рассмотрение законопроекта об Особом Совещании.

На дневном заседании председательствовал А. И. Шингарев и по поводу предложения внести предоставление права военному министру разрешать постройку новых путей сообщения, необходимых для доставки средств снабжения, высказал то, что наболело на сердце у многих общественных деятелей.

„Не только вопрос о постройке дорог для возки леса и руды, но и вопрос о постройке Архангельской дороги находится в безобразном, в отвратительнейшем положении, где ведомство путей сообщения не только не справилось с делом, но испортило его и неизвестно, как и закончит.

„С прошлого августа и до сих пор это ведомство не в состоянии усилить провозоспособность дороги, как нужно. Задумали строить широкую колею рядом с узкою; не зная условий, влетели в целый ряд недоразумений, и постройка до сих пор не закончена. Мало того, вся дорога и лица, которые работают по постройке и эксплоатации этой дороги, друг с другом не сговариваются. Когда под'езжаешь к самому Архангельску, то встречаешь представителей других ведомств и там творится такая каша и безобразие, какого нигде не творится, и никто не знает, как справиться с этим делом. То торговое управление, то таможенное управление, то Министерство Путей Сообщения, словом какой-то клуб лиц и учреждений, а в результате дело в безобразнейшем положении, и единственная нитка, соединяющая Россию с внешним миром, по которой мы тянем уголь, станки, снаряды и пр., единственная нитка оказывается негодной для работы“.

Был также затронут вопрос о „Положении о полевом Управлении войск“, которое, по мнению говоривших членов Думы, „проведено с нарушением целого ряда статей Основных Законов, являясь существенным ограничением прав законодательных учреждений“. Оно же осталось неизвестным для армии в тот момент, когда началась война, и долгое время никто не знал, по какому положению управляется, и поэтому неразбериха первой недели получилась чрезвычайная [1]).

---

[1]) Мне несколько раз уже приходилось отмечать легкомысленное отношение высших сфер военного ведомства к подготовке для войны и не могу не упомянуть еще, что „Положение о Полевом Управлении войск в военное время“, которое всеми старшими начальниками и штабами должно быть изучено заблаговременно до войны и которое требует производства заблаговременно многих подготовительных работ, было поднесено Сухомлиновым на

Большие прения разгорались по вопросу, следует ли указать на необходимость установить должность второго помощника военного министра, который был бы связан с деятельностью Особого Совещания, замещая когда нужно председателя, и может ли эта должность быть заменена лицом не военным; в конце концов, то и другое решено было утвердительно.

В вечернем заседании тех же соединенных комиссий Государственной Думы рассматривался вопрос об образовании Особого Совещания по топливу. В начале марта заведывание распределением топлива между учреждениями, обслуживающими военное ведомство, флот и железные дороги было высочайшей телеграммой из Ставки неожиданно возложено на министра путей сообщения. Дело это пошло здесь не особенно успешно и в Особом Совещании на недостаток угля неоднократно обращалось внимание. В этом засёдании обнаружились сторонники двух мнений: чтоб Особое Совещание по топливу организовать при министре путей сообщения, за что высказались и представители этого министерства и министр торговли и промышленности, и другое мнение— чтоб его организовать при министре торговли и промышленности, прямая задача коего заботиться об увеличении добычи всяких видов горючего. Последнее мнение одержало верх.

В заседании тех же думских комиссий, состоявшемся в воскресенье 26 июля, было окончено рассмотрение статей, относящихся к Особому Совещанию по топливу и перешли к рассмотрению проекта „Положения об Особом Совещании по продовольствию".

Надо заметить, что в порядке соглашения ведомств, одобренного особым журналом Совета Министров от 1 августа 1914 года, ведомство земледелия и землеустройства приняло на себя поставку для действующей армии хлеба, мяса и фуража, при чем все кредиты на это дело испрашивались интендантством через Военный Совет, а фактическая заготовка производилась губернскими уполномоченными под надзором начальника Главного Переселенческого Управления. 19 мая 1915 года особые полномочия по руководству продовольственным делом в империи были предоставлены министру торговли и промышленности; но в самом начале войны министр внутренних дел отдал от себя распоряжение об образовании особых продовольственных комитетов под председательством губернаторов, руководствуясь ст. 322 Общ. Упр. Губ., которая говорит: „Главнейший предмет обязанностей губер-

---

утверждение государя накануне об'явления войны 16 июля 1914 г., а приложения к нему даже в августе 1914 г., без предварительного обсуждении этих законов не только в Гос. Думе и в Гос. Совете, но даже и в Военном Совете. В 1911—1912 г.г. эта работа уже заканчивалась составлением.

наторов в отношении к общественному хозяйству губернии, им вверенной, есть обеспечение народного продовольствия".

Отсюда комиссии сделали вывод о необходимости об'единения всех мероприятий по продовольствию в Особом Совещании при Главноуправляющем земледелием и землеустройством.

В конечном выводе можно отметить, что в заседании соединенных комиссий намечалось все время течение, направленное к расширению прав военного министра, который и по правительственному законопроекту получал уже голос в некоторых ведомствах, кроме военного, а по думскому—получал явное влияние на мероприятия Министерств Торговли и Промышленности, Путей Сообщения и Главного Управления Земледелия и Землеустройства, коль скоро эти мероприятия касались государственной обороны.

27 июля состоялось назначение, имеющее такой же политический оттенок, как и все важнейшие назначения двух последних месяцев; бывший товарищ председателя Государственной Думы, а ныне член Думы князь Волконский назначен товарищем министра внутренних дел.

На личном докладе в Царском во вторник 28 июля я должен был обратить внимание, что награждение по ходатайству Министерства Двора дворцового коменданта св. ген.-майора Воейкова орденом св. Владимира 2 степени за то, что он в своем имении уступил кусок земли для надобностей военного ведомства, надо отложить, ибо он получил награду на Пасху; с этим согласились. Показал образец винтовки системы Винчестер (под наш патрон) из партии, только что полученной из Америки, где их заказано 500.000 штук, но видимо интереса к сему не вызвал[1]), хотя из армии и пишут, что там винтовки теперь „дороже золота". Зато не мало времени потребовалось, чтобы написать собственноручно резолюцию на телеграмме рабочих Охтенского порохового завода, которую приказано об'явить для всеобщего сведения.

Вскоре после меня был принят председатель Государственной Думы М. В. Родзянко с докладом о занятиях Государственной Думы.

Вечером было назначено закрытое заседание Государственной Думы для рассмотрения законопроекта о произведенном уже в порядке ст. 87 Основ. Законов призыве новобранцев срока 1915 года, но, как это и имелось в виду, для обсуждения тех недостатков в деятельности правительства, которые вызвали наши военные неудачи.

Выбрав, по соглашению с П. А. Харитоновым, подходящую минуту, я попросил слова и заявил от имени правительства

---

[1]) Вопросом военной техники Николай II вообще не интересовался, подражая, повидимому, любимому им типу военных „строевиков".

о назначении верховной комиссии, с участием в ней представителей законодательных учреждений для расследования допущенных непорядков в снабжении армии.—Это мое заявление вызвало бурю рукоплесканий и многие члены Думы сошли со своих мест, чтобы меня приветствовать; приподнятое кругом настроение, созданное справедливым откликом обществу на его справедливые требования, вызвало у меня слова, попавшие в печать:

„Ни минуты не сомневаюсь, что наша армия идет к победе, ибо за ее спиной стоит несокрушимая стена русской общественности".

В среду 29 июля в 11 час. утра в Царском Селе (в Александровском дворце) состоялся совет министров под председательством государя. Предметом обсуждения или, правильнее говоря, доклада было дальнейшее развитие вопроса, поднятого еще весной А. В. Кривошеиным об обеспечении по окончании войны землей наиболее отличившихся и наиболее пострадавших чинов армии и флота.—Обстоятельства этого дела были изложены в особом, совершенно секретном, журнале Совета Министров 3 марта и 17 апреля 1915 года. Привожу извлечение из этого журнала:

„Ст.-секретарь Кривошеин заявил в присутствии Совета Министров, что возбуждаемый им вопрос отнюдь не имеет в виду какое-либо вознаграждение участников войны за боевые их заслуги. Самая мысль о нем являлась бы неуместною: слишком велики жертвы, приносимые нашей армией, высоко и бескорыстно движущее воинами чувство долга, святости совершаемого ратного подвига. Но проявление государством усиленной заботливости о хозяйственных нуждах вернувшихся с войны ее участников представляется делом вполне естественным и справедливым".

„Далеко не все чины армии и флота—земледельцы и далеко не все нужды земледельцев сводятся к вопросу о расширении земельного обеспечения. Правда, все помыслы и стремления самих крестьян обычно сосредоточены на земле. Подобные настроения всегда усиливаются в годины испытаний и, при искусственном их обострении, могут даже служить источником внутренних потрясений. Весьма вероятно (и к этому уже имеются на местах отдельные признаки), что вопрос о льготах и преимуществах наиболее отличившимся участникам нынешней войны будут стремиться извратить, подменяя его вопросом о дополнительном наделении землею всего вообще крестьянства, независимо от участия в военных действиях. Но именно для предупреждения таких враждебных порядку и собственности течений правительство должно предпринять со своей стороны все возможное для справедливого обеспечения как земельных, так и всяких иных инте-

ресов заслуженных воинов, заранее взяв это дело в свои руки".

„Обращение для льготной продажи наиболее отличившимся участникам войны значительного земельного запаса явится лишь новым поводом развернуть во всей широте твердо усвоенные правительством в земельном вопросе основные начала—укрепление мелкой собственности путем продажи на льготных условиях участков земли, достаточных для ведения самостоятельного хозяйства".

„Отступать от них тем менее оснований, что никакого обострения земельной нужды в России в настоящее время не наблюдается, а итоги семилетней землеустроительной деятельности правительства говорят сами за себя".

„Запасы казенных земель в Европейской России, орошенных казною земель на Кавказе и в Туркестане, лучших переселенческих участков за Уралом, имений, скупленных ранее крестьянским банком [1]), а также бывших колонистских и иных земель, подлежащих ныне в пограничной полосе обязательной продаже прежними их владельцами, подданными и уроженцами воюющих с нами держав, выразится в общей сложности, несколькими миллионами десятин.

„Явится ли этот земельный запас, главную и наиболее ценную часть которого составят именно колонистские земли, достаточным для удовлетворения потребностей в земле отличившихся и пострадавших на войне нижних чинов армии и флота судить в настоящее время трудно. Но во всяком случае весь наличный запас земель необходимо предназначить к льготной продаже, и в течение ряда ближайших лет, исключительно участникам войны, земельное обеспечение коих недостаточно. В этом обширном круге покупщиков следует выделить затем несколько разрядов наиболее отличившихся участников войны и их семейств—например, георгиевских кавалеров, установив для них и наиболее льготные условия приобретения земли".

„Одновременно с перечисленными мерами желательно наметить более широкое обеспечение отличившихся участников войны ссудами на хозяйственное устройство и вообще всеми видами правительственного сельскохозяйственного кредита. Для лиц, утративших на войне способность к земледельческому труду, надлежало бы особливо широко поставить обучение их кустарным промыслам и ремеслам.

„Далее исключительно из среды чинов армии и флота должны замещаться все низшие служительские должности в гражданских ведомствах; сиротам воинов необходимо

[1]) К 1 февраля 1915 года земельный запас крестьянского банка достигал 2.612.147 десятин, из коих в ближайшее время могли бы быть обречены в ликвидацию около 1.500.000 десятин.

открыть широкий доступ в сельские приюты и различные учебные заведения и прочее.

„Во всей созидательной повседневной работе правительства защитникам родины и их семьям должно быть отведено первое место. Мысль эта применима не к одним только нижним воинским чинам, но и к офицерскому составу, включая сюда военных врачей и священно-служителей. Вся наша армия—от старших начальников и до последнего рядового—проникнута единым духом".

„Настоящая война еще более утвердила всегдашнюю нравственную связь единой войсковой семьи. Неся наравне с солдатами все невзгоды и лишения войны, живя с ними общею жизнью и плечом к плечу с ними борясь за славу и безопасность родины, наше доблестное офицерство заставило уважать себя даже своих противников, и все русские люди нравственно обязаны в свою очередь, по окончании войны, о нем позаботиться. На правительстве, прежде всего, лежит ясный и несомненный долг—усилить пенсионное обеспечение наиболее отличившихся и наиболее пострадавших офицерских чинов и их семейств, а также представить их детям все возможные льготы по призрению, обучению и воспитанию. Насколько могут быть применены к командному составу льготы по продаже земельных участков—вопрос более сложный. Несмотря на бесспорную желательность подобной меры, придется, вероятно, по недостатку подходящих земель сосредоточить главные заботы на ином обеспечении офицерского состава, в виде повышения служебного и пенсионного содержания, пожалования денежных аренд и т. п. Но отвод на льготных основаниях офицерам небольших культурных земельных участков возможен, и во всяком случае предоставление льгот и преимуществ участникам войны должно быть распространено в равной степени, хотя бы и в иных формах как на нижних чинов, так и на офицеров.

„Совет Министров, вполне разделяя точку зрения ст.-секретаря Кривошеина, полагал, что в первую очередь необходимо поставить вопрос об использовании тех земель, которые будут поступать в продажу по мере проведения в жизнь положений 2 февраля 1915 г. об обязательной продаже земель колонистов и уроженцев и подданных воюющих с нами держав. Обращение на нужды наших воинов этих земель произвело бы, по мнению министра внутренних дел, несомненно благоприятное впечатление в народном сознании и в то же время облегчило бы достижение серьезной государственной задачи—заселение западной приграничной полосы надежными русскими людьми".

„Далее Совет Министров, согласно выраженному министром путей сообщения пожеланию, признал своевременным теперь

же приступить к выяснению вопроса о распространении деятельности Крестьянского Поземельного Банка на те занятые нашими войсками неприятельские области, которые, как можно предвидеть, перейдут в державное обладание Российской империи—вопрос этот имеет особенно важное значение в Галиции".

На этом совершенно секретном журнале Совета Министров 2 мая 1915 г. в Царском Селе была положена нижеследующая резолюция:

„Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским Банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса наладить теперь же подготовку земель казенных".

После заседания состоялся в присутствии государя завтрак в соседней зале. За завтраком зашел разговор о русской литературе. Я, сидя с левой стороны государя, спросил его читал ли он все произведения Чехова и получил в ответ, что он очень охотно читает эти произведения своим дочерям вслух. День был жаркий, солнечный, и в открытой в сад двери из залы показывался несколько раз наследник, разглядывая сидящих за столом.

После завтрака государь отошел в сторону с Управляющим Министерством Внутренних Дел кн. Щербатовым и предлагал ему заменить товарища министра Внутренних Дел, заведующего полицией, свиты ген.-майора Джунковского—известным С. Белецким.

Это предложение было значительно, если принять во внимание, что высокопорядочный Джунковский считался до сей поры в числе доверенных и близких лиц, но Распутину он угождать не стремился...

30 июля—день рождения наследника—и новый знак своеобразной политики, преследующей задачу приблизить к себе сердца казаков—наследник назначен шефом Новочеркасского казачьего училища.

В состоявшемся в этот день заседании Совета Министров был рассмотрен и разрешен утвердительно поднятый в Особом Совещании по обороне вопрос о применении к работам на железодобывающих рудниках юга России, помимо самого широкого использования для того военнопленных,—труда иноземных рабочих, в частности персов и представителей желтой расы.

1 августа состоялось заседание Государственной Думы для окончательного рассмотрения законопроекта об особых Совещаниях. Заседание это представляло исключительный политический интерес.

Началось оно с внеочередного заявления Пуришкевича, посвященного восторженному восхвалению отношения поляков

к русской армии, выражению горя по поводу перехода Варшавы в руки неприятеля и надежды на лучшее будущее для Польши. Отвечал ему при бурных рукоплесканиях от поляков Дымша.

Сущность и пояснения законопроекта, в том виде, в каком он вышел из заседаний соединенных комиссий Думы, изложил докладчик Савич.

Привожу речь члена партии народной свободы Аджемова, характеризующую с точки зрения партии деятельность правительства и пред'являемые ему требования.

Аджемов. Докладчик указал нам, что в Военном Министерстве в настоящее время смешан ряд функций, а именно функции по технической части, т. е. какие предметы необходимы в данный момент, функций чисто строевых и, наконец, функций хозяйственных. И сам он указал, что главный недостаток прошлого заключается в том, что в одном ведомстве существовало смешение функций. Проект, который предлагаем мы, и который, в сущности говоря, подталкивает самого докладчика к тому, чтобы создать особую должность товарища министра военного с особыми полномочиями, и имеет целью и задачей разделение этих функций по их существу, а именно разделить заказодателя от заказоисполнителя.

Действительно, если Военное Министерство призвано и имеет у себя все технические силы, а также по своему существу является органом, который знает, что нужно армии, оно, однако, может оказаться в качестве заказоисполнителя недостаточно уполномоченного или недостаточно себя обслуживающего теми силами, которые в настоящее время для настоящего дела необходимы. Вот именно, исходя из этого соображения, что заказоисполнение в настоящее время при грандиозности того, что нужно сделать, есть функция совершенно самостоятельная, требующая совершенно другого состава людей, требующая совершенно другого характера деятельности, мы и полагали, что нужно для этого создать особое главное управление. И, действительно, в настоящее время оказалось, что обычный путь мирного заказодания, путь обслуживания заводов военных и тех больших заводчиков, которым по определенным контрактам и техническим условиям давались заказы, представляется недостаточным. Нужно произвести так называемую мобилизацию промышленности, а это есть создание новых заводов и приспособление отдельных заводов до того, скажем, производивших спирт, к производству совершенно других заказов, подходящих для данной военной потребности. И это разве задача, которую может исполнить при тех средствах, которые имеет в своих руках, Военное Министерство. Очевидно нет. Военное Министерство хорошо обслуживается всеми техническими своими функциями, имеет

для этого достаточный материал в лице отдельного технического совета, отдельных ведомств, отдельных чинов, может разработать, что надо, но когда надо целые заводы переделать, когда надо тем заводам то сделать, а другие приспособить, нужно дать определенный, может быть, аванс, пособие, нужны рабочие, новые инженеры, для этого военное ведомство не приспособлено. Мне кажется, что вот эта задача была упущена докладчиком, когда он говорил, что довольно поставить какого-либо товарища министра с особыми полномочиями, для того, чтобы это все сделать, о чем я говорил. Дело в том, что главное возражение, которое нам делалось, и я считаю его серьезным, это то, что разделение функций заказодателя от законоисполнителя может привести к тому, что Государственная Дума и народ не будут знать с кого требовать и кто будет отвечать, когда окажутся новые способы вспомоществования армии и снабжение ее недостаточно удовлетворительными. Вот эта боязнь, что ответственность распылится между новыми главными управлениями и Военным Министерством, и явилась темой речи как председателя, так и докладчика, и из-за этого докладчик говорит: я беру из вашего проекта, все существенное в смысле заказоисполнения, но я не желаю так устроить, чтобы в будущем не знали, кто отвечает, тот ли, кто заказов недостаточно давал, или тот, кто эти заказы не умел исполнять. Я думаю, что это возражение серьезно, но ведь это будет чисто формальная ответственность Военного Министра, если будет создан товарищ министра, который будет иметь особые полномочия, чисто хозяйственного свойства, и который только формально, так сказать, будет прикрываться военным министром, ибо иначе все останется по старому и ничего принципиального в это дело не вносится. Если это будет товарищ министра с особыми полномочиями, то, как совершенно правильно заметил член Государственной Думы Марков, какой это будет товарищ министра. Если это обычный товарищ министра, то, в сущности говоря, тут чисто технических улучшений делать и не нужно и, следовательно, мы сводим все дело к мелочам, вследствие чего будто бы окажется, что все было плохо от того, что в новом ведомстве товарищ министра. Очевидно, не в этом дело; очевидно, этот товарищ министра должен иметь особый характер своей деятельности и в прошлом умелое знание русской промышленности, уменье эту промышленность приспособить к военным целям и т. д. И в то же время докладчик говорил: он будет иметь особые права, самостоятельные, независимые от того, что новый товарищ министра участвует в Совете Министров. Тогда создается товарищ министра по имени, но по существу тот же главноуправляющий. История России знает такой случай, когда

человек назывался товарищем министра, а впоследствии сделался чуть ли не диктатором, это был Трепов. Следовательно, если мы будем говорить, идя по таким путям, то мы идем навстречу нашему проекту, а именно проекту о создании главного управления, которое по своему характеру может носить все признаки частного предпринимательского характера и всю власть, которая дается ему в публичном праве государства. Вот в виду этого мы и разделяем заказодателя от заказопринимателя. Вот почему мы и думали, что нужно организовать особое для этого ведомство.

Чхенкели (соц.-дем.) резко критикует законопроект и Государственную Думу [1]) и заявляет, что социал-демократическая фракция совершенно устраняется от голосования и отклоняет от себя всякую ответственность „за те трусливые и вместе с тем предательские шаги, которые делает большинство Государственной Думы".

Марков II (прав.) в длинной речи возражает Аджемову.

Истерическую речь против правительства и против законопроекта произнес Керенский.

В конце концов законопроект с незначительными поправками принимается.

---

[1]) Между прочим, он сказал: „Большинство Государственной Думы осталось тем же, чем оно было всегда, опорой правительства, которому место не здесь, а на скамье подсудимых. Что сказало правительство (19 июля), в лице его председателя в халате и туфлях...

Вы не чувствовали, господа, того ничтожества, перед которым находились тогда".

ГЛАВА V.

Перемена верховного командования и начало проявления темных сил.

Во вторник, 4 августа, после обычного доклада, имевшего место в Царскосельском Александровском дворце, государь обратился ко мне и высказал, что он намеревается вступить в верховное командование армиями. Он намеревался исполнить это уже после об'явления войны, но уступил тогда убеждениям Совета Министров, отговорившего его от этого намерения, а теперь, когда армия в трудном положении, он считает себя нравственно обязанным присоединиться к ней и взять на себя руководство дальнейшим ведением войны.

На мое возражение, что он, таким образом, берет на себя задачу, превосходящую силы человека, ибо положение страны требует ныне большого к себе внимания и непрерывного общения с правительством, я получил ответ, что министры будут ездить в ставку, и он сам от времени до времени будет приезжать в Царское Село и что вообще он долго и много размышлял по поводу своего намерения, и его решение принято им твердо.

Вслед за тем он вынул из стола написанный листок бумаги и прочитал мне проект своего письма к великому князю Николаю Николаевичу. Оно начиналось с указания на тяжелое положение наших армий, которое не позволяет ему более оставаться вдали от них, а потому он решил исполнить свое прежнее намерение и вступить в верховное командование армиями, избрав себе начальником штаба ген. Алексеева. Далее было несколько слов благодарности великому князю за достигнутое на войне его трудами и просьба к нему принять на себя главное командование войсками на кавказском фронте, со званием наместника, ибо граф Воронцов-Дашков давно уже просил об увольнении от этих обязанностей; прежде его заместителем намечался великий князь Георгий Михайлович, но во время войны его назначить на такую должность нельзя. Упоминалось, что своего ныне начальника штаба ген. Янушкевича великий князь может взять с собой и, кроме того, ему же предлагалось взять к себе и свиты его величества ген.-майора князя Владимира Нико-

лаевича Орлова, исполнявшего обязанности начальника военно-походной канцелярии.

Последнее было знаменательно в том отношении, что Орлов, подобно отстраняемому также и тоже пользовавшемуся особым доверием товарищу министра внутренних дел ген. Джунковскому, не поддавался Царскосельским „темным“ влияниям и не был близок с дворцовым комендантом ген. Воейковым, а потому его удаление несомненно обозначало собою возрастающее влияние этих сил. Или это было сказано в проекте письма, или было мне упомянуто на словах—в точности не припомню—но прибытие в ставку для принятия верховного командования намечалось на 15 августа.

Не теряя еще надежды как-нибудь, если не предотвратить, то, по крайней мере, отдалить смену великого князя Николая Николаевича, лица, пользовавшегося в ту пору доверием общества, и учитывая всю опасность от назревавшего исторического шага, я представил государю ряд военных соображений, по которым перемена верховного командования в период не завершившегося еще отхода армий на новые местные рубежи в тылу, в период, когда тыл переполнен беженцами и эвакуируемым имуществом, когда не сегодня—завтра положение еще более осложнится сдачей наших крепостей, была бы для успеха дела весьма опасна.

На эти соображения я получил ответ: „вы правы; торопиться с от‘ездом я не буду, но прошу вас отвезти мое письмо к великому князю; оно завтра будет готово“.

На мой вопрос, когда мне следует ехать, мне было отвечено: „чем скорее, тем лучше, может быть в пятницу“.

На это я сказал, что, в виду производящегося ныне передвижения Ставки из Барановичей в тыл, считаю необходимым спросить предварительно великого князя телеграммой, когда именно и где он может меня принять.

Разговор этот закончился ответом на мой вопрос, могу ли я о последовавшем решении в перемене верховного командования сообщить Совету Министров: „нет, но председателю Совета можете“.

После доклада я возвратился в Петроград и должен был поехать на Елагин остров в заседание Совета Министров, при чем о происходившем только что разговоре в Царском Горемыкину я в этот день не говорил.

Из рассматривавшихся дел особое внимание к себе привлекал проект „положения о военно-промышленных комитетах“, об‘яснения по коим был приглашен дать председатель центрального военно-промышленного комитета—А. И. Гучков.

Мобилизация промышленности, как общественное движение, зародилась на состоявшемся 26—29 мая в Петрограде IX очередном с‘езде представителей промышленности и тор-

говли. На этом с'езде была вынесена, по обсуждении доклада „Промышленность и война" и после смелого выступления П. П. Рябушинского, резолюция, в которой „русская промышленность призывалась к об'единению и дружной работе для обслуживания всех нужд войны.

Для этой цели с'езд нашел необходимым поручить всем торгово-промышленным организациям образовать районные комитеты, об'единяющие местную промышленность в торговлю, и имеющие задачей приспособить предприятия к изготовлению всего необходимого для армии и флота, и согласовать для сего общую деятельность фабрик и заводов. Согласование же между собой работ отдельных районов и этих же работ с деятельностью правительственных учреждений с'езд постановил возложить на учреждаемый им в Петрограде центральный военно-промышленный комитет, в состав которого должны были войти представители научно-технических сил, представители от отдельных торгово-промышленных организаций, от управления железных дорог и пароходств, от всероссийских союзов земств и городов.

В течение июня при центральном военно-промышленном комитете были сформированы отделы: 1) механический, 2) металлургический, 3) химический, 4) перевозочный, 5) продовольственный, 6) по обеспечению рабочим составом, 7) вещевой, 8) по снабжению топливом, 9) финансовый, 10) врачебно-санитарный, 11) изобретений, 12) юридический и впоследствии образовался еще 13) авиационный [1]).

Сформировавшись таким образом, Центральный Военно-Промышленный Комитет приступил прежде всего к выяснению перечня предметов, в которых нуждается армия и флот, чтобы вслед за тем определить программу планомерного использования производительных сил страны для изготовления этих предметов. Так как, однако, единого плана в деле снабжения армии не было, то на практике комитету пришлось вырабатывать свою программу частями, по мере получения заказов от военного ведомства. В течение первых двух месяцев были организованы местные военно-промышленные комитеты в 73 городах.

Главная нужда, которую комитет испытывал на пути к развитию своей деятельности—это был недостаток станков, так как, как для расширения производства на старых заводах, так и для устройства новых заводов, изготовляющих предметы снаряжения, станки были необходимы, а между тем до сей поры станки привозились исключительно из-за границы.

---

[1]) Каждый отдел подразделялся еще на секции; так, напр., 8 отдел по топливу состоял из секций: 1) нефтяной, 2) каменноугольной, 3) торфяной и 4) дровяной.

Одновременно с мобилизацией крупной промышленности Военно-Промышленным Комитетом началась и мобилизация мелкой и средней промышленности при посредстве Всероссийских Союзов Земств и Городов, признанная необходимой на состоявшемся 5 июня с'езде уполномоченных Всероссийского Земского Союза.

При рассмотрении в заседании Совета Министров 4 августа проекта „Положения о военно-промышленных комитетах" оно, по существу возражений не встретило; были возражения частного характера, которые А. И. Гучковым были приняты.

По выходе, однако, А. И. Гучкова из комнаты заседания, И. Л. Горемыкин проворчал неодобрительно и о многочисленности состава центрального комитета, и о том, что там проектировано ввести 10 представителей от рабочих и о том, что он много шумит, „а сделают ли что-нибудь—это мы увидим".

Еще одна важная политическая мера была в этот день принята по докладу управляющего министерством внутренних дел князя Щербатова. В виду чрезвычайных обстоятельств военного времени, вызывающих оставление еврейским населением пограничной полосы, разрешено евреям жительство в городских поселениях, вне черты общей их оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров императорского двора и военного.

Узнав впоследствии, что беженцы-евреи докатились и в местности подчиненные военному министру—в Туркестан, я дал разрешение оставить их там до 1 мая 1916 года, имея в виду, в случае надобности, продлить такую отсрочку.

По министерству торговли и промышленности был внесен „Проект правил о мобилизации промышленных предприятий, изготовляющих предметы, необходимые для государственной обороны". Совет Министров постановил согласовать их с представлением моим в Государственную Думу об оставлении в предприятиях, работающих на оборону военно-обязанных служащих и рабочих и внести в особое Совещание.

В этот же день вечером, я телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу, спрашивая его, когда и где он меня примет с докладом по высочайшему повелению, и на другой день получил ответ, что удобнее приехать не в Барановичи, а уже в Могилев, куда Ставка переходит в пятницу 7 августа.

Помнится, я написал после этого записку государю, прося разрешения принять от него письмо и получить дальнейшие указания в субботу 8 августа, после моего обычного доклада, с тем, чтобы в субботу же вечером выехать в Могилев.

В пятницу я был у председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина на занимаемой им даче на Елагином острове и

изложил ему мой разговор с государем во вторник, не скрывая волнующей меня трудности поручения, следствием коего несомненно будет затаенная обида великого князя, а что еще важнее, смущение в обществе, не перестающем взирать на Николая Николаевича с чувством доверия и потому способном признать его смену и несправедливой и нежелательной.

Старик повторял свое любимое: „что-ж тут делать" и при прощании благословил меня и неожиданно, растрогавшись, чмокнул меня в руку, чем привел меня в большое смущение, заставившее меня поцеловать его в лоб.

В субботу 8 августа утром я был у государя с обычным докладом. В числе вопросов, подлежащих разрешению, был вопрос о дальнейшей организации высшего управления Военным Министерством, а именно об образовании на время войны должности второго помощника военного министра, его обязанностях и о назначении на эту должность и. д. начальника Канцелярии Военного Министерства ген.-лейт. Лукомского. Опыт руководства за истекшее с 15 июня время снабжением армии показал необходимость централизовать в руках одного помощника идейную, так сказать, сторону снабжения, вытекающую из организации армии и из потребностей, заявляемых Ставкой, а в руках другого помощника — собственно руководство заготовительной деятельности. Эта мысль нашла себе подтверждение и в тех суждениях, которые имели место в Государственной Думе, при прохождении там законопроекта об Особом Совещании по мероприятиям, касающимся обороны государства. В этом же законопроекте, в том его изложении, в котором он был принят Государственной Думой 1 августа, говорилось, что помощником военного министра, ведающим снабжением армии, может быть лицо невоенного звания.

На этой прибавке, т. е. о предоставлении военному министру права избрать себе на должность второго помощника лицо и невоенного звания, некоторые из членов Думы, говоривших в заседаниях при рассмотрении упомянутого законопроекта, весьма настаивали. В то же время в печати начали проскальзывать известия, приписывающие мне намерение пригласить на эту должность А. И. Гучкова. Все предшествующее из отношений государя к Гучкову и к комбинации Поливанов-Гучков совершенно, однако, устраняло возможность с моей стороны сделать подобное приглашение.

Не подлежало никакому сомнению, что в апреле 1912 года Сухомлинов и правая печать достигли моего увольнения с должности помощника военного министра, именно приписывая мне близость к ненавистному для государя Гучкову; да, наконец, и разговор мой с государем 13 июня в его вагоне в Барановичах, когда он предложил мне занять должность военного министра, ясно мне подтвердил, что неблагоприятное

для меня впечатление от такой якобы близости может почитаться ослабленным, но не устраненным.

При таких условиях мне было необходимо возможно скорее прекратить возникновение разных предположений о выборе мною лица на должность второго помощника и таковое назначение испросить. Я остановил свой выбор на генерал-лейтенанте Александре Сергеевиче Лукомском, который и был утвержден.

Когда мой доклад, закончившийся по порядку, принятому в последнее время для суббот, изложением сведений о главнейших предметах артиллерийского и военно-технического снабжения, отправленных за неделю в армию, был исчерпан, государь по тому же порядку принял от меня нанесенные на 10-верстные карты четыре схемы боевого расположения сторон на Северном, Западном, Юго-Западном и Кавказском фронтах, возвратил мне таковые же, принятые от меня в прошлую субботу, и затем достал из стола запечатанный небольшого формата конверт с адресом печатными буквами „Верховному Главнокомандующему" и передал его мне, говоря: „Вот письмо для великого князя. Я думал о ваших словах и все же решил оставить 15 августа днем моего приезда в армию". Произнесено это было без твердости, а с какой-то задумчивостью.

На мои вопросы, следует ли мне побывать у генерала Алексеева, чтобы лично передать ему о предстоящем назначении его начальником штаба, дабы он мог подготовиться к перезду в Могилев и сделать соображения о личном составе своих будущих сотрудников в штабе, а равно следует ли с великим князем и с ген. Алексеевым обсудить вопрос, кто из командующих армиями может быть предназначен к занятию должности главнокомандующего Западным фронтом вместо ген. Алексеева, имея в виду, что ген.-ад. Рузский уже имеет предназначение на должность главнокомандующего вновь образуемым северным фронтом, я получил от государя утвердительный ответ.

В этот же день вечером я сел в Царском Селе на поезд, отправляющийся в Могилев.

На другой день, в воскресенье 9 августа [1]), вечером прибыли в Могилев. На вокзале меня встретил ад'ютант вели-

---

[1]) В этот день в Совете Министров было принято важное в политическом отношении постановление:

I. Разрешить прием во все учебные заведения империи, в каком бы ведомстве они ни состояли, детей лиц, несущих службу в рядах действующей армии, а равно самих участников войны, уволенных из армии из-за поранений или болезни, без различия национальностей и вероисповеданий, вне конкурса и не считаясь с иными существующими ограничениями, хотя бы сверх установленных вакансий или комплекта, при том единственном условии, что в отношении образовательного ценза и исполнения состязательного или прием-

кого князя, с которым я сел в автомобиль, и мы направились в город к дому губернатора, где поселился верховный главнокомандующий. Великий князь встретил меня в зале второго этажа и, со свойственной ему приветливостью, предложил мне прежде всего пообедать. Я просил позволения прежде всего доложить ему о возложенном на меня поручении, и тогда он пригласил меня перейти в соседнюю комнату, которая была его кабинетом, закрыл дверь, сел на диван и мне указал на кресло против него.

Не могу скрыть, что меня волновала задача передать этому благородному и впечатлительному человеку известие о предстоящем смещении его с должности, видной всему миру, которую он принял $12^1/_2$ месяцев тому назад со слезами отчаяния, сознавая и всю свою великую ответственность, и все зло от того, что его от заблаговременной подготовки к этой должности устраняли. Волнение мое усугублялось еще и тем, что предстоящая перемена, по моему твердому убеждению, не могла повести к благим результатам, невзирая даже на назначение начальником штаба верховного главнокомандующего такого подготовленного к этой роли лица, каким являлся генерал Алексеев [1]: слишком уже мало подходил Николай II к роли вождя в этой великой войне и по своим дарованиям, и по характеру, и по своей роковой незадачливости.

Поэтому я почувствовал свою задачу облегченной, когда после моих слов о том, что, в виду трудного положения нашей армии, государь не считает себя в праве оставаться вдали от нее и решил принять верховное командование на себя, Николай Николаевич широким жестом перекрестился, а когда я добавил, что государь просил его занять должность главнокомандующего и наместника на Кавказе, то удовольствие его от этого известия сделалось ясно видимым.

ного испытания, где таковое полагается, упомянутые учащиеся удовлетворяли требованиям приема в данное учебное заведение.

II. Допустить в означенные в предшедшем (I) отделе учебные заведения учащихся иудейского вероисповедания—детей лиц, состоящих на службе по ведомству народного просвещения, независимо от установленной для сих заведений процентной нормы приема евреев.

Редакция первых строк этого постановления сделала много затруднений военному ведомству, ибо была понята, как распространяющаяся и на военно-учебные заведения, чего не было.

[1]) Много обвинений пред'является Сухомлинову, но молчат об очень важном акте его легкомысленного оппортунизма: перед войной на пост начальника Генерального Штаба, обращающегося с об'явлением войны в начальника штаба верховного главнокомандующего, он согласился, по желанию государя, назначить ген.-лейтенанта Янушкевича, очень талантливого профессора военного хозяйства, но совершенно по своей предшествующей службе не подготовленного к этой должности, требующей и больших знаний стратегических, и большего командного опыта.

Первым его вопросом был вопрос, может ли он взять с собой Янушкевича. После моего утвердительного ответа и доклада, что на должность своего начальника штаба государь избирает ген. Алексеева, я передал великому князю письмо государя. Прочитав его, великий князь быстро вышел из комнаты — вероятно для того, чтобы всем им от меня слышанным поделиться с Янушкевичем и, возвратившись через несколько минут, повел меня в столовую обедать, говоря, что о дальнейшем мы переговорим после обеда.

Во время моего обеда великий князь присутствовал в столовой, сидя за соседним столом и оживленно разговаривая со мной и с лицами своей свиты. После обеда он опять пригласил меня в кабинет и, спросив, как я намерен располагать своим временем, после моего ответа, что я имею поручение лично переговорить с ген. Алексеевым, приказал ген. Янушкевичу сообразить, когда я могу выехать по железной дороге на Волковыск, где находился штаб главнокомандующего северо-западным фронтом.

Тем временем великий князь вошел в обсуждение вопросов, связанных с его предстоящим от'ездом на Кавказ. Прежде всего он вполне присоединился к моей точке зрения, что в данную минуту, когда отступление армии находится еще под напором противника, когда, покинув наши прочные позиции в западном крае, мы еще не дошли до тех рубежей, за которыми можно приостановиться, прибытие государя к армии и перемена в командовании была бы неудобна. Затем великий князь просил выяснить, следует ли ему ожидать в Могилеве прибытия государя, или же отбыть из Могилева, не ожидая этого прибытия. Имея в виду отнюдь не проезжать через Петроград, великий князь желал бы однако до прибытия на Кавказ соединиться где-нибудь с своей семьей и произвести необходимые сборы, для чего ему удобнее всего было бы остановиться на некоторое время в своем имении Першино Тульской губ. Высказываясь относительно заместителя ген. Алексеева в главном командовании Северо-Западным (или вскоре западным) фронтом, великий князь назвал своим кандидатом ген. Эверта.

Во время этого разговора входил ген. Янушкевич доложить, что мне может быть предоставлен экстренный поезд, который отойдет из Могилева на Барановичи около 11 час. вечера, и, когда срок для моего от'езда приблизился, я откланялся великому князю, обещая ему написать из Петрограда, по докладе государю, ответы на интересующие его вопросы.

Поезд мой прибыл в Барановичи утром в понедельник 10 августа. Там еще находилась часть управлений штаба верховного главнокомандующего, не успевшая передвинуться

в Могилев. От встретивших меня дежурного генерала и начальника военных сообщений я узнал, что для переезда в Волковыск мне удобнее воспользоваться автомобилем, так как подходящего по времени поезда нет, а экстренный отправить нельзя, ибо путь в виду отхода армий занят непрерывно следующими воинскими поездами. Следуя по превосходному шоссе через Слоним, прибыли в Волковыск, когда уже начинало темнеть. По пути встречали много воинских обозов и команд и много повозок и бивуаков, наполненных беженцами.

Главнокомандующий занимал маленький домик в центре города. Я не видел ген. Алексеева с мая. Озабоченный тяжелым положением своих войск, он был, однако, как всегда, спокоен и сосредоточен и с тем же обычным ему спокойствием выслушал от меня известие о предстоящей ему обязанности обратиться в начальника штаба при верховном главнокомандующем государе, промолвив мне, что „придворным быть он не сумеет".

По карте он изложил мне современное стратегическое положение. Наша основная оборонительная линия по р.р. Неману и Бобру сломлена, крепости Ковна и Осовец сданы неприятелю, который широким фронтом наступает к Вильне, при чем неожиданно быстрая сдача Ковны (6 августа) значительно затруднила организацию ему противодействия на этом направлении. Крепость Новогеоргиевск сдалась сегодня; на левом фланге фронта неприятель сильно нажимает на районы, охватывающие крепость Брест-Литовск, и рассчитывать на продолжительное сопротивление этой крепости нельзя, а потому ее предполагается заблаговременно оставить, для чего распоряжения о вывозе боевого материала уже сделаны. В связи с наступлением неприятеля на Ковельском направлении наши армии, чрезвычайно ослабленные в своем личном составе, должны будут значительно податься на восток.

При таком критическом положении нашего фронта, требующем непрерывного к себе внимания, ген. Алексеев признавал перемену высшего командования в данную минуту безусловно вредной. Как на заместителя своего по должности главнокомандующего, он указывал на генерала Эверта, а, говоря о главнейших должностях своего будущего штаба, высказался против сохранения ген. Данилова на занимаемой им должности генерал-квартирмейстера. При этом, характеризуя требования от своих сотрудников по штабу, определял их главным образом „точной исполнительностью его распоряжений", ибо представление генерал-квартирмейстерской частью каких-либо „своих" планов обязало бы его лишь к чтению ненужного материала.

После разговора с ним я написал при его участии, нижеследующее письмо верховному главнокомандующему, которое передал сопровождавшему меня фельд'егерскому офицеру для доставки в Могилев:

„Продолжительный разговор с ген. Алексеевым, познакомившим меня со своим стратегическим положением, еще более утвердил меня в мыслях, вынесенных мною и после указаний вашего императорского высочества о том, что мне предстоит умолять государя императора повременить своим прибытием к армии.

В виду предстоящего нового назначения, генерал Алексеев полагал бы, когда для этого настанет время, передать ныне им занимаемую должность генералу Эверту.

Генерал Алексеев не имеет в виду сохранить при себе генерала Ю. Н. Данилова, но уверен, что он мог бы принести большую пользу в должности начальника штаба, если не фронта, то армии.

Сегодня выезжаю в Петроград".

В качестве кандидата для командования одной из армий ген. Алексеев признавал желательным избрать ген.-ад. Куропаткина, полагая, что он окажется „не хуже многих командующих ныне армиями".

После ужина у ген. Алексеева, я отправился на автомобиле тем же путем на ст. Барановичи, откуда, выехав в ночь и следуя по железной дороге через станции Лида и Вильну, прибыл во вторник 11 августа днем на ст. Александровскую Варшавской ж. д. (Царское Село).

Здесь меня встретил начальник фельд'егерского корпуса, которому я поручил распорядиться доведением до сведения государя о моем возвращении, на случай, если ему угодно будет меня принять с докладом, не ожидая очередного доклада в субботу.

Я был принят в тот же день в 3 часа и изложил подробно мои переговоры с вел. кн. Николаем Николаевичем и с ген. Алексеевым, получив указания и для ответов им на возбужденные ими вопросы.

Государь из'явил согласие не торопиться с от'ездом в армию и разрешил мне осведомить Совет Министров о принятом им решении; в заключение он трижды меня поцеловал и сказал, что никогда не забудет, как хорошо было исполнено мною возложенное им на меня трудное поручение. Невзирая на то, что следующий очередной мой доклад приходился в субботу на праздник Успенья, мне все же было назначено прибыть в этот день с докладом после обедни, в $1^1/_2$ часа.

С этой поры сведение о предстоящем переезде государя в Ставку не могло остаться скрытым от его приближенных.

Дружные между собой свиты ген. Орлов и флигель-ад'ютант Дрентельн были встревожены—первый своим предстоящим удалением после многолетней и искренне-преданной службы, второй неизвестностью своей дальнейшей судьбы при сознании, что с отстранением Джунковского и Орлова, он остается одиноким среди „Воейковского лагеря". Воейков почел долгом явиться ко мне якобы за получением заблаговременных приказаний относительно устройства и охраны будущей Ставки государя. Очевидно, я никаких приказаний ему давать не мог, а сообщил лишь, что великий князь только что переехал в избранный им местом своей новой Ставки—Могилев. На это со стороны Воейкова последовал целый ряд возражений против Могилева, которые я и должен был обещать ему довести до сведения будущего начальника штаба, т.-е. Алексеева.

В письме Алексееву я поделился с ним моими мыслями о выборе генерал-квартирмейстера. Должность генерал-квартирмейстера при Штабе Верховного Главнокомандующего, когда во главе армии находится государь, должна быть непременно занята лицом, имеющим большой служебный опыт, и после года войны, авторитет в армии; ведь это лицо, в случае временного отсутствия начальника штаба, имеет быть докладчиком у его величества; поэтому, мне кажется, что генерала на эту должность надо искать среди особо отличившихся командующих армиями, корпусных командиров или начальников штабов армий.

На этой неделе Совет Министров не собирался, помнится, по причине нездоровья Горемыкина. В пятницу 14 августа, в 3 часа я был принят им на даче на Елагином острове для того, чтобы его осведомить о результатах моей поездки. Застал его в брюзжащем настроении и выслушал от него предложение пред'явить более строгие требования военной цензуре, дабы в печать не попадали суждения противоправительственного характера. На это я ответил, что военная цензура в Петрограде должна руководствоваться „Положением о военной цензуре", находится в ведении главнокомандующего 6 армией, и военный министр ею не распоряжается. Но старик не унимался и заявил мне, что государь желает заменить начальника Петроградского округа ген. Фролова, обнаружившего недостаточно твердое отношение к печати, генералом Сандецким, а Фролова послать в Казань. На это я дал ответ, что вижу в его словах недоразумение, ибо о назначении ген. Сандецкого в Казань об'явлено пять дней тому назад, а что касается ген. Фролова, то, насколько мне известно, он предназначен будущим главнокомандующим северного фронта ген.-ад. Рузским на должность начальника снабжения фронта. Старик недовольно проворчал: „я вам передал высочайшее указание, а дальнейшее на вашей ответственности".

Из этого разговора я вывел заключение, что в ближайшие дни, совпадавшие отчасти с днями моего отсутствия, что-то для высшей власти неприятное проникло в печать. И, действительно, оказалось, что в „Биржевых Ведомостях“ появилась статья о Распутине, а в „Речи“ и других газетах появились известия о некоторых событиях общественной жизни, связанных с требованиями перемен во внутренней политике. Об этих событиях скажу несколько позднее, возвратившись для сего к первым числам августа, а пока добавлю, что после упомянутой статьи в „Биржевых Ведомостях“ ген. Фролов был вызван в Царское Село и там государь выразил ему неудовольствие на слишком узкое понимание военной цензурой своих обязанностей [1]).

В субботу 15 августа я начал мой личный доклад с прочтения государю копий приведенных мною выше писем великому князю и ген. Алексееву, содержание коих было одобрено, и с напоминания, что ген.-ад. Рузский еще в Петрограде и потому было бы полезно, до его от‘езда на Северный фронт, выслушать его мнение о современном военном положении.

На мой вопрос, каким порядком о предстоящем назначении вел. кн. Николая Николаевича наместником на Кавказ будет осведомлен гр. Воронцов-Дашков, я получил ответ: „Я ему посылаю письмо и сегодня награждаю его орденом св. Георгия 3 степ.“ [2]).

У ген. Янушкевича ад‘ютантом кн. Тундутов, из влиятельного калмыцкого рода. Вероятно не без его участия в Ставке появилось предположение о зачислении калмыков Астраханской и Ставропольской губерний в Астраханское казачье войско и о формировании из них полков. Предположение это встретило серьезное возражение в Главном Управлении Генерального Штаба и со стороны Астраханских казаков; тем не менее Ставка настаивала на приступе к формированию калмыцких полков. Необходимо было представить этот вопрос, имевший общегосударственное, а не только военное

---

[1]) В пятницу 14 августа мне пришлось быть на оригинальном обеде. Еще в среду участвовавший в заседании Особого Совещания по обороне известный финансовый деятель Я. Г. Утин обратился ко мне с просьбой быть у него в этот день на обеде, за которым он желал учинить встречу двух политических врагов: гр. В. Н. Коковцева и А. В. Кривошеина, дабы восстановить между ними общение. Меня же он приглашал, как лицо, находящееся в хороших отношениях и с тем и с другим. Обед этот, однако, сближению не посодействовал, ибо В. Н. Коковцев от нас ничего о текущем положении вещей узнать не пожелал, а сам неумолимо говорил монологи, критикуя все и вся в тоне, не терпящем возражений.

[2]) Об‘явлено в приказе 15 августа: „за искусное руководительство доблестною Кавказскою армией, геройскими подвигами которой достигнуты блестящие боевые успехи в делах против турок“.

значение, на обсуждение Совета Министров, о чем было мною 15 августа доложено и получено согласие „на обсуждение в Совете Министров возможности и целесообразности этой меры".

В заключение доклада я спросил, могу ли теперь доложить всему Совету Министров о предрешенных переменах в высшем командовании армиями и получил ответ утвердительный.

В тот же день я получил нижеследующее письмо от вел. кн. Николая Николаевича, помеченное 14 августа.

„Во-первых, очень благодарю Вас за Ваше письмо от 12 августа, давшее мне ответ на вопросы, которые я просил Вас выяснить. Во-вторых, считаю необходимым поставить Вас в известность для доклада государю императору о создавшемся положении.

Я в письме доложил государю императору, что после получения мною его письма [1])—я предоставил все войска, которые перегруппировываются и перевозятся, в полное распоряжение ген. Алексеева и не вмешиваюсь в его распоряжения. Если же потребуется сочетание действий с Юго-Западным фронтом, то буду давать указания ген.-ад. Иванову, только переговорив с генералом Алексеевым, дабы это было в его духе и желаниях.

Общая обстановка требует принятия весьма важных решений. Временно следует изменить разграничительную линию между Северо-Западным фронтом и новым Северным.

Следует решить—брать ли еще один или два корпуса Юго-Западного фронта. Если два, то это связано с его некоторым отходом. Наконец, куда направить эти корпуса.

Пишу Алексееву и прошу его высказаться. Проволочка времени большая, а время не ждет. Я не считаю себя в праве нравственно приказывать, раз начальником штаба избран ген. Алексеев. У меня веры в самого себя уже быть не может. Вновь всем распоряжаться—приказать мне можно, но я, при всем желании, с пользою исполнить это не в силах раз ко мне доверия нет.

Подобное переходное состояние долго продолжаться не может. Дело страдает. О предстоящей перемене, по известиям из Петрограда, многим, вернее большинству, известно.

Сегодня за утренним докладом с полною ясностью выяснилось все, что я Вам пишу. Уверен, что Вы со мной согласитесь. Доложите государю императору. Я считаю, что приезд государя императора в ставку необходим и безотлагательно".

Одновременно с письмом я получил от великого князя и телеграмму:

---

[1]) Говорится о письме, доставленном мною 9 августа.

„По новым данным относительно общей обстановки, то, что я Вам писал в письме следует возвысить в квадрат, так как необходимо принятие решений еще шире по масштабу и которые будут иметь влияние на гораздо более длительный период".

В воскресенье 16 августа в $2^1/_2$ часа было назначено заседание Совета Министров.

После рассмотрения поставленных в перечне вопросов сообщил последние известия с театра войны, а затем о предстоящих переменах в высшем командовании и в заключение прочитал письмо ко мне от великого князя Николая Николаевича.

Впечатление, произведенное последней частью моего доклада, было очень сильное, старец же повторял свое: „что-ж тут делать, так его величеству угодно".

Морской министр ген.-ад. Григорович, узнав от меня, что письмо великого князя мною государю еще не доложено, предложил мне завтра же воспользоваться для сего его докладным временем в Царском, так как его личный доклад будет весьма краток.

Из содержания письма Николая Николаевича для меня была прежде всего очевидна необходимость возможно скорее осуществить замену генерала Янушкевича генералом Алексеевым и назначение, как было намечено, главнокомандующих фронтами—Северным ген.-ад. Рузского и Западным—генерала Эверта, дабы укрепить расшатывающееся командное начало.

Поэтому вечером я послал государю письмо нижеследующего содержания:

„Представляю вашему императорскому величеству письмо верховного главнокомандующего, полученное мною вчера, и телеграмму, полученную после письма.

С содержанием их я сегодня ознакомил Совет Министров.

Обдумав содержание письма и телеграммы, я пришел к убеждению о необходимости теперь же приблизить генерала Алексеева к верховному главнокомандующему.

Генерал-ад'ютант Рузский вступит в командование Северным фронтом в ночь с 17-го на 18-е.

Не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству выразить верховному главнокомандующему вашу волю, чтобы генерал Эверт немедленно вступил в командование Западным фронтом, сменив генерала Алексеева, которому прибыть в Могилев для принятия должности начальника штаба верховного главнокомандующего и устройства своего штаба.

По прибытии его туда могут быть изданы Указы о назначении генералов Эверта и Алексеева на указанные им должности и генерала Янушкевича, по желанию великого князя, помощником главнокомандующего на Кавказе.

Таким образом может создаться переходное положение до прибытия вашего императорского величества.

На случай, если вашему величеству угодно будет дать мне какие-либо по сему указания лично, докладываю, что морской министр будет иметь завтра доклад весьма краткий".

В тот же вечер я получил от государя записку:

„Совершенно согласен с вашим мнением о необходимости прибытия ген. Алексеева в Ставку и прочими предположениями. Телеграфирую в этом смысле верховному главнокомандующему. Прошу вас прибыть ко мне завтра в 11 часов".

В понедельник 17 августа я прочитал государю второе письмо верховного главнокомандующего, полученное мною накануне вечером и помеченное 15 августа:

„Посылаю Вам письмо ген. Алексеева и мою телеграмму ему в ответ.

Сегодня выяснился переход в наступление на различных пунктах Юго-Западного фронта. Было предположено взять еще один или два корпуса в Юго-Западном фронте для подкрепления Северного и Западного.

Я запросил ген. Алексеева считает ли он это необходимым. Он ответил утвердительно.

Тогда генерал-ад'ютанту Иванову была послана вчера телеграмма. Ответную его телеграмму посылаю Вам.

Запросил генерала Алексеева, ответа еще не получил. Телеграмма генерал-ад'ютанта Иванова ему послана.

Генерал Алексеев на мой запрос своевременно ли разделение Северо-Западного фронта, как предполагалось 17 августа, ответил утвердительно и согласился с моей мыслью о необходимости, в виду создавшейся обстановки у Вильны, видоизменить разграничительную линию между фронтами.

Линия изменена согласно его указания.

Теперь назрел новый вопрос—по важности высшего порядка. Развивается наступление германцев на Фридрихштадт—наши под давлением отступают, что грозит нам необходимостью очистить Ригу.

И вот является вопрос—важность которого я считаю высшего порядка: как отступать в районе Рига-Двинск.

Правым флангом или левым. Допустим ли разрыв между фронтами. Прикрывать ли непосредственно Петербург, предоставляя прикрытие направления Смоленск-Москва Западному фронту, или обратно.

Это такого рода вопрос—такой важности, что даже если бы не было перемены, я на него не решился бы, не доложив государю императору [1]). Кратко изложил мотивы—прошу Вас все доложить его величеству.

---

[1]) Возможность возникновения таких вопросов указывает еще раз на отсутствие в нашем Генеральном Штабе заблаговременно еще в мирное время продуманных соображений о ведении войны, подобных тем, о которых упоминалось выше, когда говорилось о подготовке немцами обороны Восточной Пруссии.

Его безотлагательный приезд, по моему мнению, необходим“ [1]).

Поясняя это письмо, я высказал мой взгляд, что верховному главнокомандующему необходимо в исключительно важных случаях, не ограничиваясь докладами начальника штаба, собирать к себе главнокомандующих фронтами и с ними обсуждать положение, внушая им согласованность действий, чего, повидимому, не делалось.

Я заметил, что всякая мысль, которая может быть истолкована, как критика действий в ставке великого князя, воспринимается весьма охотно, а потому и в данном случае я получил в ответ:

„Конечно, и, кроме того, надо об‘езжать войска, я сколько раз об этом говорил Николаю Николаевичу“.

Приложенные к письму великого князя письмо ген. Алексеева и телеграммы государь оставил у себя, обещая ответить от себя. Здесь я еще раз напомнил о желательности приема ген.-ад. Рузского, и мне было сказано, что его подробный доклад уже выслушан.

На следующий день, во вторник 18 августа, мною были лично представлены к подписанию Указы Правительствующему Сенату о назначениях: 1) начальника штаба верховного главнокомандующего ген.-от-инф. Янушкевича—помощником по военной части Наместника на Кавказе, 2) главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта ген.-от инф. Алексеева—начальником штаба верховного главнокомандующего, 3) главнокомандующего 6 армией ген.-ад. Рузского—главнокомандующим армиями Северного фронта и 4) командующего 4 армией ген.-от-инф. Эверта — главнокомандующим Западным фронтом.

Назначения эти, об‘явленные для всеобщего сведения в газетах, были встречены в Государственной Думе и в обществе с чувством большого удовлетворения. Говорили, что наконец-то энергичный великий князь, главнокомандующий, будет иметь около себя умудренного большим военным опытом советника в лице ген. Алексеева, и что возложением на победоносного [2]) полководца ген. Рузского защиты Северного фронта можно считать столицу и военную базу Петрограда вне опасности.

Никто еще в публике не подозревал, какой конец последует через несколько дней за этой серией полезных перемен.

Пока вершились эти события военного порядка, явления политической жизни, после заявлений, сделанных в заседании Государственной Думы 1 августа, принимали все более и

---

[1]) Упоминаемых в этом письме документов в делах А. А. Поливанова не оказалось. *Ред.*

[2]) Победоносным талантам Рузского верило далеко не большинство общества, а тем более военного. *Ред.*

более определенную форму требований, обращенных к правительству.

5—6 августа в заседаниях старейшин Государственной Думы все фракции, за исключением крайних правых и крайних левых, пришли к соглашению о необходимости организовать страну при помощи думского законодательства. 9 августа представители пришедших к такому соглашению фракций собрались на частное совещание в квартире М. В. Родзянко и здесь был обсужден и принят список десяти очередных законодательных предположений. Через день, 11 августа, те же представители сошлись на совещание с единомышленными членами Государственного Совета и образовался „прогрессивный блок", который, после заседаний 14 и 15 августа в выделенной из него комиссии, и после общих заседаний блока, происходивших 17, 19 и 22 августа, преодолев целый ряд противоречий во мнениях, пришел к следующей формулировке своей программы, которая и была подписана представителями групп 24 августа и опубликована 25 августа в Московских и 26 августа в Петроградских газетах.

„Нижеподписавшиеся представители фракций и групп Государственного Совета и Думы, исходя из уверенности, что только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и что такою может быть лишь власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли к единогласному заключению, что важнейшая и насущнейшая задача создания такой власти не может быть осуществлена без выполнения нижеследующих условий:

1) Создание об'единенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы.

2) Решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывавшихся на недоверии к общественной самодеятельности, в частности:

а) строгое проведение начал законности в управлении;

б) устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций;

в) обновление состава местной администрации;

г) разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира, и устранение розни между национальностями и классами.

Для осуществления такой политики должны быть приняты следующие меры, как в порядке управления, так и в порядке законодательства:

1) В путях монаршего милосердия прекращение дел, возбужденных по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях, не отягченных преступлениями общеуголовного характера; освобождение от наказания и восстановление в правах, включая право участия в выборах в Государственную Думу, в земские и городские учреждения и т. д. лиц, осужденных за эти преступления, и смягчение участи остальных осужденных за политические и религиозные преступления, за исключением шпионов и предателей.

2) Возвращение высланных в административном порядке за дела политического и религиозного характера.

3) Полное и решительное прекращение преследования за веру под какими бы то ни было предлогами и отмена циркуляров, последовавших в ограничение и извращение смысла указа 17 апреля 1905 года [1]).

4) Разрешение русско-польского вопроса, а именно: отмена ограничений в правах поляков на пространстве всей России, незамедлительная разработка и внесение в законодательные учреждения законопроекта об автономии царства Польского и одновременный пересмотр узаконений о польском землевладении.

5) Вступление на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, облегчение доступа в учебные заведения и отмена стеснений в выборе профессий. Восстановление еврейской печати.

6) Примирительная политика в финляндском вопросе, в частности, перемены в составе администрации и сената прекращение преследования против должностных лиц.

7) Восстановление малорусской печати; немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей и сосланных, и освобождение тех из них, которые подверглись преследованию невинно.

8) Восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследований представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализированной партии. Восстановление рабочей печати.

9) Соглашение правительства с законодательными учреждениями относительно скорейшего проведения:

а) всех законопроектов, имеющих ближайшее отношение к национальной обороне, снабжению армии, обеспечению раненых, устройству участи беженцев и другим вопросам, непосредственно связанных с войной;

б) следующей программы законодательных работ, направленных к организации страны для содействия победе и к поддержанию внутреннего мира:

---

[1]) Вероятно 17 октября. *Ред.*

Уравнение крестьян в правах с другими сословиями. Введение волостного земства.

Изменение земского положения 1890 года.

Изменение городового положения 1892 года.

Введение земских учреждений на окраинах, как-то: в Сибири, Архангельской губ., Донской области, на Кавказе и т. д.

Законопроект о кооперативах.

Законопроект об отдыхе торговослужащих.

Улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих.

Утверждение трезвости навсегда.

О земских и городских с'ездах и союзах.

Устав о ревизии.

Введение мирового суда в тех губерниях, где введение его приостановлено по финансовым соображениям.

Соглашение это было подписано председателями фракций от прогрессивной группы националистов, центра, земцев-октябристов, от группы союза 17 октября, от фракции народной свободы.

Представители блока в Государственном Совете присоединились к соглашению при следующем заявлении:

„Рассмотрев программу ближайших мероприятий в порядке управления и законодательства, об'единившую значительное большинство Государственной Думы, и одобряя общие основания, намеченные в этой программе, группа центра Государственного Совета с примыкающими к ней членами кружка беспартийного об'единения и группа академическая, в соединенном заседании 24 августа 1915 года постановили: присоединиться к программе, об'единившей Государственную Думу".

В то же время в Москве происходили совещания, на которых центральным вопросом являлся вопрос об организции власти. 19 августа Московская Городская Дума приняла следующую резолюцию:

„1) Москва знает, что во власти врага целый ряд наших городов и даже крепостей. Но Москва неуклонно и твердо верит в русскую армию и ее вождя великого князя и готова напрячь все свои силы для создания условий, обеспечивающих победу. Война должна быть доведена до конца. Мир должен быть заключен только после полной победы над врагом и при единодушном согласии всех союзников. 2) Война вступила в новую фазу. Создавшееся положение ставит новые, более ответственные задачи. В этот момент все силы страны, все слои населения должны соединиться в общей напряженной работе, чтобы предпринять все, что ведет к работе. 3) Основанием к достижению победы служит единение народного представительства со страной. Москва

убеждена, что Государственная Дума сумеет в этот час исполнить пожелания, продиктованные страной. 4) Стоящая ныне ответственная задача требует созыва правительства, сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна".

Резолюция эта вызвала широкий отклик в стране, как было видно из присоединения к ней многочисленных городских самоуправлений.

Взгляд правой части Государственной Думы на дальнейшую судьбу думской сессии выразился в том, что депутаты этих фракций, после первых же думских заседаний, начали быстро раз'езжаться по домам. Газета „Речь" опубликовала 6 августа имена 37 правых и националистов, 26 членов центра и октябристов, 11 беспартийных и 6 членов оппозиции, взявших отпуски в течение одной недели. Это приостановило дальнейший раз'езд, но не изменило сложившегося взгляда правой части Государственной Думы на ограниченность задач сессии и на целесообразность скорого окончания ее.

Обратило на себя внимание выступление одного из лидеров правых А. Н. Хвостова в защиту вопроса о „немецком засилье". Эта речь, требовавшая от власти только твердости, привела его вскоре на пост министра внутренних дел. „Население волнуется", признавал и он; „население, может быть, ошибочно, говорит: „продались и предались". Чтобы предупредить „самосуд", Государственная Дума сама должна принять меры против „хищников"—капиталистов и банкиров, против немецких колонистов, против администраторов, то мирволящих немцам, то „допускающих разгром собственной столицы государства", благодаря неосведомленности „осведомительных органов".

Первые же признаки образования прогрессивного блока вызвали большое волнение в правых группах. Уже 10 августа в печати появилось известие об организации „черного блока". В Государственной Думе партия центра вошла в прогрессивный блок и энергично боролась против „черного"; националисты раскололись на две группы, одна из которых отошла вправо, а другая вошла в блок. С этого момента началась агитация правых против продления сессии Государственной Думы.

В тот самый вечер 22 августа, когда программа блока была окончательно принята, совет об'единенного дворянства уполномочил своего председателя послать И. Л. Горемыкину известное письмо, где заявлялось, что „проявляющиеся в стране, в тылу нашей доблестной армии, стремления некоторой части общества пользоваться тяжелым временем войны для достижения излюбленных левыми течениями политических целей представляют собою явную опасность спокойствию страны" и что „поэтому постоянный совет, как орган, об'единяющий

мнения российского дворянства, считает долгом представить правительству, что по глубокому его убеждению произносимые и передаваемые прессою во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребления печатным словом являются предвестниками новых смут, с целью изменения государственного строя России".

На другой день, по возвращении моем из Ставки, а именно 12 августа, я заехал к А. В. Кривошеину, в помещение его в Главном Управлении Земледелия, чтобы рассказать ему впечатления моей поездки и осведомиться о происходившем здесь. Встретил у него кн. Н. Б. Щербатова и П. А. Харитонова, и разговор наш от текущих событий, связанных с внутренней политикой и с предстоящей переменой верховного командования, принял неожиданное для меня направление.

А. В. Кривошеин, установив полную непригодность для данных обстоятельств такого главы правительства, каким является Горемыкин, сказал, что председателем Совета Министров надо на время войны назначить меня, что Государственная Дума и общественные круги относятся ко мне с доверием, что во время великой войны, когда вся страна должна быть тылом для армии, сосредоточение полной власти в руках военного министра вполне логично, и сама Государственная Дума, рассматривая законопроект об Особом Совещании по обороне, неоднократно подчеркивала необходимость сосредоточения в руках председателя Особого Совещания—военного министра больших полномочий по принятию внутри страны мер, потребных для развития средств обороны. На мой ответ, что к деятельности председателя Совета Министров в той ее области, которая касается внутреннего управления государством, я считаю себя совершенно неподготовленным, А. В. Кривошеин, при молчаливом согласии присутствующих, сказал: „мы все вам будем помогать и будем у вас собираться для этого хоть каждый день". Разговор на этом прекратился, но я обещал А. В. обедать у него на даче на следующий день.

Перед этим обедом, в присутствии тех же министров, и если не ошибаюсь, еще П. Л. Барка, разговор о том же возник вновь, и я должен был ответить, что в такую минуту жизни государства мой отказ от исключительно ответственной должности, если признается, что я могу на ней быть полезен, не должен иметь места [1]).

---

[1]) В петроградских кругах того времени у лиц, соприкасавшихся с А. В. Кривошеиным, составилось убеждение, что одним из предметов его постоянных мечтаний было занять пост председателя Совета Министров. Выдвижение Поливанова на этот пост вместо престарелого Горемыкина, зная несимпатию к Поливанову Николая II, следует вернее рассматривать как дипломатический ход, чтобы самому А. В. Кривошеину занять пост премьера. *Ред.*

Оставшись как-то с А. В. Кривошеиным наедине, я высказал, что надо было бы ему прежде всех других кандидатов, учитывая его большой государственный опыт, заменить собою Горемыкина, но он ответил, что должность председателя Совета Министров ему предлагалась уже дважды, при чем первый раз после увольнения Коковцева, но он от нее отказался, и по состоянию здоровья, и по той причине, что не все общественные круги были бы довольны его назначением [1]).

В заседании Совета Министров 16 августа Горемыкин не сообщил, что, получив известие о совещаниях членов блока он накануне вечером пригласил к себе из Государственной Думы представителей от центральных групп и поставил им вопрос о возможности образования большинства для поддержки правительства. Он получил в ответ, что присутствующие связаны переговорами, пока еще не закончившимися, что в состав блока входят и фракции, представители которых отсутствуют в данную минуту у И. Л. Горемыкина, и что взгляд блока на состав обновленного кабинета исключает возможность соглашения с председателем Совета Министров.

Говоря в своем месте о некоторых из вопросов, поставленных на повестку заседания Совета Министров 16 августа, я не упомянул о вопросе, помещенном на особом секретном листке: „По поводу усвоенного некоторыми органами повременной печати направления". Изложенное мною выше движение политической мысли находило себе отражение в печати, где проскальзывали и слухи о возможности назначения А. В. Кривошеина на пост премьера и о приглашении нескольких министров без портфеля в состав правительства; Москва, по сообщению „Русских Ведомостей" выдвигала своих собственных деятелей, так как „безрезультатность личных перетасовок в бюрократической среде уже выяснилась".

Не высказывая определенно, что именно он находил в „усвоенном некоторыми органами повременной печати направлении" вредным для успеха войны, Горемыкин ворчал и на военную цензуру, обращаясь ко мне, и на главное управление по делам печати, обращаясь и к кн. Щербатову и обвиняя газеты в том, что они позволяют себе слишком многое. Никто его не поддерживал, ибо понималось, что он более всего недоволен слухами в печати об его уходе и потому никакого постановления вынесено не было.

Я уже упоминал, что в понедельник 17 августа мне надо было доложить государю письмо ко мне великого князя. Прибыв для сего в Александровский дворец, я встретил в приемной перед кабинетом А. В. Кривошеина и узнал от него, что он имел с государем разговор о современном поли-

---

[1]) На вряд ли. *Ред.*

тическом положении внутри страны и о непригодности Горемыкина для роли председателя Совета Министров и что в качестве кандидата на эту должность назвал меня. По его словам мысль о сосредоточении власти над страной, являющейся во время великой войны тылом для армии, в руках военного министра понравилась. Развивая эту мысль, в дальнейшем разговоре признано было правильным назначить меня не председателем Совета Министров, а председательствующим в Совете Министров, чтобы отметить этим названием временное назначение на время войны. Когда же Кривошеин повторил весь титул „председательствующий в Совете Министров, управляющий Военным Министерством", то государь поправил „нет, военный министр, я его скоро утвержу в должности" и прибавив затем, что сначала он относился ко мне холодно, а теперь доверие его ко мне окрепло, взял бумагу и начал писать какую-то записку. Далее Кривошеин упомянул о необходимости ввести в состав кабинета лиц не из бюрократии, а из числа известных общественных деятелей, и назвал при этом А. И. Гучкова приблизительно в таких выражениях: „Я знаю вы не любите Гучкова, но, призвав его, вы произвели бы этим прекрасное впечатление в стране и приобрели бы преданного слугу".

Этот разговор и упоминание о записке, которым он сопровождался, дал мне основание ожидать, что на следующий день, т.-е. во вторник 18 августа, после окончания моего обычного доклада и после паузы, обычно следующей за окончанием доклада, во время которой как бы что-то припоминают, будет сделано обращение ко мне с соответствующим разговору предложением, но такового не последовало, ни в сей день, ни в последующие.

Во вторник 18 августа в заседании Совета Министров я доложил о последовавших назначениях ген. Алексеева, Янушкевича, Эверта и Рузского. В виду того, что после этих назначений можно было ожидать скорого от'езда государя в Ставку, решено было, по предложению А. В. Кривошеина и некоторых из других министров, просить его принять Совет Министров, дабы, изложив ему затруднительное положение, в котором находится страна, просить его не вступать в верховное командование армией.

Вечером в Царском Селе меня посетил дворцовый комендант ген. Воейков и сообщил мне, что государь желает придать торжественный характер началу работ Особого Совещания по обороне в новом его составе и открыть лично его заседания в Зимнем Дворце, предоставляя мне, как председателю, установление всех подробностей и намечая день открытия на субботу 22 августа. Таким актом, по словам Воейкова, имелось в виду показать стране, что государь, принимая на

себя звание верховного главнокомандующего, руководит и работами тыла, тогда как до сей поры руководство армиями и руководство работами тыла для армий об'единено не было; наблюдались невыгодные последствия двоевластия. При периодических же приездах из Ставки новый верховный главнокомандующий может и повторять такое свое председательствование в Особом Совещании.

Эту мысль, конечно, можно было только приветствовать.

В среду 19 августа состоялось рассмотрение в Государственной Думе законопроекта о порядке призыва и назначения ратников государственного ополчения 2 разряда. Вся сущность и последствия этого призыва, осуществляемого у нас впервые, усматривается из речи председателя комиссии по военным и морским делам А. И. Шингарева. Речь эту, в виду ее исключительного интереса, привожу почти полностью.

Г.г. члены Государственной Думы. Вопрос, который стоит у нас на очереди—о призыве ратников второго разряда, конечно, является самым серьезным вопросом в деле нашей обороны. В комиссии военно-морской прежде, чем перейти к этому вопросу, мы сочли себя обязанными подробнейшим образом выяснить, в каком положении находится дело снабжения нашей армии. Прежде чем сознательно расширять требования Военного Министерства, дать ему новые сотни тысяч людей для пополнения армии, мы должны были спросить их: а в каком же положении вооружение этой армии, снабжение ее снарядами, ружьями, патронами, для того, чтобы положение людей, которых мы дадим, не было бы печальным, чтобы эти люди не были безоружными. Мы должны были далее спросить их: в каком же положении дело обучения набираемых вами людей, какова убыль в вашей армии, для того, чтобы нам знать, на что вам нужно такое большое количество людей. Все эти вопросы подробно, как знают члены военно-морской комиссии и многие г.г. депутаты не члены, присутствовавшие в наших заседаниях, подробнейшим образом в течение многих дней были в нашей комиссии рассмотрены. Г.г., картина, которая нам предстала в этом обсуждении,—печальная картина. Мы должны сказать, что на ответственности прошлых деятелей военного министерства и отчасти, и ныне еще там работающих лежит громадный недостаток в нашей армии в предметах снаряжения и оборудования. Мы должны сказать на основании опыта работ нашей комиссии, что огромные жертвы людьми, которые несет наша армия, лежат на ответственности преступного бездействия прошлых управителей военными делами. (Голоса: правильно, верно). Мы считаем, что эта громадная ответственность должна власти и следственную комиссию принудить к тому, чтобы эти деятели печального прошлого понесли заслуженную кару.

(Голоса: правильно, верно). Но как бы то ни было, и в настоящее время мы не имеем возможности еще с полной уверенностью сказать, что дело снабжения армии в скором времени будет значительно улучшено, и новому заведывающему Военным Министерством предстоит еще огромная работа по устранению тех непорядков и тех недочетов, а иногда и злоупотреблений, которые коренятся в некоторых отделах его обширного ведомства. Особенно мы считаем необходимым добавить, чтобы был предпринят самый тщательный надзор за исполнением заказов за границей, особенно в Америке. Нередко мы должны были констатировать, что это исполнение заказов идет неправильно. Были случаи, когда заказчики, получившие заказы, доводили до самой последней минуты, и когда наступали последние сроки исполнения, они заявляли, что они заказов исполнить не могут. Повидимому, являлись даже злонамеренные лица в этой Америке,—быть может, дутые предприятия брали заказы по наущению германских агентов, а наше ведомство доверчиво ждало до последнего момента, когда начнут поступать заказы. Как бы то ни было, не смотря, г.г., на все отрицательные стороны этого дела, несмотря на очень большое количество обнаруженных нами дефектов, мы по совести все же должны сказать, что за последнее время, за последние недели, быть может, под давлением, под влиянием особого совещания, куда входят некоторые наши товарищи, дело исполнения заказов стало на более правильный путь, что увеличивается в армии количество снарядов и количество ружей, количество патронов, что дело снабжения армии делает несомненные, хотя быть может недостаточные успехи.

В еще более неприглядном положении до последнего времени состояло дело обучения людей для подготовки их к боевым делам. В армии справедливо жаловались, что приходящие туда на пополнение частей запасные недостаточно обучены, что они приходят сплошь и рядом невооруженные, не имеющие достаточного опыта обращения с оружием, не имеющие достаточного навыка к самым необходимым приемам военного дела. В этом отношении был нами разобран вопрос и об офицерском составе и об обучении в запасных батальонах, и о необходимости привлечения к делу обучения целого ряда лиц, которых знания к тому дают возможность.

Мы получили категорические заверения, что чистка существующего офицерского состава, занимающего иногда должности, которые могут занимать и иные лица, будет произведена с тем, чтобы в запасные батальоны были набраны более опытные учителя.

Затем, в комиссии настойчиво раздавались голоса о том что предварительно, совершенно необходимо привлечь в ряды

войск такие элементы, которые уже являются в достаточной степени обученными; такими элементами являются элементы, служащие в нашей полиции, низшие и высшие. Здесь вы найдете достаточный кадр офицеров, унтер-офицеров, знающих свое дело; здесь вы найдете значительное количество нижних чинов, специально обученных владеть оружием, годных для призыва немедленно в армию.

Это пожелание, которое уже дважды высказывалось Государственной Думой, к сожалению встречает непреодолимое сопротивление со стороны министерства внутренних дел.

Но, тем не менее, г.г., это не даст достаточного запаса людей для пополнения армии и для изгнания врага из пределов нашей родины. Потери, которые мы несли и несем, чрезвычайно громадны. Нам было сообщено, что в месяц необходимо по крайней мере 30.000 или 40.000 чел. для пополнения только одной убыли в армии. Если такого пополнения не производить своевременно, если не немедленно пополнять войсковые части, то наша армия в отдельных ее частях может почти растаять, и тогда не будет даже живой стены, которая способна сдерживать натиск врага.

Следовательно, нужда в пополнении настолько велика и настолько остра, по об'яснениям представителей военного министерства, что силою обстоятельств, силою горькой нужды приходится иногда, под давлением спешных требований начальников армий, с места посылать недостаточно подготовленные части.

Так как пополнение армии велось и не систематически, и не своевременно, так как обучение внутри империи не было достаточно организовано, то получилось такое положение, что все, что призывается, в очень скором времени попадает в войска. Сначала обучали два месяца, потом стали обучать месяц, посылая после четырехнедельного обучения людей мало пригодных.

В настоящее время Военное Министерство, повидимому, правильно — насколько мы можем судить — предпринимает другой опыт, опыт, который, повидимому, предпринят и нашим врагом значительно раньше. Оно желает сразу, в несравненно большем количестве, чем ежемесячная убыль, призвать в ряды новобранцев огромное количество людей. В настоящее время произошел призыв 1917 г. Он даст около 700.000—800.000 чел. Дальше призываются ратники первого разряда более старых годов; эти старые года пойдут на охраны дорог, на службу по железным дорогам, караулам и т. д., а их более молодые сотоварищи, уже состоящие в рядах войск, могут отправиться в действующую армию. Затем предстоит призыв по тому законопроекту, который мы обсуждаем и который дает право призыва целой категории

ратников второго разряда. По об'яснениям представителя ведомства, предполагается в начале сентября призвать четыре или пять ранних сроков этих ратников второго разряда. Это даст по каждому сроку около 200.000—250.000 чел., т. е. свыше миллиона людей, да, кроме того, остаются те, которые призваны по 17-му году—свыше 700.000 чел. Быть может, таким образом, около двух миллионов людей ведомство получит в свое распоряжение. Отдельные части этих двух миллионов будут, к сожалению, в первое время посылаться на укомплектование убыли в войсках, а остальная масса будет подготовляться внутри империи более продолжительным обучением—4, 5, 6, быть может, месяцев, с тем, чтобы создать новую грозную силу в тот момент, когда у нас будет и достаточное количество орудий, снарядов, ружей и патронов.

Вот надежды ведомства, вот и наши надежды: через несколько месяцев из этой массы обучаемых людей получить достаточно грозную силу для того, чтобы отразить врага.

Конечно, недостаточно еще снаряжения оборудования, вооружения; недостаточно еще и массы людей, нужно, чтобы у этой массы были и командиры, и вожди. Наблюдается у нас здесь и полное отсутствие достаточного плана, проводимого систематически в нашей кампании; было много нареканий и на отдельных лиц, не стоявших на высоте своего долга вождей. Особенно тяжелое впечатление произвели в комиссии сведения, полученные по поводу сдачи целого ряда наших крепостей,—удручающие, позорные картины прошли перед нашими глазами в этом отношении и чрезвычайно взволновали членов комиссии.

Нет достаточной связи и между внутренним управлением воинскими делами и тем, что делается в управлении армии на месте. Комиссия не раз высказывала настойчивые пожелания о том, чтобы такое единение Ставки и военного министерства осуществлялось более планомерно, чтобы Ставка вполне знала, что имеет внутри, и военное министерство вполне знало, что должна иметь Ставка, чтобы общий план и об'единение общей работы на дело обороны были проведены в этом управлении, чтобы не было такого странного средостения, такого двоевластия, которое только портит и губит дело.

Запас еще не взятых людей у нас недостаточно велик: количество ратников второго разряда исчисляется приблизительно в четыре с небольшим миллиона людей. При этом запас такой, что последний его возраст является уже материалом не очень боеспособным. Как показал опыт призыва ратников первого разряда старых годов, этот материал не очень годен для современной тяжелой войны. Следовательно, в запасе мы имеем четыре слишком миллиона лиц. Следует

отнестись несколько осторожно к последним его годам. Затем имеется запас ратников первого разряда; он небольшой, и только более взрослые сроки.

Наконец, имеются сроки призвать, быть может, в будущем году родившихся в 1897 г. 18-летних юношей. Но тот, кто видел набор современный 1917 г., кто видел этих полуподростков, полудетей, конечно, он должен придти к выводу, что этим материалом требуется пользоваться с осторожностью, его необходимо беречь до крайней степени и лишь в самой острой нужде прибегать к ним.

Понятно, необходимость заставит, быть может, делать и это, но комиссия, разбирая этот вопрос о людском запасе, вспомнила и о том, что есть значительная категория населения, до сих пор не отбывающая воинской повинности; таковых около 20.000.000 чел.; это так называемое инородческое население: мусульманское население Закавказья, население Туркестана, некоторые его группы, инородцы Сибири и т. д., киргизы и проч. Эти элементы населения, до настоящего времени, не отбывая воинской повинности никогда, с этим даже сами мириться не желали; они считали это обидным, оскорбительным для них. Мы знаем такие заявления со стороны киргизов, со стороны мусульман Закавказья; они недоумевали, почему они не должны, не могут отбывать воинской повинности. Приблизительно 10.000.000 душ мужского населения этих групп—следовательно, если вы даже будете считать 5% этого населения годным для военного дела, то вы получите запас около 500.000 чел.

Вы видите, господа, что в деле людского запаса, хотя мы имеем огромное преимущество над нашим врагом, хотя мы можем продолжать борьбу еще долгие и долгие месяцы, пользуясь этим запасом, но мы все же должны сказать нашему Военному Министерству: помните, что эти запасы, уже последние запасы, помните, что вы должны к ним относиться чрезвычайно бережно, помните, что вы не должны, подобно вашим предшественникам, так вести дело, чтобы мы тратили даром и зря людей. Дорога, бесценна, господа, кровь этих людей, проливаемая за родину; отнеситесь к ним вдумчиво, берегите каждую отдельно человеческую жизнь, постарайтесь обучить их лучше всего, постарайтесь,—и в этом ваш главный долг,— не взирая ни на какие препятствия, не слушая никаких влиятельных людей, дать этим людям лучших учителей и лучших командиров, и лучших вождей.

Такова, господа, в общем сущность данного законопроекта. (Рукоплескания слева, в центре и справа) [1]).

---

[1]) Стенографический отчет Гос. Думы IV созыва. Секция 4. Заседание 12-19 августа 1915 г. (*Ред.*).

Я предупредил М. В. Родзянко о предстоящем торжественном открытии Особого Совещания нового состава, и он высказал пожелание, чтобы в Зимнем дворце были приняты не только члены законодательных палат, избранные в Особое Совещание по обороне, но и избранные в три остальных Особых Совещания. А. И. Шингарев заявил мне, что он желал бы на этом приеме подать государю записку с изложением взгляда комиссии по военным и морским делам о состоянии снабжения армии.

Известия о новых назначениях—ген. Алексеева и Рузского вызвали в Государственной Думе чувство большого удовлетворения и так как все желали видеть в этих назначениях мое влияние, то отношение ко мне было исполнено большого доверия и расположения.

Выборы в члены Особого Совещания по обороне состоялись в тот же день и в Государственном Совете.

19 августа я в числе некоторых других министров (кн. Н. Б. Щербатова, И. А. Харитонова, П. А. Барка) обедали у А. В. Кривошеина на занимаемой им казенной даче на Аптекарском острове. После обеда туда же прибыли почти все остальные министры и И. Л. Горемыкин и вошли в обсуждение того, как и что говорить на заседании у государя в Царском, чтобы убедить его отказаться от вступления в командование армиями; сделалось известным, что заседание назначено на завтра в 9 час. вечера.

Я заявил, что выскажу следующее мнение: государь, приезжая в Ставку, не делается зрителем совершающихся событий, а вступает в командование, при чем верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич обращается в его начальника штаба; с от'ездом государя из Ставки верховный главнокомандующий вновь вступает в свои права. При таком положении вещей самолюбие государя могло бы найти себе удовлетворение, а фактически верховное управление военными действиями оставалось бы в руках пользовавшегося общественным доверием великого князя, подкрепляемого опытом и вдумчивостью вновь назначенного начальника штаба ген. Алексеева.

На следующий день в газете „Речь“ появилась заметка с указанием, что из наличного состава кабинета, наиболее подходящим главой помимо А. В. Кривошеина является военный министр А. А. Поливанов и что последняя кандидатура встретила сочувствие и, повидимому, одобряется и высшими сферами.

Днем, пока я занимался в канцелярии военного министерства, меня вызвал гр. В. Н. Коковцев к телефону и поставил вопрос—правда ли, что я назначаюсь председателем Совета Министров, и мой отрицательный ответ его видимо не удовлет-

ворил. Затем у меня появился член Государственной Думы П. Н. Крупенский и со словами: „есть соглашение, достигнуто", вручил мне листок, на котором были напечатаны основные положения, принятые членами прогрессивного блока, а затем, пытливо смотря мне в глаза и улыбаясь, проговорил: „теперь все зависит от правительства или—как сегодня говорят в Думе—от вас". Едва ушел Крупенский, доложили о прибытии председателя Государственного Совета А. Н. Куломзина, и он, столь же пристально смотря мне в глаза, но без улыбки, начал свою беседу с осторожного сообщения о том, что среди Государственного Совета говорят о назначении меня председателем Совета министров, как о вопросе решенном.

Цель его прихода была осведомиться о подробностях торжественного заседания в Зимнем Дворце. Я рассказал ему все, что знал, и условился и с ним о том же, о чем уже успел условиться с М. В. Родзянко, а именно, что заседание должно иметь исключительно характер торжественный, а потому речи должны быть ограничены тремя краткими обращениями к государю: от меня, как от председателя совещания, и от председателей Государственного Совета и Государственной Думы, как членов совещания и в то же время представителей законодательных палат, от коих будут приглашены не только избранные в состав Особого Совещания по обороне, но и вошедшие в состав трех других совещаний. Таким сокращением официальной части заседания мы дадим возможность государю иметь время для беседы с представителями законодательных учреждений и общественных организаций.

В 9 час. вечера министры[1]) собрались в Царское Село в Александровском дворце, в той же комнате, в которой заседали 8 и 29 июля. Настроение у всех, кроме Горемыкина, повидимому, было взволнованное. После того, как государь занял место за серединой стола, Горемыкин в очень общих выражениях изложил, что, осведомившись о назначенном уже на 22 августа от'езде в ставку, Совет Министров испросил приема для получения указаний и доклада о тревожащих его вопросах. После этого министры А. В. Кривошеин, кн. Н. Б. Щербатов, П. А. Харитонов, С. Д. Сазонов, А. Д. Самарин высказывали свои взгляды на тревожное положение общественной мысли, на необходимость с ней считаться и на ту тревогу, которая может обнять страну, когда она узнает, что царь уехал из столицы, от своего правительства, в армию, сместив там доныне командовавшего армиями великого князя, который как бы попадает в опалу, хотя Россия и не приписывает ему вины в постигших нас военных неудачах. Я высказал ту мою мысль, о которой говорил накануне в совещании у

[1]) Министр путей сообщения С. Р. Рухлов отсутствовал по болезни.

А. В. Кривошеина. Все, что вставлял от себя Горемыкин, не давало основания признать какое-нибудь определенное с его стороны мнение. Он говорил не о главных предметах, а о том, что было с ними рядом; например, не о факте от'езда великого князя, а о том, что ему надо выбрать такое направление пути, которое избавило бы его от народных встреч. Государь со скучающим видом отвечал, обращаясь часто к Горемыкину общими фразами: „я увижу", „мне об этом будет доложено", „я об этом подумаю" и в заключение, уже вставая с места, чтобы окончить заседание, произнес: „я выслушал ваши соображения и остаюсь при моем решении". Возвратились мы в Петроград в настроении подавленном....

21 августа в газетах появился указ об увольнении товарища министра внутренних дел и командующего отдельным корпусом жандармов ген.-майора Джунковского от занимаемых им должностей.

Князь Орлов писал мне: „Очевидно приговор надо мною уже исполняется и я уже свыкся с мыслью служить во время войны при великом князе [1]), где я, может быть, могу еще принести пользу. Здесь же ясно я уже более не могу быть полезным. Вывожу я это чувство, т.-е., что меня уже вышибают, из того, что не значусь в списке едущих в Ставку. Просьба моя к вам следующая: умоляю вас всем для вас святым поддержать мой уход, а не стараться меня защищать. Для меня теперь, после того, что я знаю, невозможно было бы служить с покойным сердцем, зная как его величество оценил мою 15-летнюю службу при нем. Дай бог мне сил вдали от двора навсегда отдать остающуюся еще у меня энергию на пользу нашей многострадальной святой Руси и помазаннику господа. Дай господи, чтобы ни случилось что-то страшное... жутко и грустно".

В московских газетах 21 августа появились статьи, обсуждающие современное политическое положение и мою кандидатуру в председатели Совета Министров [2]).

Мой товарищ по полку и по службе в Генеральном Штабе Киевского округа, ныне главнокомандующий Северным фронтом—ген.-ад. Рузский прислал мне письмо, помеченное 19 августа и характеризующее состояние в ту пору Северного фронта, преграждающего путь к столице: [3]) „Прибыв в Псков с грустью узнал, что все меры, решенные на

---

[1]) Николай Николаевич. *Ред.*

[2]) „Русские Ведомости" *Ред.*

[3]) 12 августа меня посетил управляющий Госуд. Банком И. П. Шипов с вопросом, как я смотрю на возможность скорого занятия немцами Петрограда. Я ответил ему, что такой возможности не допускаю. Ответ мой основывался на неспособности германского командования принимать рискованные решения; рискни они в эту пору продвинуться вперед, они легко пе-

совещании в Барановичах [1]) об образовании Северного фронта, изменены в корне. Сильная 10 армия перешла в Западный фронт и, кроме того, из армии Плеве [2]) около 2-х дивизий взяты в 10 армию. На Северном фронте, на долю которого отведена линия около 250 верст, оказалось, не считая ополченских дивизий 108 и 109, принадлежащих 6 армии и имеющих особое назначение, всего две армии—5 (Плеве) в составе не полных 2-х корпусов и 12 (Горбатовского) в составе 3-х корпусов, из коих 37-й, по заявлению Горбатовского, отброшенный к Западной Двине, небоеспособен, а 28 корпус только что прибыл в дезорганизованном виде,— без тяжелой артиллерии, без сапер, без этапов. Значит, за исключением 37 корпуса на 260 верст всего 4 корпуса и при том слабого состава. Вот причина нашего отхода к Западной Двине в район Фридрихштадта".

„Теперь идет в 12-ю армию очень слабый по составу (12 тыс. штыков) 2-й Сибирский корпус".

„Про задачи, данные фронту, и говорить нечего; одна из них может навести на грустные размышления. Дело в том, что предположено на 10-ю армию, отданную Западному фронту, возложить задачу прикрывать фланг (правый) остальных армий этого фронта, с направлением ее много южнее Полоцка, а важное направление на Полоцк предоставлено прикрывать только коннице Западного фронта; Северному же фронту одною из задач указано прикрывать правый фланг Западного фронта. Откровенно сказать, в первый раз приходится слышать, чтобы на группу армий (по нашему фронт) возлагалось прикрытие фланга другой группы армий (фронта)" [3]).

„Смущенный тем, что нашел здесь и опасаясь за участь нижнего течения Западной Двины, особенно в виду прибывающих сильных подкреплений, я, помимо телеграммы в Ставку по

решли бы Двину и дошли осенью до линии Псков—Ревель, воспрепятствовали бы усилению этой линии и весной 1916 года угрожали бы Петрограду.

Прим. ред. Германское командование навряд ли возможно упрекать в неспособности принимать разумно-рискованные решения.

[1]) Это совещание могло состояться еще до 7 августа, так как 7 августа Ставка перешла в Могилев.

[2]) Командующий 5 армией. *Ред.*

[3]) Суждения Рузского безусловно пристрастны. В случае дальнейшего отступления Западного и Северного фронтов они должны отступать в разных направлениях и вполне очевидна была необходимость озаботиться о прикрытии образовавшегося между ними промежутка, для чего и предназначалась 10-я армия. Рузский принадлежал к числу тех генералов, которые в течение всей войны ухитрялись требовать себе побольше войск и не давали ни одного сражения. Раздутый подвиг взятия покинутого австрийцами Львова, заставлял Рузского избегать на Зап. Двине активных операций, которые могли бы уничтожить его Львовскую репутацию. *Ред.*

всем этим обстоятельствам, вызвал к юзу Янушкевича, просил его направить к нам все, что предназначалось для 5 и 12 армий, с возмещением взятых из 5-й двух дивизий. Из переговоров по юзу выяснилось, что с 9 августа они, повидимому, почили от дел, а хозяйничает (подлинное выражение Н. Н. Янушкевича) Алексеев, вследствие предположенных изменений в высшем управлении; [1]) но 16 августа ими получено сообщение, что все остается по старому [2]), а потому, по словам Янушкевича, Ставкою сделаны уже новые распоряжения в духе восстановления первоначальных решений относительно образования фронтов. Но когда это еще будет, а дела на Нижней Двине, особенно у Фридрихштадта, очень неважны по причине нашей слабости и дезорганизованности".

„Мой фронт до сих пор еще не имеет хозяйственных органов, которые должны быть сформированы распоряжением главного начальника снабжений, т.-е. в буквальном смысле их у меня совсем нет; не прибыл даже начальник этого отдела. А между тем, хозяйственных и вообще тыловых вопросов бездна".

К этому письму от 19 августа была приложена записка от 20 августа: „Получил телеграмму от Алексеева, что он вступил в должность Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего; это через день, как я говорил по аппарату с Янушкевичем, который сказал, что с 16-го все оставлено попрежнему".

В вечерних газетах были помещены два известия, привлекшие к себе общее внимание [3]).

В течение дня 21 августа телефонными переговорами между министрами условлено было вечером собраться у С. Д. Сазонова, в квартире его в министерстве иностранных дел, всем доселе единомышленным между собою министрам, т.-е. всему Совету Министров, кроме И. Л. Горемыкина, близкого с ним, хотя и пользовавшегося общим нашим уважением, министра юстиции А. А. Хвостова и министра путей сообщения С. В. Рухлова, все это время болевшего и не примыкавшего к тем

---

[1]) Вполне соответствует письму ко мне верховного главнокомандующего от 14 августа.

[2]) Как видно из записки ко мне государя от 16 августа, он под влиянием прочтения им того же письма, послал в этот день телеграмму вел. князю; вероятно, в этой телеграмме была какая-нибудь любезная просьба „распоряжаться по прежнему", которая и была понята, как намерение „все оставить по старому".

[3]) Автор говорит, во-первых, о требовании Верховной Следственной Комиссией стенограф. отчетов Госуд. Думы за 1907—1912 г.г., в которых Гучков заявлял о причастности казненного Мясоедова к военному шпионажу и, во-вторых, о посещении государем и императрицей церквей в Петрограде.
Ред.

обменам мыслей, которые происходили в эту пору среди большинства министров.

Ко времени нашего сбора был уже подготовлен проект письменного обращения к государю, который, после введения в него некоторых поправок, был тут же переписан А. Д. Самариным и подписан всеми присутствовавшими министрами, кроме Григоровича и меня, ибо относительно нас было принято постановление, что в эту тяжелую минуту войны военный и морской министры не имеют права делать шаги и рисковать увольнением их от должности по причине политического характера.

Вот текст этого исторического письма:

Всемилостивейший государь.

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к вам. Поступить так нас обязывает верноподданический долг, любовь к вам и родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий.

Вчера в заседании Совета Министров, под вашим личным председательством, мы повергли перед вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в Верховном Командовании Армией. Но мы опасаемся, что вашему императорскому величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся вам высказать, что принятие вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, вам и династии вашей тяжелыми последствиями. На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета Министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства.

Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни гибельно.

Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить вам и родине.

Вашего императорского величества
верноподданные:

Петр Харитонов
Александр Кривошеин
Сергей Сазонов
Петр Барк
Кн. Н. Щербатов
Александр Самарин
Граф Павел Игнатьев
Князь Всеволод Шаховской

21 авг. 1915 г.

Решено было доставить это письмо государю завтра после заседания в Зимнем дворце. Расходясь от С. Д. Сазонова,

мы увидели, к удивлению нашему, у под'езда полицейского офицера, который ответил, что он прибыл на пост по случаю заседания Совета Министров. Таким образом, наше собрание не осталось в секрете.

В субботу 22 августа в двух противоположных по направлению петроградских газетах „Речь" и „Колокол" были помещены статьи, повторявшие ходившие в сферах слухи о трех кандидатах на пост председателя Совета Министров— Кривошеина, Поливанова и Сазонова.

В одиннадцатом часу утра 22 августа Белый зал Зимнего дворца начал заполняться участниками четырех Особых Совещаний. Чинам канцелярии военного министерства пришлось много похлопотать, чтобы за длинным столом, поставленным вдоль зала, распределить билетики с именами приглашенных. Общая система размещения была такая: за одной стороной стола государь, министры, чины министерства, за другой— председатель совещания, имея от себя направо членов Государственного Совета и налево членов Государственной Думы.

В исходе одиннадцатого часа в залу вошел гофмаршал кн. Долгоруков и сказал мне, что государь приехал, и что я могу его видеть. Войдя в соседний зал, я увидел государя ходящим по комнате с бумагой в руке, на которой была написана посланная ему мною речь, текст которой был составлен при участии А. В. Кривошеина.

Я доложил государю, имевшему вид взволнованный, что программу заседания имеется в виду ограничить тремя короткими речами, в ответ на его обращение к собравшимся, на случай, если он пожелает после заседания говорить с присутствующими, и предупредил, что председатель комиссии по военным и морским делам Государственной Думы испросит разрешения передать ему записку о состоянии снабжения армии.

Заседание происходило в последовательности, изложенной в отчете газеты „Правит. Вестника".

После закрытия заседания С. Д. Сазонов передал мне конверт с подписанным вчера письмом, а я передал его сопровождавшему меня фельд'егерскому офицеру для передачи государю или по пути в Царское, или уже по прибытии в Царское.

Разговоры государя и Александры Федоровны имели, конечно, общий характер; из членов Думы государь дольше, чем с другими, говорил с А. И. Шингаревым, приняв от него записку, и Александра Федоровна с А. Д. Протопоповым.

Обычный субботний доклад мне был назначен в 6 часов. На сей раз с докладом произошел следующий эпизод. Сопровождавший меня в Царское дежурный фельд'егерский офицер, вместо портфеля с бумагами, подобранными для до-

клада, захватил портфель с бумагами, приготовленными к заседанию Совета Министров. Ошибка эта была мною замечена, когда поезд уже отошел от станции, и хотя из Царского и было дано знать о высылке мне на автомобиле посланного с портфелем, но когда меня пригласили в кабинет, нужного портфеля еще не было, и я, об'яснив происшедшее, начал излагать предметы доклада по памяти, а в конце доклада вошедший в кабинет камердинер подал мне ожидаемый портфель, привезенный начальником фельд'егерского корпуса.

Прежде всего я просил государя, по прибытии в Ставку, переговорить с ген. Алексеевым о возможности найти среди командующих армиями и корпусных командиров таких лиц, которые уже устали для ведения войны, но могут быть полезными внутри империи для занятия высших командных должностей, с целью внесения в обучение многочисленных укомплектований—указаний опыта войны [1]).

Затем в докладе было ходатайство из Ставки о назначении главной до сей поры пружины в механизме стратегических соображений Ставки — генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Юрия Данилова командиром корпуса на Западном фронте. Генерал Алексеев, верный своим словам, сказанным мне в Волковыске, не пожелал оставить его своим сотрудником. По этому поводу я доказывал еще раз государю необходимость избрания на должность генерал-квартирмейстера лица, весьма авторитетного в армии, которое, в случае нездоровья Алексеева, могло бы его заменить; он со мной соглашался, но — как и можно было ожидать—впоследствии на этом взгляде не настоял.

Еще заслуживающим особого упоминания был доклад политического порядка. Член Государственного Совета И. А. Шебеко обратился ко мне с указанием на вопиющую несправедливость сохранять по отношению к полякам, заявившим себя столь доблестно в эту войну, тех ограничений, которые тяготели над порядком прохождения ими службы в армии (допуск офицеров-поляков и даже русских, женатых на польках, в части войск, и то не во все, лишь в известном проценте, воспрещение поступать в военные академии, на воспитательские должности в военно-учебных заведениях и т. п.). Я предложил ему обратиться ко мне по этому поводу с письмом, и полученное от него письмо сегодня доложил, получив разрешение представить соображения об отмене тех стеснений, кои были разновременно установлены в прохождении службы в армии лицами польского происхождения.

---

[1]) Я назвал несколько фамилий, которые государь записывал в своем настольном календаре.

На мое пожелание успеха в предпринимаемом сегодня историческом шаге—от'езде для принятия командования армиями—я получил несколько общих слов, сказанных с усталым видом.

Дежурный флигель-ад'ютант был приближенный к царской семье моряк-лейтенант Саблин. Из его слов я мог понять, что известное письмо было прочитано в вагоне по пути из Петрограда в Царское и произвело впечатление. Для того, чтобы у Саблина не оставалось сомнений в моем отношении к данному вопросу, я ему сказал, что с таким председателем Совета Министров, как Горемыкин, можно теперь довести страну до революции [1]).

---

[1]) 22 августа вечером Николай II отбыл в Ставку. *Ред.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I ТОМА.

стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ М. ПАВЛОВИЧА 3
ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА 9
АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ ПОЛИВАНОВ 12

Из дневников 1907—1913 годов.

1907 год 15
1908 „ 38
1909 „ 57
1910 „ 92
1911 „ 102
1912 „ 110
1913 „ 113

Девять месяцев во главе Военного Министерства 13 июня 1915 года—13 марта 1916 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 117
ВВЕДЕНИЕ 120
ГЛАВА I. Вызов в Ставку и назначение 127
ГЛАВА II. Вступление в должность 140
ГЛАВА III. К первой годовщине войны 158
ГЛАВА IV. В Государственной Думе 189
ГЛАВА V. Перемена Верховного командования и начало проявления темных сил 203